18+

ретро-детектив

ТЬМА В ОТРАЖЕНИИ

АНАСТАСИЯ ШЛЕЙХЕР

Анастасия Шлейхер
Тьма в отражении

https://litres.ru/74927519
ISBN 9785007169523

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Предательство, шантаж, убийство…

Что может помешать долгожданной свадьбе?

1928 год. Юная Одри Рассел мечтает выйти замуж за своего любимого, но вокруг нее постепенно сгущается тьма. В поместье Магнолия Гарденз появляется таинственная незнакомка, в округе бродит опасный преступник, и однажды ночью в доме происходит ужасная трагедия.

Детектив Эдвард Финч вынужден тайком вести расследование, где каждая новая улика приводит его к еще более ужасным открытиям.

Содержание

Глава 1. Пробуждение 5
Глава 2. Звонок 39
Глава 3. Прибытие 51
Глава 4. Исчезновение 72
Глава 5. Встреча 89
Глава 6. Предчувствие 108
Глава 7. Вопросы 124
Глава 8. Гостья 144
Глава 9. Посторонние 165
Глава 10. Решение 177
Конец ознакомительного фрагмента. 183

Тьма в отражении

Анастасия Шлейхер

© Анастасия Шлейхер, 2026

ISBN 978-5-0071-6952-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серия книг о детективе Эдварде Финче:

1. Смерть в саду
2. Крыло монарха
3. Проклятие фараонов
4. Тьма в отражении

Глава 1. Пробуждение

Самая изощренная хитрость дьявола состоит в том,
чтобы уверить вас, что его не существует.
Шарль Бодлер

Яркие лучи утреннего солнца с трудом пробивались сквозь темные портьеры на окнах, и в комнате постепенно становилось светло. Тут и там по стенам, выкрашенным в нежно-голубой цвет, пробегали солнечные зайчики, отраженные хрустальной фигуркой слона на столике возле кровати. Один из них скользнул по лицу девушки, которая в этот момент все еще спала крепким сном.

Одри Рассел ненавидела рано просыпаться: она частенько оставалась в постели до самого обеда, наслаждаясь чтением любимой книги или предаваясь мечтам о будущем. Но сегодняшний день обещал стать особенным: этим утром в поместье заглянет почтальон — мистер Пикори. Будто посланник самой судьбы он принесет ей долгожданную весть — письмо от Дарена, ее возлюбленного, ее будущего мужа; человека, который сделает ее самой счастливой девушкой на свете!

Одри ждала его письмо вот уже две недели. Дарен был вынужден задержаться во Франции, чтобы завершить очень важную сделку, и дату свадьбы перенесли почти на месяц.

Она была крайне огорчена таким положением дел. Именно сегодня ей предстояло узнать, продолжится ли ее мучительное ожидание, или она уже совсем скоро станет миссис Клиффорд.

Одри твердо решила во что бы то не стало проснуться с рассветом и дождаться мистера Пикори в саду. В последние несколько дней она не находила себе места, отчего стала очень нервной и раздражительной. Она то и дело срывалась на слуг, в особенности на Присси, свою горничную, пару раз поспорила с отцом и даже умудрилась накричать на своего любимого пса Купера, сейчас мирно дремавшего возле ее кровати. Одри с раннего детства не привыкла сдерживать свои эмоции: она никогда не скрывала своих истинных чувств и мыслей, и оттого ее нынешнее «подвешенное» состояние делало ее просто несносной.

«Сегодня все изменится!», — подумала девушка, сладко потягиваясь в постели. Она с явным наслаждением погладила простыни из индийского шелка и немного поежилась от их приятной прохлады. Неохотно открыв глаза, она окинула взглядом свою комнату. И тут ей в голову пришла неожиданная мысль, которую она все эти месяцы старательно отодвигала на задворки сознания: «В этой комнате я провела добрую половину своей жизни. Но через месяц все это останется в прошлом. Наш сад, наша библиотека, наши виноградники… И отец с его увлекательными историями, и Барб с ее глупыми шуточками, и моя милая Дебби. Бедняжка, как же

она будет без меня жить?»

Ненавязчивый стук в дверь заставил Одри вернуться к реальности.

— Войдите, — звучно скомандовала она.

Присси, юная горничная с вечно недовольным выражением лица, появилась на пороге комнаты.

— Доброе утро, мисс. Вчера вы просили меня разбудить вас пораньше…

— Да, я помню. Который сейчас час?

— Почти десять, мисс.

— Десять? — ахнула Одри. — Да ты в своем уме, Присси?! Я же наказывала тебе разбудить меня в семь! Ты что, оглохла на оба уха?

— Нет, мисс…

Горничная стыдливо опустила глаза в пол, но по еле заметной улыбке в уголках ее губ можно было понять, что она не слишком боится гнева хозяйки. Присси считала дни в ожидании момента, когда Одри наконец уедет из Магнолия Гарденз. Она терпеть не могла эту взбалмошную, своенравную девицу. К ее огромной досаде, ей пришлось стать горничной мисс Рассел, когда предыдущая покинула дом по причине болезни. Но теперь близился день «избавления», и осмелевшая Присси стала понемногу наглеть. Она могла подолгу не выполнять указания Одри или вообще делала вид, что не слышала или забыла о ее просьбе.

Вот и сегодня, в такой важный для ее хозяйки день, Прис-

си назло явилась на три часа позже назначенного времени. «Поделом ей! — злорадствовала она про себя. — Хочу увидеть ее лицо, когда она поймет, что пропустила приход мистера Пикори. О, эта самодовольная пустышка будет в ярости!»

— Ты совершенно бесполезна! — окончательно разозлилась Одри. — Я повторила тебе раз пять, что ты должна разбудить меня в семь! — Раскрасневшись от досады, она спустила ноги с кровати и пошарила ими по полу. — Где мои тапочки? Купер! — позвала она своего пса.

Курчавый черный пес породы барбет лениво поднялся с подстилки и подбежал к хозяйке, радостно виляя хвостом.

— Купер, ты снова утащил мои тапочки? — ласково пожурила собаку Одри. — Ах, ты негодник! — Она потрепала пса за ухо, отчего тот буквально подпрыгнул на месте. — Присси, поищи тапочки под комодом. И подай мне мой любимый халат.

Одри была невероятно разочарована: мистер Пикори уже принес почту, а значит, момент был упущен. Теперь долгожданное письмо лежало на рабочем столе в кабинете ее отца в стопке с остальной почтой. Лиззи, секретарша сэра Рассела, скорее всего, еще не успела рассортировать письма, так как сегодня с утра она должна была отвезти кое-какие важные документы в Винчестер.

— Отец у себя? — спросила горничную Одри.

— У сэра Рассела деловая встреча, — пробубнила в ответ

Присси.

Сейчас она изо всех сил старалась достать второй тапочек мисс Рассел из-под комода, куда его самым тщательным образом припрятал Купер. Рука ее затекла от неудобного положения. Вся пунцовая и взмокшая, она кое-как поднялась на ноги и, выдавив из себя улыбку, протянула тапочек хозяйке.

— Прошу вас, мисс.

— Да ведь он весь в пыли! — возмутилась Одри. — Ты разве не видишь? — Она покрутила домашней туфлей из розового атласа, перед лицом Присси. — Принеси мне другую пару, а я пока умоюсь и переоденусь. Мне нужно срочно увидеться с отцом!

— Но мисс, — неуверенным тоном возразила горничная, — сэр Рассел просил его не беспокоить…

— Вот еще! — отмахнулась Одри. — Меня отец рад видеть всегда!

— Кажется, сэр Рассел беседует с юристом…, — заметила Присси. — Он даже от завтрака отказался.

— Неужели?

Одри искренне удивилась этому факту — ее отец никогда не пропускал завтрак. Тимоти Рассел считал завтрак самым важным приемом пищи. «Запомни, моя девочка, — частенько говаривал он Одри, — завтрак — это то время, когда ты начинаешь свой день. Если твой день начинается с ароматного чая и горячего тоста, то велика вероятность, что и оставшаяся его часть пройдет не так уж и плохо». Отличная

философия, как не посмотри.

Сэр Рассел предпочитал завтракать в саду в полном одиночестве. Порой он засиживался там часами, читал свежую газету и пил цейлонский чай в прикуску с каштановым джемом. Иногда он оставался там до полудня и, лишь вдоволь насытившись тишиной и спокойствием, приступал к делам насущным.

Но сегодня он изменил своей привычке, что показалось Одри тревожным знаком. «Наверняка, какие-то проблемы с поставками, — успокаивала она себя, прихорашиваясь перед зеркалом. — Должно быть, переговоры с Бартоном пошли не по плану, и потому отец вызвал к себе юриста. Но зачем так рано? И почему он не дождался Лиззи? Он ведь не ведет дела в ее отсутствие… Здесь определенно что-то не так!»

Одри попыталась отогнать от себя напрасные подозрения. Она даже думать не хотела о том, что эта незапланированная встреча могла быть связана с Дареном и их свадьбой. Все вопросы, касающиеся ее наследства и приданого, были улажены давным-давно. Дело оставалось за малым — они с Дареном должны обвенчаться, и тогда их жизнь станет похожа на сказку!

Мысль о предстоящем торжестве заставила ее улыбнуться. Одри посмотрела на свое отражение в зеркале, и уверенно объявила самой себе: «Дарен уже в пути, как и обещал! Я чувствую это! Иначе и быть не может!» В этом старинном зеркале, привезенным ее отцом из Будапешта, она порой ка-

залась себе настоящей принцессой. Когда она смотрелась в него, ее голову словно обрамляла золотая корона. Позолоченная старинная рама в стиле барокко, украшенная изящной резьбой, выглядела по-королевски роскошной.

Но никакая корона не смогла бы «укротить» ее непослушные черные волосы. Пышные кудряшки, вьющиеся мелким бесом, всегда топорщились в разные стороны. Что бы Одри не делала, ей не удавалось с ними справиться — ни модная стрижка, ни ленты, ни косы не помогали ее прическе выглядеть хоть сколько-нибудь пристойно.

Одри с детства отличалась от своих подружек и других знакомых ей девушек. Ее маленькое круглое личико, усыпанное веснушками, украшал забавно вздернутый носик; пухлые губы были слишком большими для ее миниатюрного лица, но милые ямочки на щеках придавали ему особый шарм. Высокий лоб и густые черные брови не добавляли Одри красоты, и потому, поддавшись модным тенденциям, она выщипала брови до состояния тонкой ниточки, о чем тут же пожалела. Прошла пара лет, прежде чем ее брови вернулись в свое прежнее состояние, и после Одри навсегда зареклась проводить на себе модные эксперименты.

Когда она повзрослела, ее многочисленные веснушки на лице побледнели, а алебастровая кожа, которая раньше казалась ей бледной и полупрозрачной, теперь вызывала всеобщее восхищение. И все же среди ее знакомых навряд ли нашелся хотя бы один человек, который назвал бы ее без-

условной красавицей. В этом году Одри Рассел исполнилось девятнадцать лет, но она все еще отчасти походила на подростка: худенькие ноги и руки, маленькая грудь, узкие бедра.

Одри изо всех сил старалась быть женственной: наряжалась в летящие шифоновые платья, тщательно наносила макияж и парфюм перед выходом в свет, пусть и случалось это совсем нечасто. Но больше всего ей старалась для Дарена. Хотя они были знакомы уже целую вечность, и Дарен не раз видел свою невесту в ее естественном виде, Одри все же очень страшилась сравнений с другими молодыми барышнями — вокруг ее жениха вечно вилась толпа поклонниц. Каждая влиятельная семья Великобритании была бы счастлива заполучить себе такого зятя, как Дарен Клиффорд — богатого, успешного, красивого…

Бесспорная красота и обаяние Дарена особенно ее задевали. Рядом с ним она порой чувствовала себя настоящим пугалом! Тем не менее, он полюбил именно ее и намеревался сделать ее своей женой, и это перечеркивало все ее страхи и предрассудки. Дарен выбрал *Одри Рассел*, а не тех расфуфыренных девиц, что живут только ради того, чтобы выгулять на себе очередную новинку из Хэрродс[1]. И потому Одри каждый день убеждала себя в том, что она в безопасности — Дарен любит ее такой, какая она есть, со всеми ее недостатками и странностями. И она верит в его чувства, потому

[1] Хэрродс (англ. Harrods) — самый известный универмаг Лондона, основанный в 1824 году.

что сама любит его беззаветно и безоглядно.

Накинув на себя легкий шелковый халат, Одри отдернула тяжелую портьеру. Большое французское окно, ведущее на террасу, распахнулось навстречу свежему весеннему ветру. Сладковатый аромат влажной травы и цветущих нарциссов окутал ее, и она вдохнула его полной грудью. Солнце ласково коснулось лица девушки, и она почувствовала себя несказанно живой и свободной. Весна вселяла в нее надежду на скорое новое начало, на свершение ее самой заветной мечты.

Одри вышла на террасу и прошла вдоль дома к кабинету отца. Ей не хотелось мешать его встрече с юристом, и потому она решила сначала заглянуть в окно, чтобы понять, занят ли он или нет. Она прильнула к стеклу и тут же увидела отца в дальнем углу кабинета: он стоял возле столика с напитками с бокалом виски в руке. Сердце ее неприятно сжалось, словно нечто невидимое легло на ее плечи тяжелым грузом. Какое-то странное предчувствие овладело всем ее существом, отчего она почувствовала острое желание убежать прочь. «Обычно он не пьет крепких напитков! — тут же подумала Одри. — Отец держит виски для друзей и клиентов. Наверняка что-то случилось! Что-то скверное, очень скверное… Дарен!»

Она громко постучала в окно. Сэр Рассел резко обернулся, заметил взволнованное лицо дочери и медленно заковылял по направлению к ней. Сейчас он неуклюже подволаки-

вал правую ногу и не без труда опирался на свою трость. Прошлой ночью боль в изувеченном бедре усилилась, и теперь все его тело ныло от того, что он старался перераспределить нагрузку на левую сторону. Когда он наконец отпер засов на французском окне, Одри буквально ворвалась в его кабинет.

— Ты сегодня рано, — с улыбкой заметил сэр Рассел, ласково поцеловав дочь в лоб. — Должно быть, у тебя ко мне неотложное дело?

— Как ты мог забыть, папа? — Одри указала на стопку конвертов на рабочем столе. — Письмо от Дарена! Оно должно было прийти *сегодня*!

— Ах, да! Конечно… — Тимоти Рассел покачал головой, будто упрекая самого себя в забывчивости.

— Я строго наказала Присси разбудить меня к приходу почтальона, — негодовала Одри, — но эта гусыня снова обо всем забыла! Ах, папочка, она совершенна бестолковая! Я думаю, Присси сделала это нарочно!

— Ну, будет тебе, Одри! Наши слуги порой просто не успевают за твоим настроением! Все знают, как ты любишь поспать…

— О, не нужно ее защищать! Присси — всего лишь наглая, противная девчонка! — сердито заявила Одри. — Она просто-напросто мне завидует! Да и всем остальным горничным тоже завидует! Даже старой Барб! И поэтому портит всем жизнь!

— Ну что ж, в таком случае тебе стоит радоваться, что очень скоро ты избавишься от ее назойливого присутствия, — с какой-то странной грустью в голосе сказал е отец.

— Ты все-таки решил уволить Присси? — обрадовалась Одри.

— Нет, моя дорогая. Ты ведь сама вскоре покинешь этот дом. Неужели ты об этом забыла?

На короткое мгновенье Одри растерялась. И правда, как она могла об этом забыть? Ее мысли, словно юркие птички, метались в ее голове с места на место, и она все время отвлекалась на нечто незначительное. Что ей далась эта Присси? Ее должен волновать только Дарен! Для начала ей предстоит обустроить их дом, свить их семейное гнездышко во Франции, где они проживут пару лет, пока ее жених налаживает там деловые связи. Это счастливое будущее манило Одри, и в то же время немного пугало, как любая неизвестность, в которую шагаешь в столь юном возрасте.

Сэр Рассел тяжело опустился в кресло у камина. Он примостил трость к высокому пуфу справа от себя и постарался устроить свою больную ногу так, чтобы хоть пару минут не вспоминать о постоянном дискомфорте. Затем он опустил голову на руки и тяжело вздохнул.

Одри прежде не видела отца таким угрюмым и подавленным. Несмотря на тяжелое увечье, с которым Тимоти Рассел прожил пол жизни, он всегда старался оставаться бодрым и жизнерадостным. Хотя это давалось ему очень нелегко, он

продолжал вести активный образ жизни в той мере, в которой позволяла ему травма молодости.

Одри медлила, глядя на стопку писем на рабочем столе отца. «А вдруг Дарен меня разлюбил и пишет о том, что хочет разорвать помолвку? — с содроганием в сердце гадала она. — Или, еще хуже, Дарен нашел себе другую? Француженку, красивую и богатую наследницу какого-нибудь дряхлеющего герцога. Тогда… Тогда для меня все будет кончено!»

Сэр Рассел будто прочел мысли дочери.

— Дарен задерживается, — успокоил он ее. — Тебе не о чем волноваться, моя дорогая! Ваша свадьба обязательно состоится. Но чуточку позже — только и всего.

— Ты прочел его? — вспыхнула Одри. — Но зачем? Это же личное! Как ты мог, папа?

— Прости меня, доченька! Сегодня у меня все валится из рук! Лиззи с утра пораньше отправилась в город, и я сам занялся почтой. Когда я увидел парижский адрес, я тут же распечатал конверт. Я ожидал известий от крупного клиента, и потому не обратил внимания на имя адресата.

— Разве ты не понял с первых строк, что письмо адресовано не тебе?

Тимоти Рассел смущенно потупил взгляд.

— В письме Дарен изложил все довольно кратко… Видимо, в Париже не все складывается так, как он ожидал. Дарен не успевает уладить все дела к концу месяца. Он предложил

отложить свадьбу до мая.

— До мая? — ахнула Одри. — Это… Это… — Она не могла подобрать нужных слов.

— Я прекрасно понимаю твое возмущение! Но поверь, тебе решительно не о чем беспокоиться! Дарен обязательно возвратиться к началу мая. Если и на сей раз он не разрешит своих проблем, то без отлагательств передаст все дела помощнику.

— А почему бы ему не сделать это прямо сейчас? — Одри гневно топнула ногой. — Нет, это все лишь пустые отговорки! Дарен просто передумал на мне жениться! Я знаю это!

Она резко схватила заветный конверт со стола и старательно изучила в письме каждое слово, будто одно из них могло выдать ей страшную тайну Дарена Клиффорда.

— Он пишет, что сделка зашла в тупик, и обещает разобраться со всем до конца апреля, — проговорила она вслух.

— Ну, теперь ты успокоилась?

Одри уселась в кресло напротив отца.

— Дарен живет в Париже уже третий месяц, а эта злополучная сделка по-прежнему не завершена!

— В бизнесе частенько случаются подобного рода проволочки. Но это поправимо…

— Если ты не беспокоишься о нашей свадьбе, тогда отчего ты так печален? — Одри взяла отца за руку и заглянула ему в глаза. — Я вижу, ты чем-то очень расстроен. Скажи мне, зачем к тебе приходил юрист?

— Ко мне приходил помощник моего нотариуса, — с тяжелым вздохом ответил Тимоти Рассел. — Он принес мне кое-какие документы…

— Неужели что-то случилось с виноградниками? — забеспокоилась Одри.

— Нет-нет, с виноградниками все в порядке. — Сэр Рассел ласково погладил руку дочери. — Наши дела идут лучше, чем когда-либо! В этом году мы ожидаем хороший урожай.

— Тогда в чем же дело?

Одри посмотрела на больную ногу отца. Она тут же ощутила, как в ее душе начинает разрастаться страх.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Настолько, насколько это возможно в моем возрасте, — уклончиво ответил Тимоти Рассел. — И нет, я не умираю, если ты подумала об этом. По крайне мере, пока… — Он попытался улыбнуться дочери, но его неуместная шутка пришлась ей не по душе.

Одри отпустила его руку и с сердитым видом откинулась на спинку кресла.

— Прости меня, доченька! Я знаю, как сильно ты обо мне переживаешь! Особенно после того, как не стало твоей матушки…

— А чего ты ожидал? — с обидой в голосе спросила Одри. — Кроме тебя у меня никого нет!

— А как же Дарен?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я! Может быть, ты дума-

ешь, будто меня смущает, что я тебе не родная… — Одри с трудом проглотила подступившие к горлу слезы. — Но знай, что для меня ты навсегда останешься самым родным человеком на свете! И мне совершенно безразлично, что думают остальные!

Услышав такое искреннее признание от своей приемной дочери, сэр Рассел расчувствовался. Он наклонился к ней и ласково коснулся рукой ее подбородка.

— А ты, моя милая, всегда была и будешь моей *любимой* дочерью! Я хочу, чтобы ты это помнила, Одри! Несмотря ни на что!

— А какой еще дочерью я могу быть? — искренне удивилась Одри. — Ты сказал это так, будто я у тебя не единственная…

Она умолкла, заметив, как резко сник ее отец. Внутренняя досада исказила его лицо, и он вдруг стал похож на побитого пса. Стыд и мольба о прощении одновременно отразились в его взгляде, отчего Одри внезапно ощутила отвращение к собственному родителю. Еще ни разу в жизни она не испытывала по отношению к нему таких чувств: жгучей ревности и обиды, вызванными его неожиданными и двусмысленными словами. «Ты навсегда останешься моей *любимой* дочерью», — эта фраза задела самое уязвимое место в ее сердце. Странное, незнакомое ей прежде чувство расцвело в ее груди. Даже мысли о возможных изменах Дарена не резали так больно и глубоко, как мысль о том, что у ее отца,

пусть даже не родного, может быть еще один ребенок.

Сэр Рассел не мог вынести полный обиды и осуждения взгляд дочери. Он отвернулся от нее и посмотрел на портрет над камином. Красивая, изящная женщина — покойная мисс Рассел — холодно взирала на него с картины с тем же укором, что и Одри. Тимоти Рассел с тоской смотрел на лицо любимой жены, утирая ладонью выступившие на глазах слезы.

— Дорогая моя, ты ведь знаешь, как сильно я любил твою матушку! — с трудом проговорил он. — Розалин была для меня всем!

Одри, не мигая, смотрела на отца, и в это самое мгновенье ей вдруг страшно захотелось ударить его, привести его в чувства, заставить его забрать назад те слова, которые он только собирался сказать. Больше всего она боялась возненавидеть своего отца, страшилась того, что в эту секунду он навсегда перестанет быть для нее самым лучшим, самым честным человеком на свете. Любое его неосторожное слово могло разрушить ее жизнь, все ее представления о верности, любви и чести.

Одри резко вскочила на ноги и бросилась к выходу из кабинета.

— Я не хочу этого слышать! Не смей даже заикаться…

— Я был верен Розалин! — выкрикнул ей вдогонку отец. — Я был верен твоей матери, Одри!

Она резко остановилась. Ее сердце колотилось с бешеной

силой. Одри боролась с желанием сбежать из этой комнаты, из этого дома, подальше от страшной правды, которая вот-вот должна была ее настигнуть. Сэр Рассел попытался привстать в кресле, но, не устояв на ногах, тут же со звуком рухнул обратно.

— Прошу тебя, Одри. Просто выслушай меня!

— Я не верю… Не верю тебе! Ты сказал… У тебя есть *другая* дочь?

— Да. Но она *старше* тебя! Она…

Тимоти Рассел вновь сделал попытку подняться на ноги, и на этот раз ему это все-таки удалось, пусть и с большим трудом. Больную ногу вновь свело судорогой, отчего он тихонько застонал.

— Я вызову доктора, — предложила Одри. — Тебе нужен укол.

— Нет, сначала я расскажу тебе всю правду! Я больше не могу хранить это в тайне!

— Хорошо! — Она снова уселась в кресло. — И давно ты знаешь *о ней*?

— Почти два года…

Одри задохнулась от гнева и возмущения.

— И все это время ты молчал и делал вид, что я твой единственный родной человек?

— Но все так и есть! — возразил Тимоти Рассел. — Так и было! Я… Я не мог тогда предположить, во что это выльется! Я не надеялся, что она захочет сблизиться и…

Одри ахнула. «Так вот в чем дело? Эта мерзавка где-то рядом, выжидает поблизости, — догадалась она. — Какая-то самозванка хочет войти в нашу семью!»

— Пойми, Одри! — продолжал сэр Рассел. — Я болен, и я старею. Я даже предположить не мог, что она…

— Ты надо мной издеваешься? — окончательно разозлилась Одри. — Хочешь сказать, что не знаешь, каким образом у тебя могла появиться дочь? Ну, это уж ни в какие ворота!

— Я знаю! Конечно, я знаю! Но я и не надеялся, что… — Тимоти Рассел вдруг умолк и горестно покачал головой. — Все так сложно и так запутанно! Жизнь преподала мне жестокий урок. Я лишь надеюсь, что ты поймешь меня, Одри! Ты и представить себе не можешь, какие тяжелые решения нам порой приходится принимать в нашей жизни!

— Быть может, и так, но я отлично знаю одно — ты бы продолжил молчать, если бы эта девка, кем бы она не была, чего-то от тебя не потребовала! Так чего же она хочет? Денег? Положения в обществе? Твою фамилию?

— Все совсем не так, как ты себе представила, Одри! Сейчас все тебе расскажу! Всю правду, без утайки! Только обещай выслушать меня до конца. Мне очень важно, чтобы ты поняла, какое неуемное чувство вины тяготило меня все эти годы!

Одри скрестила руки и волком уставилась на отца. Сэр Рассел тем временем достал из ящика стола старое фото и протянул его дочери.

— Я уже видела эту фотографию, — фыркнула Одри. — Здесь ты, моя матушка и… мой отец.

— Все верно. Нам с Джонатаном здесь по двадцать пять лет, а Розалин в тот день как раз исполнилось двадцать. В те счастливые годы мы втроем были неразлучны.

— Я слышала эту историю сотню раз! Ты собираешься вновь поведать мне о вашей крепкой дружбе?

— Нет. То есть, не совсем… Дело в том, что тебе известна только часть нашей истории. Та часть, о которой мы с твоей матушкой посчитали нужным тебе рассказать.

От этой новости Одри пришла в крайнее возмущение. «Да как они могли? — злилась она на родителей. — Они обманули меня!» Она почувствовала себя преданной — она не могла вынести мысли, что вся их семейная идиллия оказалась сплошной выдумкой.

— Мы с твоей матушкой лишь сгладили некоторые моменты, — поспешил добавить сэр Рассел, видя, как злится Одри. — Ты ведь знаешь, что после смерти твоего настоящего отца, благородно отдавшего свою жизнь за наше отечество, я женился на твоей матери без раздумий! Ты была еще совсем мала, но, полагаю, хорошо помнишь, что до нашей женитьбы между нами не было ничего, кроме доброй дружбы.

— Сколько я себя помню, ты всегда был рядом с нами. В отличие от моего родного отца… Он вечно где-то пропадал.

— Джонатан служил на благо нашей родины, а это доро-

гого стоит! — напомнил дочери сэр Рассел. — Он отличился не в одном бою, спас множество жизней и заслужил, по крайней мере, твое уважение, Одри!

— Теперь его нет с нами, — холодно отозвалась Одри, — и мое к нему отношение не имеет никакого значения. Лучше объясни мне, в чем ты хочешь сознаться? — Она придвинулась ближе к отцу. — Неужели вы с мамой уже тогда были любовниками?

— Конечно же, нет! — возмутился Тимоти Рассел. — Как ты могла такое подумать? Розалин была настоящей леди, до мозга костей! Она и подумать о таком не могла!

— А ты? Ты хотел этого?

— Я… Я любил твою матушку с детства! С того самого момента, как увидел ее впервые в родовом поместье твоего отца. Мы втроем дружили с ранних лет. Я всегда питал к Розалин нежные чувства, но был слишком слаб и труслив, чтобы открыть ей свое сердце. И потому молчал… Молчал и ждал, что она сама проявит ко мне симпатию. Но твоя матушка выбрала Джонатана, и я смирился с ее решением. Смирился, чтобы сохранить дружбу с людьми, которые были мне роднее настоящих брата и сестры.

— Ты просто не захотел бороться за свою любовь, — едко заметила Одри.

— Разумеется, ты вольна думать обо мне, что угодно, но поверь, я руководствовался иными мотивами. В тот самый день, когда сделали это фото, — сэр Рассел с грустью взгля-

нул на чуть выцветшее изображение, — Джонатан предложил Розалин стать его женой. Тогда-то я и сломался! Я просто не мог этого вынести! Видеть, как они женятся… Поэтому я уехал. Сбежал, как последний трус, которым я тогда был!

— Не суди себя так строго, — чуть мягче добавила Одри. — Не представляю, какого тебе было бы, останься ты рядом с ними! Наблюдать за тем, как они строят свое счастье, заводят детей… Я бы ни за что не пережила, если бы Дарен выбрал другую!

— Ты права. Я не мог вынести даже мысли о том, что мне придется стать молчаливым свидетелем их семейного счастья, и потому я предпочел самовольное изгнание. Один из моих студенческих приятелей за два года до этого отбыл в Австралию. Он как раз написал мне письмо, где приглашал меня к себе, и я ухватился за эту возможность, как за спасательный круг. Я собрался в путь за два дня и, ни с кем не попрощавшись, покинул Англию.

— И ты ни разу не пожалел об этом?

— Поначалу я находился словно в бреду. Я старался не думать о том, кого я оставляю позади, о том, что перечеркиваю всю свою прошлую жизнь и плыву навстречу неизвестности. Я даже ощущал некоторый подъем, убеждал себя в том, что мои чувства к твоей матушке — всего лишь юношеская влюбленность, глупые порывы молодости! Но я горько ошибался!

— Ты так и не сумел ее забыть, — понимающе заметила Одри.

— Конечно, не сумел. Но тогда я стремился разорвать эту связь, задушить в себе все чувства к Розалин. Первые пару месяцев я прожил в Сиднее. Я всеми правдами и неправдами старался отвлечься от навязчивых мыслей: мотался по злачным заведениям, играл в карты, делал ставки на скачках…

— Я и подумать не могла, что ты можешь быть таким отчаянным! — с явным восхищением в голосе сказала Одри.

Она сама знала отца, как домоседа, предпочитающего шумной компании приятные посиделки за чашечкой чая. Она, разумеется, кое-что слышала о его непростом прошлом, о том, что в молодости ее отец недолгое время путешествовал по миру и даже увлекся охотой, за что, в конце концов, и поплатился собственным здоровьем. Но теперь столь необычные открытия о его жизни заставили ее задуматься, как хорошо она на самом деле знает Тимоти Рассела.

— Мой друг Мартин, тот, что позвал меня в Австралию, обосновался в штате Виктория, в местечке под названием Бичуорт, — продолжил он свой рассказ. — Этот городок был известен еще во времена золотой лихорадки. В середине девятнадцатого века там нашли золото, и туда постепенно стали стекаться золотодобытчики со всей Европы. Население города в ту пору оставалось совсем небольшим, но люди были сыты и довольны жизнью, и я, устав от увеселений и кутежа, решил наведаться в те места. Мартин ввел меня в мест-

ное общество и познакомил меня с замечательным человеком — Брэндоном Келли, а также с его сыном и дочерью — Аароном и Ребеккой. Они были двойняшками — молодые, полные сил, свободные и дикие, как сама природа Австралии.

Брэндон Келли занимался виноделием: он владел обширными виноградниками вблизи Бичуорта, и уже тогда его вина занимали почетные места на международных конкурсах. Келли выращивали мускатные сорта винограда, и во времена нашего знакомства они как раз собирались попробовать сорт «шираз».

Буквально с первой встречи мы с Брэндоном нашли общий язык, и он, видя мое плачевное состояние, не раздумывая, предложил мне работу. Он обещал научить меня всем премудростям виноделия, а взамен просил лишь добрую дружбу и поддержку. За год до этого Брэндон потерял жену, и его детям, которым тогда только-только стукнуло семнадцать, приходилось очень непросто. Все сложилось так, что я стал его правой рукой, а в Аароне и Ребекке я обрел тех, кого оставил позади, в Англии…

— Они заменили тебе моих мать и отца?

— Конечно же, нет! — с горечью воскликнул сэр Рассел. — Никто и никогда не сумел бы заменить мне твоих родителей! Каждую ночь я видел их во сне, тосковал по их обществу, нашим бесконечным разговорам и авантюрным затеям. Нет, такую дружбу заменить невозможно… Но, как приня-

то говорить, время лечит любые раны. И пусть наши воспоминания остаются с нами навсегда, все же они теряют былую остроту, истончаются, словно износившаяся ткань, становятся блеклыми и невесомыми.

Время, проведенное с семьей Келли, залечило мои душевные раны, и вновь я стал похож на себя прежнего. Хотя, вероятно, с ними я все же стал лучшей версией себя. Келли относились ко мне, как к члену семьи, с любовью и теплотой, так, как никогда не относились ко мне мои собственные родители. Постепенно я вошел во вкус и стал с удовольствием и рвением помогать Брэндону вести дела. Я открыл в себе талант к виноделию, и каждый рабочий день казался мне праздником. Но самое главное, я впервые почувствовал, что могу кому-то нравиться, вызывать восхищение…

— Ребекка? — догадалась Одри.

— Да, Ребекка… Хрупкая на первый взгляд, она поражала меня своей непосредственностью и умом. Ребекка трудилась наравне с мужчинами, могла часами работать на виноградниках; она отвергала модные платья и светские посиделки, исключительно женские занятия были ей совсем не интересны. Ребекка была свободной как ветер! Когда я оставался с ней наедине, у меня за спиной будто вырастали крылья. В то время я думал, что Брэндон прочит себе в приемники именно Ребекку, а вовсе не ее брата. Аарон казался неплохим парнем, но он частенько витал в облаках и оттого все время допускал в делах глупые промашки.

— Ты любил Ребекку больше, чем мою маму? — обиженно спросила Одри.

— Я любил их обеих, но по-разному… Твою матушку я люблю до сих пор. Мне кажется, что после ее смерти я стал любить ее еще больше! — Сэр Рассел печально понурил голову. — Тоска по Розалин изо дня в день снедает мое сердце. И так будет до самой последней секунды моей жизни!

— Что случилось с Ребеккой? Почему ты не остался с ней?

— Я долго боролся со своим чувством. По привычке наверное… Не мог поверить, что такая девушка, как Ребекка, могла меня полюбить. Прошло почти два года, прежде чем я признался ей в своих чувствах. А Ребекка, как я узнал потом, все это время тоже любила меня, но из-за моей застенчивости и осторожности не решалась дать мне понять, боясь быть отвергнутой.

— И что же? Вы решили пожениться, но ее отец тебе отказал?

— Мы с Ребеккой встречались тайком почти год. Брэндон был так добр ко мне, доверял мне во всем! Но он также обожал свою дочь, опекал ее и дорожил ей, словно она была единственным его ребенком. Теперь-то я понимаю его отцовские чувства… Я предложил Ребекке подождать, пока ей не исполнится двадцать один год. Я решил, что это будет подходящим моментом, чтобы объявить Брэндону о моих намерениях. К тому же, в тот год выдалось крайне засушливое

лето: полыхали лесные пожары, реки пересохли, и для виноградников Келли наступили тяжелые времена. Работы на них прибавилось, а недовольные задержками поставок клиенты стали нас одолевать.

Чтобы уладить все недоразумения и сохранить рынок сбыта было необходимо лично отправиться в Европу. Брэндон без раздумий выбрал меня своим представителем. Только у меня был опыт подобных путешествий — никто из семьи Келли ни разу не покидал Австралию. Я был преисполнен грусти, потому как не желал расставаться с Ребеккой, не сказав ее отцу о моих надеждах и планах. Но она уговорила меня подождать. Если бы моя поездка сложилась удачно, это окончательно утвердило бы мою позицию в глазах Брэндона. Поэтому я согласился.

Я пробыл в Европе почти пять месяцев. Келли долго не выходили на связь. Я слал им десятки писем, но ответа не получал. Лишь когда я собрался отплыть обратно в Австралию, я узнал, что Брэндон скончался. Его укусил тайпан — одна из самых ядовитых змей континента. Такая нелепая и трагическая смерть! Но самым ужасным было то, что Аарон, по слабости ли характера или просто потому, что ему было лень продолжать дело отца, продал все виноградники крупному землевладельцу из Англии. И вместе с ними он отдал ему в жены Ребекку!

— Какой ужас! — ахнула Одри. — Как он посмел? Неужели она не сказала ему, что любит тебя? К чему было так же-

стоко поступать с родной сестрой?

— Тогда я не знал истинной причины. Меня снедали сомнения, сердце мое вновь было разбито. Я пытался принять правильное решение: мог ли я вернуться и потребовать от Ребекки быть верной данному мне обещанию? Ведь теперь она была женой *другого*!

— Но как же так, папа? Как же она могла согласиться на такое?

Тимоти Рассел с трудом ответил:

— Ребекка была… беременна. От меня. Об этом я узнал лишь два года назад.

— Это так несправедливо! — Одри с жалостью посмотрела на отца.

— Мы с Ребеккой были вместе… В последнюю ночь перед моим отъездом. — Голос сэра Рассела дрогнул, в нем послышались слезы. — Мы с Ребеккой не могли расстаться так надолго. Мы хотели отдаться своему чувству полностью. Ребекка говорила, что любовь нельзя ограничить, она неподвластна законам и правилам. И раз мы любим друг друга…

Тимоти Рассел отвернулся от дочери и потянулся к шкатулке красного дерева, стоящей на рабочем столе. Оттуда он вытащил маленькое фото в серебряной рамке.

— Ребекка дала мне его перед тем, как я уехал в Европу.

Одри выставила руку вперед.

— Прости, но я не хочу ее видеть.

— Я понимаю… Но я не мог расстаться с единственным,

что мне от нее осталось. Даже после женитьбы на твоей матушке. Это значило бы заживо вырезать кусок из сердца…

— Но почему Аарон не дождался твоего возвращения? — поинтересовалась Одри. — Неужели он считал тебя недостойным Ребекки?

— Я не знаю, отчего Аарон так возненавидел меня. Тот англичанин, что взял Ребекку в жены, был одинок, стар и бездетен, и это был его последний шанс обрести наследника. За год до этого он перебрался в Австралию, оборвал все связи с домом, и такой «дефект» в будущей жене его ничуть не смутил. Аарон вбил сестре в голову, что я вовсе не собираюсь возвращаться из Европы. Он убедил Ребекку, что там я найду себе видную и знатную невесту и вместе с ней укачу обратно в Англию.

Я до сих пор не могу понять, почему Ребекка поддалась на его уговоры, почему разуверилась в моей любви… Вероятно, Аарон прятал от нее мои письма. В конце концов, она вышла замуж за того англичанина. Ребекка отныне была замужней женщиной, на шестом месяце беременности. Даже если бы я знал о ребенке и заявился туда, объявив всем, что на самом деле ребенок мой, я опозорил бы и ее, и себя. Но я ничего не знал… Поэтому я принял решение оставить все, как есть. Я и прежде терял любимую женщину, и мне отчего-то казалось, что и на сей раз я смогу преодолеть душевную боль.

И вот я снова пустился в дорогу. Оказавшись в Германии, я познакомился с группой охотников. Они были бравы-

ми ребятами, веселыми и простыми в общении, колесили по миру и выслеживали редких животных. Прежде я не увлекался охотой, но тогда решил, что это занятие может на какое-то время отвлечь меня от горестных мыслей. Поэтому я без долгих раздумий присоединился к их небольшой компании. Мы пару лет вместе путешествовали по Африке, Латинской Америке и Китаю, и наконец прибыли в Индию. Там, как ты уже знаешь, со мной произошел несчастный случай. — Сэр Рассел с сожалением взглянул на искалеченную ногу. — Сломанное бедро и предплечье — вот результат моих глупых ошибок!

Вернувшись в Англию после продолжительного восстановления, я узнал, что Розалин беременна тобой. В тот момент что-то во мне вдруг резко переменилось: я наконец осознал, каким я был дураком, как долго я бежал от своих чувств, от дружбы, от любви! Жалкий и потерянный, я пришел к твоим родителям и стал просить у них прощения. Розалин и Джонатан без единого упрека приняли меня обратно. Я был благодарен им всей душой и с тех пор не расставался с ними, а затем и с тобой.

Тимоти Рассел протянул дочери руку.

— Одри, ты росла на моих глазах! Я радовался каждому проведенному с вами дню. Мне жаль, что Джонатана подолгу не было рядом с тобой и твоей матушкой. Я знаю, он очень хотел этого, но служба целиком и полностью управляла его жизнью. Быть может, если бы не слабое здоровье Розалин,

вы бы разъезжали по свету вместе с ним. Но тут уж ничего не попишешь… Сам того не сознавая, я заменил тебе отца, и это самое лучшее, что случилось со мной в жизни!

— Ты мой единственный, слышишь? Единственный отец! — Одри прижала его ладонь к своей щеке и со слезами в голосе прошептала: — Только вот я у тебя… не единственная дочь!

— Это вовсе не так, моя дорогая! Ты занимаешь все мое сердце! Все мои мысли о тебе, о твоем светлом будущем! Но жизнь порой бывает так коварна! Перед своей смертью Ребекка рассказала нашей дочери обо мне…

Сэр Рассел достал из нижнего ящика стола толстую стопку писем, перетянутую голубой атласной лентой, и протянул ее дочери.

— Вот, возьми. Вероятно, ты пожелаешь узнать всю правду из первых уст. Я хочу, чтобы между нами не было ни капли лжи! Я верю, что в твоем сердце найдется место для жалости к глупому старику! — По его щеке скатилась одинокая слеза. — Я совершил слишком много ошибок, потерял слишком многих дорогих моему сердцу людей, чтобы теперь вновь оступиться и потерять еще и тебя, Одри!

Девушка поморщилась, глядя на письма.

— Как она тебя нашла?

— Маргарет связалась со мной через общих знакомых…

— Маргарет? Так ее зовут?

— Да. После смерти матери она выяснила, что я живу в

Хэмпшире. Около двух лет назад я получил от Маргарет первое письмо.

— И ты втайне общался с ней последние два года?

— Поверь мне, Одри, тогда я не думал, что мне придется рассказать тебе о ней! — сокрушался сэр Рассел. — Пойми, я едва сознавал, что переписываюсь с собственной дочерью! Маргарет рассказывала мне о своей жизни, о Ребекке, о том, как нелегко им обеим пришлось. Ее отчим умер довольно рано. Он запустил виноградники, их бизнес стал убыточным и, в конце концов, он обанкротился, оставив после себя сплошные долги. Ребекке пришлось продать ферму и земли, которые когда-то принадлежали ее отцу. Вместе с маленькой дочкой она переехала в Мельбурн, чтобы хоть как-то выбиться в люди. Аарон к тому моменту укатил в Америку — они больше о нем не слышали.

— И что же? Эта Маргарет вдруг решила, что может вот так просто стать твоей дочерью? — возмутилась Одри. — Ведь по закону она — дочь того старика-англичанина, не так ли? К тому же, откуда тебе знать, что она действительно дочь Ребекки? Быть может, ее россказни — лишь подлый обман, и она просто позарилась на твое состояние и титул?

— Маргарет носит фамилию матери. Ребекка сочла это правильным, ведь она никогда не любила навязанного ей мужа, оставившего их с Маргарет ни с чем. Кроме того, у меня есть ее фотография. Она похожа на Ребекку как две капли воды. От меня ей, слава Богу мало, что досталось…

В ответ на это Одри презрительно фыркнула.

— А мне кажется, что эта твоя Маргарет — обычная самозванка!

— Что ж, мы очень скоро сможем это проверить, — неуверенным тоном заметил сэр Рассел.

— Что ты имеешь ввиду? — с трудом выдавила из себя Одри.

— Я пригласил ее сюда, в Магнолия Гарденз…

— Нет! Этого не может быть! — Одри стукнула кулаком по столу и вскочила на ноги. — Только не говори мне, что она приедет на мою свадьбу!

— Прости меня, доченька! — взмолился Тимоти Рассел. — Я не нарочно! Поверь, я думал, что к этому моменту вы с Дареном будете уже во Франции…

— Господи, какой кошмар! — Одри схватилась за голову. — Ты все испортил! Испортил!

— Не стоит так расстраиваться, милая! Все поправимо, вот увидишь! Сегодня, когда я прочел письмо Дарена, я сразу же написал Маргарет, попросил ее перенести поездку на конец мая или начало лета. Я не сомневаюсь, что она вовремя получит мое письмо. Я велел нашему водителю нагнать мистера Пикори…

— Но ты не можешь быть абсолютно уверен в том, что она не заявится сюда раньше! — закричала на отца Одри.

Сэр Рассел приблизился к дочери.

— Не переживай понапрасну, моя дорогая! Маргарет не

застанет вас с Дареном, я это знаю. Ваше торжество ничто не омрачит, обещаю тебе!

Его извиняющийся тон окончательно лишил Одри самообладания. Она глядела на отца, словно разъяренная кошка. Злость и отчаяние подступили к ее горлу, и ей страшно захотелось кричать и плакать. Но, прежде чем сэр Рассел успел сказать хоть слово в защиту своей драгоценной Маргарет, Одри сорвалась с места и выскочила в сад. Потеряв свои атласные тапочки, она побежала босиком по мокрой траве, не обращая внимания на то, что подол ее шелкового индийского халата превращается в грязную тряпку.

Наконец, добравшись до большого старого дуба, к которому были привязаны ее любимые качели, Одри остановилась и попыталась отдышаться. В ее голове проносились десятки предположений — одно хуже другого. Девушка взглянула на раскидистую крону дерева, и на краткое мгновение ей будто бы полегчало. Она подставила лицо солнечному свету, пробивавшемуся сквозь густую листву дуба.

«Май уже совсем скоро, — сказала себе Одри. — Возможно, эта девка все же не посмеет приехать к свадьбе. Нет, мне ни в коем случае нельзя отчаиваться! Я просто обязана взять себя в руки!» Она пару раз повторила вслух это своеобразное заклинание, устраиваясь на качелях. «Я не допущу, чтобы эта самозванка обвела моего отца вокруг пальца! Если понадобится, я останусь в поместье, чтобы убедиться в ее честности. Так легко я не сдамся! Эта проходимка на своей шкуре

почувствует, что в нашем доме не любят незваных гостей!»

Качели взмыли вверх. Свежий утренний воздух заструился в волосах Одри Рассел, и она вдохнула его полной грудью. Здесь, наверху, под кроной старинного дуба, она чувствовала себя свободной; словно птица, она поднималась к небу, касалась кончиками пальцев резных дубовых листьев, ощущала запах весеннего леса. Это краткое мгновенье приятного забытья показалось ей настоящим подарком, невероятным облегчением после пережитого удара судьбы.

Но вдруг мир словно сорвался с петель, и земля с небесами смешались. Одри пронзила резкая боль, а затем в ее голове разлился странный звон — словно в ушах кто-то бил в набат — часто и неприятно. Пара секунд, и гул постепенно стал утихать, но пульсирующая боль в ее голове все усиливалась.

Одри лежала плашмя на мокрой земле и смотрела вверх на густую крону величественного дерева. Солнечные лучи все также просачивались сквозь зелень дуба, делая его каким-то сказочным и волшебным. Она успела подумать о том, как прекрасна и в то же время несправедлива порой бывает жизнь. Кажется, именно так выразился ее отец этим утром. И Дарен… Дарен все еще к ней не вернулся.

Веки Одри медленно сомкнулись, и лишь чьи-то громкие крики в отдалении все еще долетали до ее сознания.

Глава 2. Звонок

Вновь этот жуткий сон. Вновь бесконечный лабиринт. Высокие скользкие стены из серого камня сдавливают его с двух сторон. Он бежит, задыхается, падает, но встает и вновь пытается бежать. Что это? Кажется, впереди наконец-то забрезжил свет, но он отчего-то знает, что это всего лишь мираж. В который по счету раз он оказывается в тупике?

Он снова бежит, снова ищет… Поворот направо, еще несколько шагов и снова тупик — и так до бесконечности! Он блуждает в этом лабиринте, наверное, уже целую вечность, но все же понимает — это вовсе не так. Нет, в реальности он спит не больше часа. Он знает это, потому что чуть ли не каждый час он просыпается от одного и того же кошмара и с надеждой смотрит на часы.

Этот лабиринт — его личная тюрьма. Он тщетно пытается найти выход из густого непроглядного мрака. Затхлый запах душит его, перед глазами все расплывется. Надежды выбраться нет. Вновь оказавшись в тупике, он, что есть силы, бьет по холодной каменной кладке, разбивая кулаки в кровь. Он бьет до тех пор, пока руки не перестают его слушаться. Кровь… Кровь повсюду… Он старается стереть ее с рук, но она, будто красная краска, предательски въелась в кожу. Он в отчаянии кричит, зовет на помощь, но его напрасные мольбы лишь отдаются эхом от стен лабиринта. Тогда он нако-

нец понимает, что остался совсем один. Это горькое осознание отрезвляет его. Он закрывает глаза, и только тогда до его слуха долетает шум дождя. Всего лишь секунда, и на его голову обрушивается поток воды, пробуждая его от этого наваждения. Он открывает глаза и смотрит в окно. По стеклу барабанит дождь, рассветное солнце скрылось за мрачными тяжелыми тучами, оставив попытки просочиться сквозь пелену непроницаемых облаков.

Шесть утра. Еще только шесть утра… Он встает с кровати, чтобы налить себе стакан воды. У него ужасно болит голова, в висках гулко стучит пульс. Он с трудом нащупывает графин и расплескивает половину жидкости на пол. Какой сегодня день? Вторник? Среда? Для него все дни слились воедино, он давно потерял им счет. Да и есть ли разница? Теперь его жизнь стала похожа на долгую беспросветную ночь. Он уже не помнит, когда в последний раз выходил на улицу. Кажется, позавчера… Да, точно! Позавчера он спустился в булочную и заодно прошелся до соседней улочки, чтобы купить пару бутылок виски. Сейчас было бы неплохо сделать хороший глоток…

Он включает свет, чтобы найти остатки алкоголя. Виски почти закончился. На дне бутылки осталась пара глотков. Какое облегчение! Он выпивает виски и снова ложится в постель, но на сей раз ему не удается уснуть. Мысленно он вновь возвращается в то трагическое мгновение, что теперь преследует его денно и нощно, не давая ему ни спать, ни есть.

Он гонит от себя мучительные воспоминания, но они, словно пиявки, впились в его сознание, тянут из него кровь, силы, жизнь… Он снова и снова представляет себе ту жуткую сцену, пытается понять, что именно он мог изменить, как он мог повлиять на исход ситуации, но все попытки оправдать себя кончаются приступами гнева и отчаяния.

Он знает, что должен взять себя в руки. Он корит себя за то, что отвергает любую возможность привести свою жизнь в порядок. Даже переезд в другую квартиру случился будто бы без его участия. Перебравшись в новый дом, он лелеял надежду на то, что сумеет отвлечься, преодолеть гнетущее чувство вины, вычеркнуть этот страшный эпизод из своей памяти.

Но этого не случилось. Неразобранные вещи остались лежать в коробках и чемоданах. Квартира пустовала, как если бы в ней никто не жил. Лишь в спальне на прикроватном столике горел старый ночник. Он лежал часами напролет на голом матрасе, завернувшись в пуховое одеяло, ел порой только раз в день. Однажды он взялся перебрать рабочие документы, но со злости сжег половину из них. Он был опустошен, не хотел видеть ни друзей, ни знакомых, не брал новых расследований, не читал газет. Почти два месяца он провел в добровольном заключении. Весна окончательно пришла в город, но ни тепло апрельского солнца, ни сочная манящая зелень лондонских парков не прельщала его.

Он нехотя поднялся с кровати и настежь распахнул окно.

Внизу на узкой мостовой суетились люди. Рыжий мальчишка в перепачканной кепке звучно предлагал прохожим купить сегодняшнюю газету; на углу дома напротив полная дама в зеленом пальто спорила о чем-то с высоким джентльменом почтенного возраста; веселый краснолицый мясник без лишнего стеснения нахваливал сочные говяжьи отбивные на пороге своей лавки, зазывая к себе покупателей. Жизнь жителей Ист-Хэма шла своим чередом, в то время как его собственная жизнь попросту остановилась.

Он вдохнул сырой лондонский воздух и вновь закрыл окно. Дождь почти прекратился, и в комнате опять стало мертвенно тихо. Он подошел к вешалке с одеждой и порылся в карманах пальто. Обнаружив там пару фунтов, он стал одеваться, чтобы наведаться в винную лавку за бутылкой спиртного и пачкой сигарет. Но тут его сборы прервал телефонный звонок.

Недели напролет он игнорировал этот беспокойный назойливый звон — он не брал трубку, не интересовался, кто и зачем пытается до него дозвониться. Он не хотел никого слышать. Но сейчас что-то в нем переменилось. Он вдруг почувствовал необъяснимое желание услышать чей-нибудь голос, и не важно, кто это будет — давний друг, взволнованный клиент или его новая домовладелица, которая жутко переживала за то, что ее арендатор может испортить обстановку в квартире в случайном порыве буйного гнева.

Он снял трубку телефона.

— Эдвард Финч слушает.

— Эдди, ну наконец-то! — послышался радостный возглас его лучшего друга Роберта Милтона. — Я звонил тебе вчера и позавчера, и… Как ты, Эдди? Я уже подумывал вызвать для тебя доктора. Ты не отвечал на звонки, не открывал дверь…

— Я был немного… занят, — сухо отозвался Эдвард.

— Я очень за тебя беспокоился, Эдди! Думал даже позвать фараонов, чтобы проверить, жив ли ты. Но Бобби сказал мне, что видел тебя на углу Олив и Баундари около недели назад, и я решил подождать. Подумал, ты сам выйдешь на связь, когда будешь готов. Эдди, — в голосе Роберта послышалось сомнение, — знаешь, дружище, прошло почти два месяца с тех пор…

— Не нужно мне обо этом напоминать! — рявкнул на друга Эдвард. — Для меня все случилось будто вчера! — Он изо всех сил сжал в руке телефонную трубку, чтобы не сорваться на крик. — Чего ты хочешь, Роб?

— Да, я… У меня к тебе есть одно дельце. Хотя, скорее, это все-таки предложение. Очень заманчивое предложение!

— Знаю я твои предложения! Ты снова затеял какую-то авантюру и хочешь меня в нее втянуть?

— Нет, на этот раз все иначе…

— Послушай, Робби. Я знаю, что ты пытаешься мне помочь, но поверь, сейчас мне лучше остаться одному. Я не в настроении веселиться и участвовать в сомнительного рода

развлечениях. Сейчас я не вынесу шумной компании твоих непутевых дружков. Без обид…

— А я и не обижаюсь, — усмехнулся Роберт. — Только ты совсем не угадал. Я хочу предложить тебе нечто более грандиозное, чем посиделки в пабе с моими товарищами.

— Мне уже страшно!

— Все, о чем я тебя прошу, Эдди, так это выслушать меня. А уж потом ты сам решай, как тебе поступить.

— Выкладывай, что там у тебя на уме, — наконец согласился Эдвард.

— Ну, вот и отличненько! Значит так… Ты, разумеется, помнишь, что у меня есть кузен — Дарен Клиффорд?

— Троюродный кузен, — уточнил Эд. — Да-а-альная родня…

— Да, но мы в последнее время с ним так сдружились, что я об этом даже не вспоминаю.

— Верится с трудом. Он вроде бы не твоего круга, или я ошибаюсь?

— Ах, Эдди! Все у тебя сводится к деньгам да титулам! Он, несомненно, птица высокого полета. Но и у таких людей, как я, могут завестись друзья в высшем обществе.

— Никогда в этом не сомневался. Значит, теперь вы с этим Клиффордом закадычные друзья?

— Почти что так. Историю начала нашей взаимовыгодной дружбы я поведаю тебе позже. Чудесная новость состоит в том, что он позвал меня на свою свадьбу!

— Неужели ты станешь его шафером?

— К сожалению, нет. Шафером у него будет парень по фамилии Хилл. Я с ним еще не встречался, но слыхал про него парочку нелестных историй.

— А какое *мне* дело до свадьбы Дарена Клиффорда? — осведомился Эдвард. — У него какие-то проблемы с семьей невесты? Или он боится, что торжество сорвется?

— Нет-нет! Свадьба точно состоится через десять дней. Твои детективные услуги ему не требуются, об этом можешь не беспокоится.

— В таком случае я не понимаю, чего ты от меня хочешь.

— Видишь ли, Дарен был так добр, что пригласил на свою свадьбу меня и мою матушку. Хотя лично они не знакомы, он, тем не менее, посчитал, что это будет самым правильным решением.

— Я рад за миссис Милтон, — искренне сказал Эд. — Она уже очень давно не выбиралась за пределы города. Я полагаю, свадьба пройдет не в Лондоне?

— Ты угадал. Дарен женится на Одри Рассел, приемной дочери сэра Рассела, владельца виноградников в восточном Хэмпшире. Свадьба состоится в его поместье. Но…, — Роберт на секунду замялся. — Видишь ли, моя матушка в последнее время сильно сдала. Я боюсь, она не выдержит такого путешествия.

— Три часа в пути не так уж и долго, — возразил Эдвард. — Разве что дорога от станции покажется ей утомительной.

— Ты давно у нас не бывал, Эдди, — грустно вздохнул Роб. — Моя матушка… Как бы так лучше выразиться… Ей тяжело ходить, понимаешь? Она быстро устает, подолгу спит в саду в своем старом кресле. Я стараюсь почаще звать ее на прогулки, но в последнее время ее одолела меланхолия, и она предпочитает оставаться дома.

— Я не сомневаюсь, что смена обстановки пошла бы миссис Милтон на пользу.

— О, Эдди! Не заставляй меня произносить это вслух! — В голосе Роберта послышалось отчаяние. — Она стала слишком полной, понимаешь?

Эдварду тут же стало стыдно за свою настойчивость. Он знал миссис Милтон с тех пор, когда сам был еще ребенком. Сколько Эд ее помнил, она всегда была дородной женщиной: круглолицей, со здоровым румянцем на щеках.

Мать Роберта любила много и вкусно готовить. Когда Эдвард, будучи подростком, потерял свою матушку, миссис Милтон проявила к нему участие: она частенько приглашала его в гости по воскресеньям, чтобы накормить вкуснейшим рагу с подливой и воздушным картофельным пюре. На десерт она всегда готовила липкий карамельный пудинг, от которого все ее гости приходили в полный восторг. Но ее коронным блюдом был куриный пирог с хрустящей корочкой. Эдвард до сих пор помнил вкус этого божественного пирога. Всякий раз, заказывая похожее блюдо в пабе или ресторане, он сравнивал его с произведением кулинарного искусства

миссис Милтон, и каждый раз эти жалкие пироги не шли ни в какое сравнение с ее стряпней.

Последний раз он навещал миссис Милтон больше полугода назад. Уже тогда он удивился тому, как резко она постарела и… раздалась. После безвременной кончины мужа миссис Милтон, как это часто бывает, начала заедать свое горе. Не было ничего удивительно в том, что ее и прежде пышная фигура после нескольких лет поглощения всевозможной выпечки приобрела еще более внушительные объемы.

Как ни старался Роберт, ему не удавалось вразумить мать. Все, что не съедал сын, старавшийся всеми правдами и неправдами отказываться от бесконечных тарелок с едой, доедала сама миссис Милтон. Эдвард с грустью наблюдал за упадком ее здоровья, и теперь, когда Роберт, скрипя сердцем, признался, что ситуация окончательно вышла из-под контроля, ему стало совестно за свое безразличие.

— Я могу что-нибудь сделать для миссис Милтон? — спросил он участливо. — Ты ведь знаешь, Роб, твоя матушка стала мне почти что родной после смерти моих родителей. Я могу поговорить с ней, если это как-то поможет.

— Ты можешь кое-что для нее сделать, Эдди. Она бы сама попросила тебя об этом, но я вынужден передать тебе ее слова… В общем, матушка просит тебя составить мне компанию вместо нее.

Такой поворот в их разговоре привел Эдварда в замешательство. Он медлил с ответом.

— И пока ты не отказался, — быстро заговорил Милтон, — я должен тебе кое-что объяснить. Да, мне не хочется ехать туда в одиночку! Я не слишком подкован в общении со знатными особами. Я, конечно, неплохо воспитан, но частенько теряюсь в их обществе. Ты же, с другой стороны, легко находишь к ним подход, хотя они тебя и раздражают. Я легко могу представить, какие люди там соберутся, и, конечно же, догадываюсь, что я в их кругу наверняка буду лишним. И потому твоя компания станет для меня настоящим спасением, Эдди!

— Я уверен, что ты блестяще проявишь себя в обществе этих жеманных снобов, — поспорил с другом Эдвард. — Ты умеешь увлечь собеседника интересным разговором, ты остроумен и легко заводишь новых друзей. А уж по части высокомерных дамочек тебе, Робби, просто нет равных! Я и в подметки тебе не гожусь…

— Ну, Эдди! Прошу тебя, не отказывайся! Я нуждаюсь в твоей компании! Но главное, я хочу, чтобы ты пришел в себя, немного развеялся, оставил угрызения совести на потом и дал бы себе передышку. Глядишь, ты очень скоро и думать забудешь обо всем случившемся! Пройдет еще пара месяцев, и ты не вспомнишь о том дне…

— Я никогда этого не забуду, Роб! Никогда! — горестно воскликнул Эдвард. — Эта трагедия останется со мной до конца моих дней!

В телефонной трубке послышался тяжелый вздох. Роберт

почти исчерпал запас аргументов.

— В восточном Хэмпшире сейчас прекрасная погода, — добавил он. — В особенности, если сравнивать с Лондоном. Выгляни в окно, Эдди, и подумай, хочется ли тебе застрять тут, в этой сырости и серости на ближайшие недели, или будет куда лучше насладиться цветущими пейзажами юга нашей страны. Давай, дружище, решайся!

— Ты действительно думаешь, что общество напыщенных богатеев поможет мне развеяться? — сердито пробубнил в ответ Эдвард.

— Ты упрям, как осел, Эдди! — раздраженно воскликнул Милтон. — Если ты не прекратишь свое самоизгнание, то скоро превратишься в жуткого брюзгу! А хуже всего — в прожженного пьяницу! Думаешь, я не знаю, что ты пьешь, не просыхая? Бобби видел, сколько бутылок скотча ты нес к себе домой!

— Это тебя не касается! — жестко отрезал Эдвард. — Ни тебя, ни Бобби! Я буду делать со своей жизнью все, что захочу! И не лезь ко мне со своими советами! Ты не был на моем месте, и не знаешь…

— Да, я не знаю, каково это! — Голос Роберта вдруг стал очень серьезным. — Я даже представить себе не могу каково это, когда на твоих глазах убивают человека! Но ты винишь себя в том, что совершил *другой человек*! В том, что от тебя никак не зависело!

— Я виноват! — срывающимся голосом выкрикнул Эд-

вард. — *ВИ—НО—ВАТ*! Я мог! Я должен был его спасти!

Эд судорожно глотал ртом воздух: его душили слезы, и он мысленно проклинал то мгновение, когда решился взять в руки эту чертову трубку. Он явственно ощутил, как все те чувства и эмоции, с которыми он тщетно боролся два долгих месяца, вновь берут над ним верх.

— Прости, что напомнил об этом, — пробормотал в ответ Роберт. — Я не хотел, Эдди. Прости меня…

Какое-то время он молчал, пока его друг старался успокоиться.

— Я не стану тебя уговаривать, — тихо добавил Милтон. — Если ты захочешь присоединиться ко мне, я буду ждать тебя завтра на вокзале Ватерлоо. Поезд отбывает в десять утра до станции Шофорд. Приезжай, Эдди! Я уверен, ты не пожалеешь!

Глава 3. Прибытие

Разговор с Робертом принес Эдварду лишь новую головную боль. Единственное, чего ему сейчас хотелось, так это выпить бокал скотча в прикуску с хорошим куском жареного бекона, а затем зарыться головой в подушку, отгородившись от внешнего мира. «Невелика важность! — бурчал Эд, натягивая на себя измятый пиджак. — Подумаешь, свадьба! Я уже бывал на свадьбе в замке графа! И тогда все кончилось тремя трупами!» От этих неприятных воспоминаний Эдвард невольно поежился. «Видал я, как они готовы вгрызться друг другу в глотки при первом удобном случае. А еще этот Дарен Клиффорд! Тот еще ловелас! Слыхал я про него парочку очень занимательных слухов…»

Дарен Клиффорд, сынок одного из крупнейших торговцев шерстью во всей Великобритании, был предметом многих пикантных сплетен. Эдварду совсем не нравилось, что Роберт якшается с этим сомнительным «персонажем». «И ничего, что Дарен Клиффорд ему седьмая вода на киселе! — злился про себя Эд. — Ну, раз теперь они такие хорошие друзья, то Роберту вовсе незачем переживать — его кузен не отдаст своего новообретенного родственника на потеху искушенной публике».

Дойдя до винного магазина, Эдвард обнаружил, что оставил все деньги дома. Тщетно пошарив по карманам, он все-

таки решил войти: за прошедший месяц продавец успел запомнить своего постоянного клиента. Но удача на сей раз изменила Эдварду — сегодня за прилавком магазина работал племянник хозяина, прыщавый парнишка с серым лицом и выпученными, как у рыбы, глазами. Он с недоверием покосился на подозрительного покупателя.

Внешний вид Эдварда выдавал в нем не самые лучшие качества добросовестного «заемщика»: недельная щетина, взъерошенные волосы, помятый костюм и отсутствующий взгляд. Сколько бы не уговаривал его Эдвард, противный мальчишка не соглашался продать ему в долг две бутылки дешевого виски. Ну, а когда он пригрозил тому жалобой, юноша вышел из-за прилавка, прихватив с собой увесистую деревянную палку, и помахал ей у Эдварда перед носом. Несмотря на свой плюгавый вид, парнишка крепко сжимал в руках свое единственное орудие защиты и, без сомнения, был настроен весьма серьезно. Не решившись вступить в открытый конфликт, Эд попятился назад и, споткнувшись о порог, еле-еле устоял на ногах.

Брошенное ему в этот момент — «Проваливай отсюда, пьянь!» наконец отрезвило Финча и вернуло его в реальную жизнь. Он посмотрел на свое отражение в витрине этой паршивой лавчонки и только теперь осознал всю глубину своего падения. За какие-то неполных два месяца Эд превратился в жалкое подобие самого себя: под глазами залегли темные круги, лицо опухло, волосы стали похожи на грязную швab-

ру, а одежда, которую он не менял уже целую вечность, выдавала полнейшее отчаяние его нынешнего положения. «Я похож на бездомного пьяницу! — с ужасом подумал Эдвард. — Я жалок! Я просто жалок!»

Он сорвался с места и быстрым шагом направился домой. Там он в скором порядке затопил камин, чтобы прогреть свою новую квартиру, побрился, принял горячую ванную и, как мог, разобрал те завалы из вещей и мусора, что образовались за время его пребывания в жутком двухмесячном анабиозе. До позднего вечера он приводил свое жилье в порядок и ни разу за это время он не вспомнил о своей беде. Лишь только опустившись в кресло возле камина и уставившись на догоравшие в огне угли, Эд мысленно вернулся к случившемуся.

И тут он вдруг ясно увидел *его*! Будто *он* сейчас стоял прямо здесь, перед ним. Такой юный, так живой, полный надежд и планов на будущее. В его еще по-детски наивном взгляде читался какой-то странный укор, словно он винил Эдварда не в своей смерти, о чем сам Эд не мог забыть ни на секунду, а в том, что Эдвард сейчас губит самого себя, закрывшись за семью замками, забыв о том, что там, за окнами его квартиры кипит другая жизнь. Огромный город бурлит, словно суп на плите, суп из сотен тысяч других судеб, других историй, похожих и не похожих на его собственную, суп из трагедий и счастливых случайностей, перемешанных между собой по законам мироздания, понятных лишь одному Создателю. Да,

сейчас *он* осуждал Эдварда за потерянное время. За время, которого у *него* уже никогда не будет. Но вот Эдвард все еще мог наверстать упущенное. Оставалось лишь только принять приглашение Роберта.

На следующий день в двенадцать часов по полудню Эдвард Финч оказался на перроне маленькой провинциальной станции Шофорд в графстве Хэмпшир, которая находилась менее чем в одной миле от провинциального городка Туайфорд. Кроме детектива на станции вышли еще двое людей: пожилая дама с собачкой и молоденький студент с большим кожаным портфелем. Их обоих ожидали. Парнишку препроводила в автомобиль высокая худощавая женщина с лицом, похожим на маску. Она молча указала своему подопечному нужное направление и проследовала за ним с видом, преисполненным собственного достоинства.

Старушка долго суетилась возле своего багажа, сетуя на то, что нерадивый носильщик наверняка оставил один из ее драгоценных саквояжей в поезде. Наконец, убедившись, что все ее имущество на месте, она громко побранила своего йоркшира за то, что тот отчаянно лаял на весь перрон. «За мной, Цезарь!» — важно скомандовала пожилая дама, и они вдвоем двинулись навстречу шикарному мерседесу, в котором их дожидался солидного вида шофер.

В этих благодатных местах проживало немало состоятельных людей. Их поместья располагались в живописных доли-

нах, окруженных густыми лесами, а чуть дальше, к югу, тянулось великолепное побережье песчаных пляжей — райский уголок для тех, кто любит простор и природу. Солнце радовало жителей Ист-Хэмпшира своим теплом гораздо чаще, чем жителей Лондона, привыкшим к сырой прохладной погоде и зимой, и летом. Весна пришла сюда раньше, чем в центральную часть страны: вокруг повсюду цвели бело-розовые азалии и яркое-желтые ирисы, распускались первые цветы вишни и магнолии, пьянящей свежестью благоухала мимоза. Зеленая сочная трава застилала холмы и лужайки, птицы звонко пели в кустах жимолости — природа радовалась весеннему теплу, словно маленький ребенок ласке матери.

До городка Туайфорд от железнодорожной станции было не больше двадцати минут пешим шагом. Судя по карте, которую вручил детективу привратник, ему было необходимо двигаться по Шофорд-Роуд через поля, преодолев при этом два небольших мостика через реку Итчен, протекавшую в этих краях. Но прежде, чем отправиться в город, Эдвард решил оставить сообщение для Роберта: лучший друг, как всегда, оказался скор на обещания, но скуп на их исполнение.

Как и было оговорено, Эдвард явился на вокзал Ватерлоо к назначенному времени. Без пяти десять он в полном одиночестве вошел в купе второго класса. На перроне вокзала, как и в вагоне, где ехал Эдвард, Роберта не оказалось. Финч списал это на то, что сам изрядно припоздниился, поэтому он ожидал увидеть друга в конечной точке их поездки. Но, к

его большому разочарованию, Милтон не вышел на станции Шофорд, и это могло означать только две вещи: либо Роберт, по своему обыкновению, забыл об их разговоре, либо он опоздал на поезд и теперь мчался на всех парах навстречу лучшему другу. Эдвард не хотел даже думать о том, что Милтон попросту разыграл его, решив таким образом немного его расшевелить.

Но, как это обычно бывает, на поверку все оказалось гораздо тривиальнее. Набрав номер приемной бульварной газетенки, в которой сейчас трудился Роб, Эдвард услышал писклявый женский голос в трубке телефона. Молоденькая секретарша с большой неохотой разыскала мистера Милтона и пригласила его к телефону.

— Кажется, ты кое о чем запамятовал, друг мой, — нарочито спокойно сказал Эдвард.

— В чем дело, Эдди? — весело отозвался Милтон.

— Что ж, постараюсь освежить твою память, Робби: свадьба, Винчестер, твой дражайший кузен…

— Да-да, разумеется, я помню! Мое приглашение все еще в силе. Что ты скажешь, дружище? Поедешь со мной?

— Ты, должно быть, надо мной издеваешься? Как ты думаешь, Роб, где я сейчас нахожусь?

На пару секунд на том конце трубки воцарилось неловкое молчание.

— Эмм… Думаю, ты рядом с каким-нибудь пабом. Хотя нет, погоди… Быть может, ты дома? Все еще занимаешься

самоуничижением?

— Черт тебя подери, Роб! — окончательно разозлился Эдвард. Полное отсутствие самосознания у Милтона привело его в ярость. — Я стою на перроне на станции Шофорд! Ты сам намеревался ехать сюда этим утром! Мы с тобой обсуждали это вчера!

— О, Боже! Я ведь совсем забыл! — Роберт прокашлялся и заговорил жалостливым тоном: — Эдди, я такой дурак! Вчера, после того как мы побеседовали, на меня просто с неба свалилась тема для одной очень «острой» статейки. Дело в том, что некий богатый промышленник, я пока не могу назвать его имени, проиграл крупную сумму в карты, и…

— Меня не волнует твоя работа! — отрезал Эдвард. — Ты не приехал, Роб! И теперь я стою здесь один, как совершеннейший осел! Что ты прикажешь мне делать? Явиться на свадьбу твоего кузена в одиночку?

— Ах, нет же! Ты меня не дослушал! Я сегодня же закончу все дела и прибуду в Шофорд уже завтра утренним поездом. Ты и глазом моргнуть не успеешь!

— Слабо верится…

— Прости, что не предупредил! Я собирался позвонить тебе, но чересчур увлекся работой. Ты же знаешь, со мной такое бывает.

— Я слишком хорошо тебя знаю, Робби. Ты частенько не выполняешь своих обещаний. Это входит у тебя в привычку!

— Послушай, Эдди. Отправляйся в город и пережди эту

ночь в какой-нибудь гостинице. А завтра после обеда мы вместе наведаемся в Магнолия Гарденз. Согласен?

В ответ Эдвард лишь недовольно фыркнул.

— Выше нос, Эдди! — подбодрил друга Роберт. — Не нужно напрасных волнений! Сейчас тебе просто необходимо развеяться и отдохнуть. Пройдись, набери в легкие побольше свежего деревенского воздуха и оставь все невзгоды позади. Выпей пинту-другую, познакомься с симпатичной деревенской барышней и проведи вечер в приятной компании. Это тебе не повредит. А уже завтра я попробую поднять тебе настроение. Впереди нас ждет отличная неделя!

Распрощавшись с Робертом, Эдвард покинул железнодорожную станцию и побрел по узкой дороге в направлении небольшого городка, в котором ему предстояло провести следующие сутки. «Было бы не плохо выпить кружку пива за обедом. А, может, и две», — подумалось Эдварду, пока он неспешно спускался с деревянного мостика, такого старого, что его доски уже почернели от времени и влаги.

Вокруг, куда ни глянь, простирались обширные зеленые луга, цвели полевые цветы, где-то рядом тихонько журчала узкая река Итчен. Эдвард любовался безоблачным небом, стараясь гнать от себя назойливые мысли. По правую сторону от него виднелся дубовый лес, по левую — фермерское хозяйство, а впереди красовался знак с надписью — «Туайфорд».

Кроме него на дороге не было ни души: Эд наслаждался этими краткими минутами покоя и неторопливого созерцания природы.

Примерно на полпути к городу мимо него на бешеной скорости вдруг пронесся черный автомобиль. Он проехал так близко от Эдварда, что чуть его не сбил. От неожиданности он едва не завалился в кювет, но все же устоял на ногах и тут же послал парочку едких словечек вдогонку этому безумному гонщику. Он не сумел хорошо рассмотреть машину, лишь заметил, что водитель выбросил что-то из окна на дорогу: то ли обрывок бумаги, то ли клочок светлой материи. Неизвестный предмет сдуло ветром, и он затерялся в густой траве.

Дойдя до того места, Эдвард решил поглядеть, от чего избавился водитель-лихач. Носом ботинка он раздвинул травинки и, к своему удивлению, обнаружил там багажный ярлык, сделанный из замши светло-бежевого цвета. На ярлыке золотым тиснением были выведены инициалы «М.Э.К.». «Какое расточительство!» — буркнул Эдвард себе под нос, в очередной раз убеждаясь в глупости богатых господ. Он выбросил ярлык в траву и продолжил свой путь.

Провинциальный городок Туайфорд вполне соответствовал ожиданиям детектива. Его улочки выглядели чистыми и уютными, беленые двухэтажные дома с красно-коричневыми черепичными крышами казались немного игрушечными, тут и там теснились магазины и лавочки, названные в честь

своих хозяев. Небольшая пожарная станция расположилась в здании бывшего пивоваренного завода, а скромная городская мэрия ютилась в крошечном одноэтажном строении на окраине города. Чуть выше по Хай-стрит возвышалась церковь Святой Девы Марии, построенная в начале пятнадцатого века.

Эдвард обошел город меньше, чем за пол часа. На глаза ему попалась лишь одна приличная гостиница — «Кингз Армз», где он и решил остановиться. В холле его поприветствовал управляющий. Он представился Эрнестом и поинтересовался, чем может быть полезен дорогому гостю.

— Я бы хотел снять комнату на пару ночей, — ответил ему Эдвард.

— К сожалению, у нас остался лишь один номер. Если вас не смущает отсутствие выбора…

— Мне подойдет любая комната. Вид из окна нисколько меня не волнует. Главное, чтобы постель была чистая.

— Разумеется, сэр. В нашем заведении чистота и порядок стоят превыше всего. Наши постояльцы всегда покидают «Кингз Армз» довольными качеством оказанных им услуг.

Эдвард был немного удивлен его манерой речи, совсем несвойственной деревенским жителям. Эрнест никак не подходил на роль администратора провинциальной гостиницы.

— Вы не местный? — прямо спросил его Финч.

— Как вы догадались, сэр?

— По вашей манере держать себя и по тому, как вы раз-

говариваете. Вы прежде работали в большом городе?

— Да, сэр. Я проработал метрдотелем в Винчестерском Королевском отеле почти десять лет. Три года назад мой дядюшка скончался и передал мне по наследству «Кингз Армз». Теперь мое место здесь.

— Значит, вы уже достаточно хорошо знаете округу?

— Можно сказать и так, сэр.

— Что вы можете рассказать мне о семье Расселов?

— Лорд Рассел очень важный человек в этих краях. Он владеет обширными виноградниками вверх по течению реки Итчен. Там же, в двух милях от города, располагается его поместье Магнолия Гарденз. А какие прекрасные сады растут вокруг его владений! На них стоит посмотреть!

— Кажется, его дочь в скором времени выходит замуж, — как бы между прочим подметил Эдвард.

— Все верно, сэр. Мисс Рассел готовится к свадьбе с мистером Клиффордом. Все в округе с нетерпением ожидают этого дня. Для наших мест это настоящее событие! Об их помолвке написали в «Хэмпшир Кроникал»!

— Не сомневаюсь, что предстоящее торжество будет великолепным, — учтиво добавил Эдвард.

Он поблагодарил Эрнеста за оказанное гостеприимство, взял ключи от своего номера и направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Навстречу ему спускалась молодая девушка, одетая полностью в черное. На ней было черное шифоновое платье свободного кроя, блестящие лакированные

туфли с серебряными пряжками, черные кружевные перчатки и широкополая шляпа с черной вуалью, из-под которой едва выбивались крупные белокурые локоны. Казалось, она носит по кому-то траур или попросту не заботится о моде.

Девушка в черном прошла мимо Эдварда, даже не взглянув на него. Она пересекла холл, не обратив внимания на радушное приветствие администратора, и вышла на улицу, где ее уже ожидал черный Форд. Эдварду вдруг показалось, что именно это авто чуть не сбило его на дороге. Но таких черных машин в Англии пруд-пруди. Вероятность совпадения — один к десяти, или того меньше.

Оставив в номере свой небольшой саквояж, Эдвард отправился в ближайшую таверну, чтобы подкрепиться. Несмотря на приятную обстановку в заведении, еда здесь оставляла желать лучшего. Свиные котлеты были пересушены, зеленый горошек и картофельное пюре чрезмерно приправили солью, а суп из белых бобов оказался водянистым. Настроение Финча падало с каждой съеденной ложкой, и лишь кружка хорошего английского пива скрасила этот унылый обед.

— Должно быть, вы тут проездом? — раздался мужской голос за спиной Эдварда.

Он обернулся и увидел позади себя невысокого коренастого мужчину лет пятидесяти пяти. Незнакомец выглядел немного помятым: небритый, глаза красные, что говорило о его чрезмерной любви к выпивке (об этом Эдварду было из-

вестно из личного опыта); костюм его был несвежим, впрочем, как и его дыхание. Мужчина подошел к детективу так близко, что тот вполне мог бы угадать, чем он только что подкрепился.

Эдвард с неприязнью взглянул на незнакомца.

— Прошу прощения?

— Я только предположил, что вы совсем недавно приехали в Туайфорд.

— И отчего вы так решили?

— Выражение лица у вас слишком напряженное для этих краев, — объяснил свою догадку незнакомец, продолжая в открытую разглядывать Эдварда. — Здешний народ — само tranquillité[2]! Добропорядочные жители глубинки всегда всем довольны и готовы прийти вам на помощь!

«Очередной неудачник, — сразу сообразил Финч. — Приехал сюда топить свое горе в бутылке. Но здесь для этого не самое подходящее место».

— Вы позволите? — буркнул незнакомец и, не дожидаясь приглашения, уселся за столик. — Питер Чейз, обозреватель криминальной хроники в «Хэмпшир Кроникал», одной из старейших газет Англии! — Журналист с довольной улыбкой протянул детективу руку для приветствия.

— Эдвард Финч, — нехотя представился Эд.

Услышав такой сухой и короткий ответ, журналист уставился на своего нового знакомого с неподдельным интере-

[2] Tranquillité — спокойствие (с франц.)

сом.

— Неужели вы шпион? — ни с того, ни с сего предположил мистер Чейз.

— Даже если бы я был им, то ни за что бы вам в этом не признался.

— Ха! А вы не промах, мистер Финч! Умеете поддержать беседу! Ну что ж… — Журналист вытащил из кармана портсигар и предложил Эдварду закурить.

— Я не курю, спасибо.

— Вы не против? — Питер Чейз с явным наслаждением раскурил сигарету. — Значит, вы здесь по делу, мистер Финч?

— Отнюдь, я в отпуске. Приехал в Туайфорд, чтобы насладиться местными красотами.

— Тяжелая служба?

— Нелегкая, это точно. Пару раз в год даю себе передышку.

— И что же это? — не унимался мистер Чейз. — Полиция, пожарная часть, врачебная практика? Нет-нет, подождите… Вы наверняка работаете на правительство?

— А у вас хорошая фантазия, мистер Чейз!

— Благодарю! Без этого в моей профессии никуда! Хотя чаще всего я стараюсь руководствоваться реальными фактами. Ну, по крайней мере в большинстве случаев. Порой я все же вынужден обличать свои статьи в формы более удобоваримые для простого обывателя. Кровавые подробности

убийства, изощренная схема ограбления, жуткая сцена ревности, приведшая к двум страшным смертям — все это бывает только в детективных книжках. В жизни чаще всего встречаются самые банальные преступления: кто-то кого-то по пьяни пырнул ножом, муж-тунеядец избил жену за то, что она принесла домой маловато деньжат в этом месяце, измученный нищетой слуга стащил у своего хозяина три буханки хлеба да фунт масла… Вот и вся криминальная хроника нашего славного края. И что же *мне* в таком случае остается делать? Я просто вынужден приукрашивать!

— Вы приукрашиваете подробности преступлений, мистер Чейз?

— А почему бы и нет? — пожал плечами Питер. — Я, конечно, оставляю всю суть случившегося без изменений, но вот антураж, атмосфера, герои… Все это мне приходится немного дорабатывать, добавлять «персонажам» характера, драмы, подбросить пару интересных деталей тут и там, понимаете?

— А как относится шеф полиции к вашим… опусам? — поинтересовался Эдвард. — Он доволен тем, что его работу освещают в таком «театральном» свете?

— Наш шеф полиции — брюзга, лентяй и полный болван! — презрительно фыркнул Питер Чейз. — Я хватаюсь за крошечные подробности этих мелких бытовых происшествий и делаю из них сенсации! — Он развел руки в стороны, чтобы показать масштаб своей работы. — А этот старый

маразматик только и знает, что ворчит — мол, я приврал тут, приврал там, все было не так, а иначе… Но кому интересно читать об ограблении скобяной лавки, особенно если оттуда вынесли товара на сумму меньше пяти фунтов? Статья выйдет куда более занимательной, если у вора окажутся личные счеты с хозяином, или, если все это окажется частью хорошо продуманного плана банды особо опасных грабителей, два месяца назад сбежавших из Паркхерст[3].

— Одним словом, вы профессионально раздуваете из мухи слона, мистер Чейз.

Такое категоричное определение его тяжелого труда «на благо» общества не порадовало журналиста. Он скривил недовольную физиономию и пробубнил что-то себе под нос.

— Официант! — неожиданно громко выкрикнул мистер Чейз. — По пинте пива мне и этому джентльмену. За мой счет!

Эдвард дивился наглости и самодовольству этого позёра, но сейчас его скорее развлекала, чем раздражала, их случайная «перепалка».

— Кажется, вы не особо высокого мнения о журналистах, мистер Финч, — заметил Питер, потягивая холодное пиво.

— Я бы так не сказал. Мой лучший друг — журналист одного престижного лондонского издания, — «слегка» приврал Эдвард. — Я знаком со многими представителями этой профессии. И пусть не все из них выполняют свою работу

[3] Паркхерст — тюрьма на острове Уайт, Великобритания.

добросовестно, наше общество, тем не менее, нуждается в различном освещении одних и тех же событий.

— Браво, мистер Финч! — нарочито торжественно зааплодировал Питер. — Я не сказал бы лучше!

Эдвард нахмурился, глядя на то, как развеселился журналист. Явная издевка в тоне его голоса не укрылась от детектива.

— Однако, то, что делаете вы, мистер Чейз, — продолжил Эд свою мысль, — по моему скромному мнению, выходит за рамки приличий и профессиональной этики. В вашей работе, как и в любой другой, есть границы, которые не стоит переступать даже «на благо» читателя. А под «благом» я подразумеваю бездумное поглощение всякого рода пикантных подробностей, которые приводят обывателя в первобытный восторг. Вы же не станете отрицать, что те детали, которые вы сочиняете, чаще всего — самого низкого сорта?

— Вы рассуждаете так, будто сами вращаетесь в тех же кругах. — Питер подвинулся ближе к Эдварду и заглянул ему в глаза. — Вы тоже журналист, не так ли?

— Я не журналист, мистер Чейз, но моя сфера деятельности так или иначе соприкасается с вашей, и потому я кое-что знаю об этой «кухне».

— Мне понятно, отчего вы не одобряете моих приемов, мистер Финч, — обиженно заметил Питер. — Но поверьте, я такой не один. Мои собратья по перу порой готовы на все, чтобы написать статью века. Не так давно я читал заметку

в Таймз[4] об одном частном сыщике. Теперь я уже не вспомню его имени… Кажется, этот малый неплохо зарекомендовал себя в лондонском обществе, но вот беда — его последнее дело обернулось для него настоящим кошмаром! Статья, кстати, вышла что надо!

Гнев захлестнул Эдварда с прежней силой, словно он вновь оказался в той самой комнате… Его руки непроизвольно сжались в кулаки. Он спрятал их под стол и изо всех сил постарался сдержаться, чтобы не наговорить Питеру Чейзу лишнего.

Журналист, словно и вовсе не заметив перемены настроения своего собеседника, продолжил:

— Так вот, представьте себе, мистер Финч, что этот бедолага-детектив взялся помогать одной семейной паре. В их доме случилась жуткая трагедия!

— Довольно! — грубо оборвал Питера Эдвард. — Я не хочу слушать грязные подробности того пасквиля! Подобные статьи призваны уничтожить карьеру и жизнь человека, это ясно любому! Тот малоизвестный писака попросту решил воспользоваться уязвимостью детектива и за его счет возвыситься среди своих коллег. Эта мерзкая статейка, как и ее автор, заслуживает порицания, и ничего более! Он не только оболгал того сыщика, но еще и прошелся по ни в чем неповинным людям!

---

[4] Таймз (англ. The Times) — ежедневная газета в Великобритании, выходит в печать с 1785 года.

— Значит, вы тоже читали ту статью? — Питер оценивающе оглядел Эдварда. — И вы отчего-то неравнодушны к этой теме… Неужели и вас когда-то охаяли в какой-то мелкой газетенке? Хотя лично я не назвал бы мелкой газетенкой издание Таймз, но все же…

— Это вас не касается! — огрызнулся Эдвард. — Всего хорошего, мистер Чейз!

Детектив резко поднялся из-за стола и быстро направился к выходу из таверны, когда Питер вдруг выкрикнул ему вдогонку:

— Черт бы меня побрал! Быть того не может! — От восторга он даже подпрыгнул на месте. — Да это же вы! У меня отличная память на лица. Кончено! Это о вас писали в той статье…

Эдвард стремительно подошел к нему и рявкнул:

— Да замолчите же! Вы привлекаете к нам излишнее внимание!

Питер Чейз посмотрел по сторонам и заметил, что несколько посетителей с интересом наблюдают за их разговором.

— Да кому какое дело? — вызывающе воскликнул журналист. Он допил свое пиво и со звуком поставил на стол пустую кружку. — Ну, на что вы тут уставились? — обратился он к присутствующим. — Не ваше это дело!

— Уймитесь, Чейз! — зашипел на него Эдвард.

Сейчас он был готов сквозь землю провалиться от сты-

да и досады. А еще ему хотелось хорошенько врезать этому невоспитанному нахалу по его раскрасневшейся наглой морде. Эд жестом подозвал официанта, принес ему извинения за доставленные неудобства и оплатил счет за пиво, добавив пару монет сверху. Затем, схватив Питера за рукав пиджака, он буквально выволок его из таверны, пока тот продолжал возмущаться поведением местных жителей.

— Что тебе от меня надо? — прикрикнул он на журналиста, когда они оказались на улице. — Признавайся, ты подсел ко мне, уже зная, кто я такой? И не вздумай мне врать!

Детектив так здорово тряхнул мистера Чейза, что тот быстро потерял былой запал. Он посмотрел на Эдварда снизу-вверх и наконец-таки осознал, с кем имеет дело.

— Н-н-нет! — с трудом проговорил Питер. — Я не знал, клянусь! Это вышло случайно! Я лишь приметил вас среди остальных…

— Почему? — не унимался Эдвард. — Что такого особенного ты во мне нашел? Зачем ты ко мне привязался?

— Я здесь всего пару дней! — попытался оправдаться журналист. — Не нравится мне это место… Здесь все такие добренькие, услужливые! Я не привык к такому. Я пытался расспрашивать местных об одном происшествии…

— О каком еще происшествии? — окончательно разозлился Финч. — Что ты здесь вынюхиваешь, Чейз? Отвечай мне!

Уловив неподдельный гнев во взгляде Эдварда, журналист

сдулся, словно воздушный шарик, проколотый острой иглой. Вся его спесь разом улетучилась, и теперь он выглядел жалким коротконогим человечишкой сомнительной наружности. Его покрасневшие от пьянства глаза сузились до тонких щелочек, будто глядя на Эдварда, он испытывал физический дискомфорт.

— Я все вам расскажу! — дрожащим голосом промямлил Питер. — Только отпустите меня, пожалуйста! На нас все смотрят!

Лишь сейчас Эдвард заметил, что прохожие косятся на них с подозрением. Он разжал кулаки и выпустил из рук измятые лацканы пиджака Питера Чейза. Потрепанный журналист тут же попятился, глядя на детектива с явным подозрением.

— Я все расскажу вам, обещаю! Но сначала ответьте мне на один вопрос: вы действительно настолько… опасны? — Чейз сделал еще один шаг назад. — Я имею ввиду так, как написано в той статье…

Эдвард чуть было не взорвался, вновь услышав об этой проклятой публикации, но, к счастью, вовремя взял себя в руки.

— Нет! Этого ответа вам достаточно?

Питер Чейз утвердительно кивнул.

— Отлично! — Эдвард выпрямился и отряхнул свое пальто. — Что ж, предлагаю вам, мистер Чейз, поскорее начать ваш рассказ.

Глава 4. Исчезновение

Выйдя из таверны, Эдвард и Питер отправились прямиком в гостиницу, так как выяснилось, что журналист также остановился в «Кингз Армз». Мистер Чейз прибыл в эти края на два дня раньше детектива и уже успел осмотреть округу. Он немного пообщался с местными жителями и, к своему неудовольствию, нашел их слишком благодушными и приветливыми, что сразу же вызвало в нем острые подозрения, ибо сам он был не расположен к излишней простоте и радушию.

Мистер Чейз, пронырливый журналистишка, каких в Англии предостаточно, вертлявый и излишне любопытный, тем не менее имел хороший нюх на сто́ящие дела. Его пытливый ум, в обычное время занятый сочинительством сомнительных заметок о преступлениях в провинциальных городках, изредка включался в «настоящую игру». То ли от безделья, то ли по чистой случайности, порой мистер Чейз натыкался на весьма подозрительные происшествия, в которых, благодаря своему особому нюху, находил определенные нестыковки и странности. Вот и на сей раз, просматривая полицейские сводки, он наткнулся на дело об исчезновении некоего Джона Хаксли.

— Сперва я решил, что речь идет о каком-то бродяге или выпивохе, который упал в реку, набравшись дешевого пива.

Ну, или, может быть, очередной простофиля проигрался в карты и сбежал на север страны, чтобы скрыться от кредиторов. Но, черт возьми, я будто знал, что обнаружу нечто более зловещее, если копну поглубже!

— Вижу в вас задатки настоящего детектива, — с легкой иронией заметил Эд.

Сейчас они с Питером сидели в больших удобных креслах, обитых красным бархатом, в небольшой гостиной, где отдыхали постояльцы «Кингз Армз».

— Если это комплимент, то я польщен, — отозвался Чейз. — Но куда уж мне до вас, мистер Финч! Вы, несомненно, добились определенных успехов на этом поприще… — Журналист осекся, увидев, что Эдвард хмурится. — Хотя, конечно, не все публикации влекут за собой полезную популярность.

— Оставим это, — строго сказал Финч. — Я настоятельно советую вам больше не упоминать при мне о том деле.

В этот самый момент официант вошел в гостиную с подносом в руках: на нем стояла тарелка с песочным печеньем и две хрустальные вазочки с джемом — яблочным и черничным. Питер Чейз был очень голоден, поэтому он также заказал себе парочку сэндвичей с ветчиной и сыром Чеддер. Увидев, что официант забыл про его заказ, Питер нахохлился, словно петух, готовящийся к драке, но парнишка предупредил его праведный гнев, извинившись за задержку. Через минуту он вынес тарелку с бутербродами и, пожелав гостям приятного чаепития, поспешно удалился.

Былое напряжение немного рассеялось, и Питер, воспользовавшись моментом, постарался сгладить свою очередную оговорку:

— Не держите на меня зла, мистер Финч. Это все мой дурной язык! Порой я не замечаю, как перехожу черту, понимаете? Захожу слишком далеко… И потому частенько попадаю в передряги. — Он хихикнул себе под нос и постучал кулаком по лбу, признавая собственную глупость. — Я обещаю вам, мистер Финч, что больше не заговорю об этом случае! — заявил он со всей серьезностью.

Питера Чейза не в коей мере нельзя было назвать чувствительным человеком, но даже его суровый скептицизм сейчас сдавал свои позиции. Будучи упертым атеистом и порядочным сухарем, он все-таки умел отличить настоящие страдания от мнимых, и в таких случаях старался проявлять некоторое сочувствие. И, как бы ему не хотелось выяснить «красочные» подробности того во всех смыслах мрачного происшествия, приключившегося с Эдвардом, Питер все же сообразил, что позволил себе лишнего.

— Как я уже вам говорил, — продолжил он, — исчезновение мистера Хаксли показалось мне весьма подозрительным, вот я и принялся копать. Стоит сказать, что поначалу я не питал особых надежд: полиция Винчестера быстро забросила это дело в дальний угол. Они довольно небрежно расспросили знакомых Джона Хаксли, коих, к слову, оказалось не так уж и много, и не добились от них ровным счетом

ничего.

Мужчина средних лет, неприметной наружности, не женат, живет один в довольно неплохой съемной квартире неподалеку от центра Винчестера, работает младшим адвокатом в весьма уважаемой фирме. Все его немногие родственники проживают в графстве Кент, но с ними этот бедолага не знался уже лет десять. Знакомых можно пересчитать по пальцам, дамы сердца не имеет, так как слишком застенчив и порой просто нелеп, опять же со слов его «добрых» приятелей.

В общем и целом, ничего интересного. Кроме одного малюсенького факта: чуть больше полугода назад этот джентльмен приобрел довольно неплохой автомобиль — черный Форд 1927 года выпуска. Модель купе-стандарт, четырехцилиндровый двигатель, не люкс, конечно, но вполне достойный представитель своего класса. Все его коллеги и знакомые, как один, утверждали, что Джон очень гордился своей покупкой. Можно сказать, этот автомобиль возвысил его в собственных глазах.

— Его авто играет какую-то роль в вашей истории? — уточнил Эдвард.

— Многим это показалось бы сущим пустяком, но я, — Питер ткнул себя пальцем в грудь, — сразу предположил, что эта машина послужила причиной исчезновения мистера Хаксли.

— Вы намекаете, что Форд угнали, а этого беднягу…

— Да, боюсь, мистер Хаксли давно лежит в придорожной канаве или на дне какого-нибудь озера.

— Тогда к чему эти рассуждения? — недоумевал Эдвард. — Наверняка преступник уже давно сбыл с рук угнанный автомобиль. В таком случае, мистер Чейз, концов вам уж точно не найти.

— Ах нет! Тут все не так просто, как кажется, — покачал головой Питер. — Дело не только в машине. За несколько недель до того, как мистер Хаксли растворился в воздухе, из тюремной психушки в Беркшире, а это совсем недалеко от Винчестера, сбежали трое заключенных. Мне, увы, так и не удалось выяснить подробности их побега. Видимо, этот инцидент подпортил настроение и репутацию главного врача психлечебницы, ведь эти трое ранили двоих санитаров и по дороге в город обчистили нескольких порядочных граждан, при этом хорошенько их вздув и угнав их средства передвижения. Такое вопиющее преступление, конечно же, не осталось без внимания, и меры безопасности в том заведении были многократно усилены. По крайней мере, они так утверждают… — При этих словах мистер Чейз издевательски хихикнул и звучно отрыгнул, осушив очередной бокал пива, Бог знает какой по счету за этот день. — Так или иначе, тех троих так и не поймали.

— Они разделились? Те заключенные? Вы, кажется, сказали, что они угнали *несколько* машин.

— Точнее две. Двое умалишенных уехали на старом гру-

зовичке, который они отобрали у престарелого фермера, одарив его хорошим фингалом под глазом да парой синяков на ребрах. Можно сказать, этот везунчик легко отделался…

— А третий?

— Вот с ним все обстоит гораздо интереснее! — Питер заговорщически улыбнулся и потер ладони между собой.

То, с какой уверенностью и увлеченностью он описывал незначительные, на первый взгляд, факты, заставило Эдварда пересмотреть свое первое впечатление об этом человеке.

— Мне удалось раздобыть, хоть и с большим трудом, его досье, — похвастался Питер Чейз. — Этот парень, по всей видимости, являлся мозговым центром всего предприятия. Двое других — мелкие сошки. Первый — воришка со странным пристрастием к предметам женского гардероба, пару раз сидел за воровство и неподобающее отношение к прелестным дамам. Второй — бывший моряк, воевал в Первую Мировую, где и повредился умом. В свободное время любитель выпить и подраться. Бросался на людей с ножом в приступах ярости, вот и загремел в психушку.

Ну, а *наш* парень — птица иного полета. Итан Уорд — жестокий, расчетливый, напрочь лишенный всякого сочувствия подонок. Ему около тридцати лет, родился он на северо-западе Хэмпшира, в местечке под названием Хатерден. Его мать умерла рано, оставив его вместе с младшей сестрой на попечение отца-изверга. Должно быть, именно тогда парень и повредился умом. Постоянные избиения, издеватель-

ства и, Бог знает, что еще, сделали из него морального урода. По крайне мере, моя версия такова. У него была младшая сестра, но что с ней стало доподлинно неизвестно.

После смерти отца Итан оказался предоставлен самому себе — парню тогда едва исполнилось шестнадцать. С того момента началась его преступная «карьера», если так можно назвать то, что он творил все эти годы. Итан отсидел в тюрьме за разбой в составе банды около шести лет и вышел досрочно за хорошее поведение. Но позже он вновь взялся за старое. Боюсь, что, если его не поймают, он с успехом продолжит свою «карьеру». И потому моя первостепенная задача — выйти на этого негодяя как можно скорее!

— Отчего у вас такой живой интерес к мистеру Уорду? — полюбопытствовал Эдвард.

— Когда его подельники смылись, Уорд не стал терять времени и тоже разжился машиной, но, в отличие от своих товарищей, он почти до смерти избил беднягу-водителя. Мужчина пятидесяти пяти лет, ветеран войны, настоящий герой, теперь парализован и прикован к кровати до конца своих дней. Вы поверите, что этот мерзавец бил его с остервенением дикого зверя? На руках мужчины обнаружили даже пару укусов. Только представьте себе — Уорд рвал его зубами! — Питер Чейз непроизвольно поморщился. — Настоящий псих, не иначе!

От таких подробностей Эдварду сделалось немного дурно. Жуткое воспоминание вновь прокралось в его ум: кровь,

крики, нечеловеческая ярость застлала глаза… Он перевел взгляд на свои руки и машинально размял пальцы.

— У меня есть своя теория на его счет, — не без гордости заметил журналист. — Думаю, Итан Уорд видит в таких вот мужчинах своего тирана-отца. Он как бы мстит ему в их лице. Понимаете, что я имею ввиду?

— Очень тонкий психологический портрет, мистер Чейз. Вы меня впечатлили, — сдержанно похвалил Питера Эдвард.

Тот, в свою очередь, залился краской, словно девица. В его глазах заиграли азартные огоньки: Питер Чейз наконец-то почувствовал, что полностью завладел вниманием известного детектива. От такой неожиданной похвалы в свой адрес он даже выпрямился в кресле: стряхнул хлебные крошки с измятых брючин и постарался напустить на себя важный вид. Питер невнятно поблагодарил Эдварда за столь лестный отзыв и крайне неловко потянулся за вторым сэндвичем, при этом пролив из чашки горячий чай себе на брюки.

Финч едва сдерживался, чтобы не засмеяться, но самодовольный журналист, казалось, вовсе этого не замечал. Промокнув полотняной салфеткой мокрые пятна на брюках, он как ни в чем не бывало принялся за бутерброд с ветчиной и сыром. Откусив от него большой кусок и хорошенько его прожевав, Питер вынес ему нелестный вердикт.

— Суховат, — недовольно пробурчал он, запив съеденное

хорошим глотком цейлонского чая. — Так, о чем это я?

— Итан Уорд, психопат и опасный преступник угнал автомобиль…

— Да-да! Но самое ужасное в этой ситуации было то, что в этой машине сидел также внук того бедняги, которого Уорд избил до полусмерти. Но, по какой-то известной только ему одному причине, этот негодяй не тронул юношу. Он заставил его выйти из машины и лечь лицом в землю. Видимо, решил его пощадить. Но парнишка все равно, как вы и сами догадались, видел и слышал то, что творил этот мерзавец с его дедом!

— Все это просто ужасно, — согласился Эдвард. — Теперь я понимаю, в чем состоит ваша мотивация, мистер Чейз. Когда по земле ходят такие, не побоюсь этого слова, твари, мало кто сможет молча наблюдать за этим и ничего не предпринимать. Хотя я, скорее, предпочел бы, чтобы этим делом занималась полиция. Все-таки вы, мистер Чейз, не являетесь профессиональным сыщиком, и тем более никогда не имели дела с такого рода криминальными элементами. Одним словом, Итан Уорд вам не по зубам, как не крути!

— Опять вы за свое! — возмущённо воскликнул Питер. — Вы все еще не верите в мои способности, мистер Финч? После всего, что я вам рассказал? Несмотря на всю ту информацию, что мне удалось добыть?

— Вы проделали огромную работу, мистер Чейз. И я настоятельно советую вам передать эти сведения полиции. По-

дробное досье на этого жуткого преступника им очень пригодится.

— Не смешите меня! — отмахнулся Питер. — Эти лентяи даже пальцем пошевелить не захотели, когда я пришел к ним со своими изысканиями. И я понимаю, да-а-а, понимаю! — Мистер Чейз откинулся на спинку кресла, и на его лице отразилась искренняя обида. — Я знаю, что видят люди, когда смотрят на меня. Толстый лысый коротышка! Рожей я не вышел, манеры, как у сапожника, люблю поумничать, криклив, да к тому же ем и пью за троих! Кто захочет доверить столь важное дело такому тюфяку, как я? — Питер недовольно скривился, будто съел что-то горькое. — Вот только я далеко не дурак, мистер Финч! Я чую их запашок за версту, понимаете? Я прямо-таки насквозь вижу всяких жуликов и бандитов! Наверное, мне стоило податься в сыщики… Но, боюсь, я тут же снискал бы себе дурную славу. Ну, не умею я общаться с добропорядочными гражданами! Я им попросту не верю!

— Тому, кто слепо верит чужим словам, правда нужна в последнюю очередь, — спокойным тоном заметил Эдвард. — Поверьте мне, мистер Чейз, я понимаю вас, как никто другой. Если бы я не подвергал сомнению все, что рассказывают мне в беседах те, с кем мне приходится иметь дело по долгу службы, я не раскрыл бы ни одного преступления. Сомнение — друг мой и враг мой. Оно неотступно идет рука об руку с правдой. Ведь любую правду — вашу, мою или кого бы то

ни было — всегда можно подвергнуть сомнению.

Питер Чейз молча внимал словам детектива. Он восхищался этим весьма неоднозначным человеком: еще совсем молодой (сам Питер не дал бы ему больше тридцати лет) он говорил и вел себя, как наученный горьким опытом человек, переживший немало передряг. В его серо-зеленых глазах читалась глубокая тоска, рот непроизвольно сжимался в жесткую линию, будто время от времени Эдвард испытывал физическую боль, засевшую где-то глубоко внутри него. Трагедия, случившаяся с ним пару месяцев назад, оставила на нем тяжелый отпечаток.

В какой-то момент Питер Чейз начал сомневаться в правильности своей затеи, и все же что-то ему подсказывало, что именно Эдвард Финч может помочь ему в непростом деле Итана Уорда.

— Вы скажете, что я многое о себе возомнил и люблю строить нелепые предположения, — снова заговорил журналист, — но я готов отдать руку на отсечение, что именно Итан Уорд причастен к исчезновению Джона Хаксли.

— У вас есть веские доказательства, подтверждающие вашу теорию, мистер Чейз? Помимо трагической истории детства мистера Уорда, которая, как мне кажется, совершенно не связана с этим происшествием.

— Вся соль в том, что Итан — верзила ростом шесть футов, три дюйма, — объяснил Питер. — Не заметить такого великана будет крайне непросто, учитывая средний рост

местных жителей. Самым высоким мужчиной из тех, кого я здесь видел, был парень по имени Стивен. Он работает садовником в каком-то поместье в нескольких милях от Туайфорда. Все остальные ростом не вышли. Видимо, их тут плохо кормят…

— Значит, его видели в компании мистера Хаксли, а затем и в этих местах? К этому вы ведете?

— Как вы догадались? — удивился Питер.

— Прошу вас, мистер Чейз, не разочаровывайте меня. Вы уже подошли к самой сути, так что не медлите. В каком ключе проходила их встреча?

— К сожалению, тому есть только один свидетель, и то весьма ненадежный. Старик, который подметает улицы возле дома на углу Клифтон-Хилл, видел Джона Хаксли в компании некоего джентльмена очень высокого роста. Дворник особенно отметил этот факт, так как его рост сразу бросился ему в глаза. Бедняга Хаксли — еще тот коротышка, видимо, в этом все дело. Представьте себе, как нелепо они смотрелись рядом друг с другом!

— Они ссорились, спорили о чем-то? Что-то в их поведении показалось ему подозрительным?

— Отнюдь. Эти двое мило беседовали и даже улыбались. Тот высокий мужчина, со слов старика, более походил на простого рабочего какой-нибудь фабрики и выглядел довольно странно в компании хорошо одетого джентльмена. Именно его неряшливый вид показался старику весьма по-

дозрительным. Дед оказался подслеповат, и поэтому не рассмотрел его лица, лишь сказал, что у того высокого все время дергалась правая рука, что опять же, красноречиво говорит нам о его психическом состоянии. Хотя, в общем и целом, он казался спокойным, вел себя доброжелательно по отношению к Хаксли, в то время как Джон выглядел немного взволнованным и все время поглядывал на часы.

— И что же случилось потом?

— Они говорили не дольше десяти минут. Затем они сели в машину Джона, в новехонький черный Форд, и уехали.

— Это случилось в тот же день, когда пропал мистер Хаксли?

— В точку! Коллеги Джона Хаксли рассказали, что он стал необычайно нервным и рассеянным в течение последней недели. Его начальник даже предложил Джону взять отгул или больничный, но у бедняги и без того планировался отпуск, ровно через десять дней, если вести отсчет с вечера его исчезновения.

— А вы не думали, что у мистера Хаксли просто сдали нервы, и он сбежал куда-нибудь подальше от надоевших мест?

— Это совсем не в его натуре — так сказали все, кто его знал. Джон Хаксли был обязательным и организованным работником, никогда не оставлял дела незавершенными, частенько трудился сверхурочно. В общем, он не позволил бы себе вот так просто смыться, не оставив при этом не единой

записки.

— Вас бы удивило, мистер Чейз, узнай вы, какие потаенные стороны порой открываются в людях, когда жизнь припирает их к стенке, — заметил Эдвард. — И все же вы настаиваете на том, что этот высокий незнакомец и есть наш злодей. В таком случае, вам стоит дождаться, когда в руки полиции попадется небезызвестный Итан Уорд. Думаю, тогда-то вы сможете представить главному инспектору свои доводы и улики, коих у вас, к слову, не так уж и много.

— Скорее, догадки и домыслы. Да-да, я знаю… И это самое обидное! — всплеснул руками Питер. — Я уже думал все бросить и заняться привычной статейкой про кражу муки и сахара из подсобки бакалейного магазина, но тут до меня дошли слухи, что в двадцати милях отсюда видели высокого парня, подходящего под описание Итана Уорда. Как думаете, каким автомобилем он управлял?

— Черным Фордом, — нехотя ответил Эдвард. Он уже понимал, что эта история выведет мистера Чейза на опасную дорожку, ведущую прямо в руки хладнокровного убийцы.

— Вот тогда-то я и воспрянул духом! — воскликнул Питер. — В тот же день я отправился в Туайфорд на разведку. Надеялся поймать его, как говорится, по горячим следам. Но, к сожалению, за эти недели в округе не произошло ни одного значительного преступления. Пара мелких краж, угон скота да пьяная драка в баре. Скукотища…

— А вы, мистер Чейз, мечтаете о громком убийстве для

своей статьи? — с укором спросил его Финч. — Вы были бы рады очередной жертве, ведь она принесет вам успех и известность? Дело века?

— Вы составили обо мне неверное мнение, — разочарованно сказал Питер. — Я не такой уж негодяй, каким вы меня себе вообразили.

— Я лишь сужу о вас по вашим же словам, мистер Чейз. Я вижу, что вы жаждете сенсации, о которой можно будет написать умопомрачительную статью. И мне кажется, вас не очень-то волнует, за чей счет вы приобретете «заслуженную» славу. За счет ли мистера Хаксли или любого другого бедолаги, которому не повезет попасться Итану Уорду под горячую руку. Большой разницы нет, не так ли?

Такой резкий ответ детектива привел Питера в некоторое замешательство. Он минуту-другую смотрел на него, не находя, что сказать в свою защиту. Никогда прежде Питер не чувствовал себя таким беспомощным, словно у него внезапно выбили почву из-под ног. Он старательно размышлял над тем, как лучше выкрутиться из создавшегося положения. Вместо помощи и совета Эдвард Финч одарил его презрением, которое, в какой-то степени, можно было считать заслуженным.

— Все, чего я хочу, мистер Финч, так это поймать подонка! — с жаром заявил Питер. Он повысил голос, будто от этого его намерение становилось тверже и убедительнее. — Я даже готов поставить себя под удар, если этого от меня по-

требует ситуация! Я даже готов сыграть роль наживки, если вы меня об этом попросите!

Эдвард в удивлении приподнял бровь.

— С чего вы взяли, что я стану помогать вам в этой «охоте на ведьм»?

— Но разве вы не…

Мистер Чейз осекся. Он все еще надеялся на то, что Эдвард не сможет удержаться от такого непростого и опасного дела. Но, видимо, его рвение и азарт не передались известному сыщику, как он на то надеялся.

Финч, видя, как растерялся журналист, решил закончить их беседу, пока все не зашло слишком далеко. Он не имел намерения впутываться в авантюрную затею Питера Чейза ни при каких обстоятельствах.

Эд поднялся из кресла и поправил свой пиджак.

— Поймите меня правильно, мистер Чейз — я вас не осуждаю. Вы имеете полное право гнаться за успехом, идя по головам. Быть может, вам кажется, что вы руководствуетесь благородными мотивами, но давайте будем честны друг с другом. Таким людям, как вы, несвойственно бескорыстие. Вы не альтруист. Скорее, прожженный эгоист. И я бы закрыл на это глаза, ведь сам я не ангел божий, но я не готов пускаться в погоню за призраком Итана Уорда, тем более что мне самому он кажется скорее отчаявшимся и больным человеком, нежели гениальным злодеем. Уверен, он попадется на самом обычном хулиганстве или воровстве.

Услышав такую отповедь, Питер насупился.

— Вы лукавите, мистер Финч, — в его голосе послышалось раздражение. — На самом деле вы согласны со мной. Пусть и не во всем, но во многом. Вы знаете, что в таких делах «попутных» жертв не избежать!

— Нет! — грубо отрезал Эдвард. Его лицо залила краска, и он едва сдержался, чтобы не перейти на крик. — Я отказываюсь участвовать в вашей затее, Чейз! Зарубите это себе на носу и постарайтесь больше не попадаться мне на глаза!

Он резко повернулся спиной к Питеру и зашагал к двери, ведущей в холл гостиницы.

— И мой вам совет, мистер Чейз, — добавил он напоследок, — не стоит стремиться навстречу неприятностям. Поверьте мне, они сами вас найдут.

Глава 5. Встреча

Утро выдалось туманным. Первые лучи солнца успели лишь едва коснуться верхушек деревьев, прежде чем рассветное марево заволокло горизонт. Эдвард проснулся очень рано и теперь сидел у окна своего крошечного номера, молча глядя на старое вишневое дерево, почти отжившее свой век: лишь кое-где на верхних ветках с приходом весны распустились зеленые листочки и бледно-розовые цветы. Сейчас это дерево напомнило Эдварду его самого: иссохшее, склонившееся к земле, но все еще из последних сил тянущееся к спасительному свету. Долгожданное тепло весеннего солнца едва вдохнуло жизнь в эту вековую вишню, но она все еще дожидалась живительных сил, способных преобразить ее в нечто совершенно новое.

Все еще сонный, Эдвард наблюдал за тем, как небо очищается от облаков, уступающих дорогу золотистому рассвету. В голове у него немного гудело, и ему казалось, что воздух в номере как будто загустел. Эд настежь открыл окно и впустил внутрь утреннюю прохладу. От дуновения свежего ветра у него на секунду закружилась голова. Он лег на кровать и уставился в потолок, мысленно рисуя себе картину знакомства с жильцами Магнолия Гарденз.

Прошедшая ночь выдалась неспокойной, и Эдварду не удалось как следует выспаться: где-то в переулке грустно за-

вывал бродячий пес, взывая к своим собратьям или, быть может, жалуясь на свою нелегкую судьбу, а в соседнем номере кто-то явно перебрал лишнего и почти до половины второго декламировал стихи Байрона. Последнее даже немного позабавило детектива и отвлекло его от мрачных размышлений, так как он сам, погруженный в свои переживания, с трудом уговорил себя не напиваться перед сном, что теперь вошло у него самого в плохую привычку. Два месяца в обнимку с бутылкой дешевого виски не прошли для Эдварда даром. Спокойный сон, лишенный жутких кошмаров — вот все, о чем он мечтал в последние месяцы.

Слушая, как нетрезвый джентльмен почтенных лет, судя по тембру его голоса, зачитывал: «Я видел сон… Не все в нем было сном…», Эдвард перебирал в уме любопытные детали дела, о котором поведал ему Питер Чейз. История о пропавшем адвокате, сумасшедшем преступнике и угнанном черном Форде полностью завладела его воображением.

«Из этой истории вышел бы неплохой рассказ для газетенки Роберта», — усмехнулся про себя Эдвард. Но его веселье тут же сменилось мрачным подозрением. Несмотря на некоторый скепсис, он все же понимал, что в этих событиях могла существовать определенная связь. Его беспокоил и тот факт, что неумеха-журналист собирался вступить в «неравный бой» с Итаном Уордом.

Эдвард задавался теми же вопросами, что и Питер: «Был ли Джон Хаксли знаком с Уордом, или он стал его случайной

жертвой? Откуда он мог знать такого человека, как Итан? Жестокого преступника, чей „послужной“ список включал в себя изощренные избиения, граничащие с изуверством. Мог ли Джон быть его адвокатом? Кроме того, Питер упомянул, что у Уорда была младшая сестра… Где она сейчас, что с ней сталось? Жива ли она и находится ли теперь в опасности, когда ее брат оказался на свободе? Быть может, она сама погибла от его руки?»

Финч тут же вспомнил девушку в холле гостиницы, которую он видел вчера днем. «Девушка в черном, девушка в трауре… По кому она горюет? Связано ли ее появление в этой деревушке с тем, что здесь был замечен Итан? Кажется, она садилась в черный Форд…», — неожиданно вспомнилось Эдварду, отчего он тут же ощутил прежний азарт, который ощущал каждый раз, когда дело принимало серьезный оборот. «Но почему Туайфорд? — спрашивал он себя. — Есть ли нечто особенное в этой деревеньке? Быть может, у Итана Уорда есть незаконченное дело здесь, в этом уголке спокойствия и гармонии, в котором жизнь течет своим чередом, а о насилии и жестокости местные узнают только из сводок газет».

Тревожные размышления не давали Эдварду уснуть. Лишь к утру он ненадолго задремал, но уже с первыми петухами его мысли вновь вернулись к Питеру Чейзу и Итану Уорду. Эд, конечно, понимал, что, помоги он отчаянному журналисту в его поисках, вероятно, вместе они смогли

бы докопаться до правды. Но сейчас Эдвард не был готов пускаться в очередную авантюру. Образы, которые рисовало его воображение, когда он думал об Итане Уорде и его возможных жертвах, заставляли его кровь вскипать. Кулаки его сжимались так крепко, что на ладонях оставались следы от ногтей. Эдвард ощущал, как все его существо восстает против деяний этого жестоко человека, будь они реальными или вымышленными.

Произошедшая с ним трагедия заставила Эдварда по-новому взглянуть на то, чем он занимался все эти годы. Прежде довольно сдержанный, рассудительный и склонный к мирному разрешению любых конфликтов, теперь он чувствовал в себе перемену, которой очень страшился. В таком взвинченном состоянии, как сейчас, Эд не мог позволить себе взяться за подобное расследование. Пойди он на это, он бы непременно подверг опасности не только себя, но и любого другого человека, кто оказался бы в этот момент рядом с ним.

Питер Чейз как раз и был тем самым слабым звеном в этой цепи. С Эдвардом или без него, его ожидала участь случайной жертвы или роль наживки, которую Итан Уорд наверняка раскусил бы в два счета. Единственным, на что надеялся Финч, было непостоянство Питера: он, как и многие представители его профессии, гнался за самыми скандальными происшествиями. Но пока в деревеньке Туайфорд царило «tranquillité», как выражался сам Питер, могло статься, что отсутствие забористого сюжета, в конце концов, отвадит

дотошного журналистишку от этих мест.

Эдвард привел себя в порядок, неторопливо оделся и спустился на первый этаж, где его поприветствовал рыжеволосый юноша, заменявший Эрнеста на его посту в ночную смену. Выпив в гостиной чашку чая с горячим тостом, Эд решил прогуляться и разведать обстановку. Он уже хорошенько осмотрел этот городок при свете дня и не нашел в нем для себя ничего интересного. Поэтому теперь он намеревался обойти окрестности Туайфорда, которые облюбовали английские аристократы еще в далекие времена правления норманнских королей.

Эти благодатные края всегда привлекали самых богатых и успешных людей: Хэмпшир издавна славился великолепными парками, живописными тропами, охотничьими угодьями, а также самым мягким и приятным климатом на всей территории Британских Островов. Зеленые низины и высокие холмы, покрытые сочной травой, в течение всего года создавали хорошие условия для разведения отборного скота, а меловые почвы на южных границах равнины Солсбери идеально подходили для выращивания классических шампанских сортов винограда, таких как «шардоне» и «пино—нуар».

Графство Хэмпшир давно стало своеобразной «Меккой» для туристов. Многочисленные курорты южного побережья страны привлекали англичан, уставших от бесконечной сырости и холода своих родных городов. Здесь они могли по-

править здоровье, развлечься, поесть свежайших морепродуктов и насладиться краткими мгновениями настоящего лета.

Городок Туайфорд, в который по воле судьбы занесло Эдварда Финча, располагался в часе езды от морского побережья. Здесь жизнь текла более размеренно, чем, например, в том же Винчестере, одном из самых густонаселенных и экономически важных городов Хэмпшира. Наполненный историей город, построенный еще во времена римлян и ставший впоследствии столицей англосаксонского королевства Уэссекс, поражал своей архитектурой и самобытностью и привлекал особое внимание отдыхающих. Не было ничего удивительного в том, что вокруг него «разрослись» многочисленные поместья самых успешных предпринимателей Англии.

Сэр Тимоти Рассел был одним из таких счастливчиков. Все, что знал о нем Эдвард, сводилось к тому, что тот был довольно скрытным человеком, предпочитал уединение, но при этом все окружающие отзывались о нем тепло и с уважением: местные считали его добросовестным и порядочным хозяином, человеком высоких моральных правил. Он поселился в этих местах около пятнадцати лет назад, выкупив у обедневшего лорда его поместье — Магнолия Гарденз. Великолепное здание в георгианском стиле, построенное в начале девятнадцатого века, считалось одним из самых красивых владений в округе.

На территории поместья произрастали вечнозеленые магнолии, которые и дали название самому дому. Обширный парк, окружающий Магнолия Гарденз, славился необычайным разнообразием флоры: величественные грабы, высокие ясени, кусты камелии и магонии, дикие яблони и вишни, и великолепные китайские пионы, цветущие ярко-розовыми цветами в это время года.

Сэр Рассел предпочитал открытое пространство и свободу передвижения: его владения не были огорожены — любой желающий мог прогуляться в парке. Небольшие указатели помогали забредшим сюда туристам и сельским жителям ориентироваться на местности и заодно предостерегали их от нарушения невидимых границ: отсутствие изгороди вовсе не означало, что вы любезно приглашены погостить в доме хозяина. Таким образом его простота и щедрость сыскали сэру Расселу добрую славу.

Эдвард счел весьма невинной затеей прогулку к Магнолия Гарденз в отсутствие Роберта. Ему хотелось осмотреть знаменитый парк в полном одиночестве, ведь как только он окажется в обществе Милтона, в его жизни не будет ни минуты покоя, по крайней мере в течение следующих десяти дней.

Улочки Туайфорда в этот утренний час только начинали оживать: местные фермеры объезжали овощные лавочки, нахваливая свою продукцию, молочник — смугловатый парнишка в красной фланелевой куртке, верхом на велосипеде

развозил молоко, масло и сливки, а из булочной уже доносился аппетитный аромат свежеиспеченного хлеба. Эдвард купил ванильную булочку за пол шиллинга и неспешно отправился по главной улице к окраине городка, где свернул вправо на пешую тропу, тянущуюся вдоль реки Итчен до самого поместья сэра Рассела.

Свежесть весеннего утра приободрила его и помогла ему полностью проснуться. Запах влажной травы и полевых цветов окутал его, и он с упоением вдыхал их аромат, наблюдая за тем, как предрассветный туман, спустившийся на лес и долину, уступает место свету восходящего солнца. Занимался новый день — день, который Эдварду хотелось прожить без мыслей о горе и нескончаемых муках совести.

Этот прекрасный край дарил покой и умиротворение его измученной душе. Легкий ветерок шелестел в высокой траве, обильно покрывающей берег мелководной речки. Где-то неподалеку вдруг загоготали гуси, и не прошло и минуты, как из зарослей камыша ввысь взвелась стайка белоснежных птиц: они широко расправили крылья и, громко перекрикивая один другого, будто споря или совещаясь о чем-то, унеслись в сторону леса.

Этот естественный шум привлек внимание Эдварда, и он остановился посреди тропы, чтобы полюбоваться открывшимся перед ним пейзажем. Затем он вновь продолжил свой путь, стараясь не думать о прошлом вечере. Он старательно гнал от себя любые мрачные мысли, которые роились в даль-

них уголках его сознания.

Уже на подходе к парку, который располагался вверх по холму, Эд заметил, что здесь воздух стал гораздо теплее. Он снял с себя надоевшие пальто и шарф и двинулся по присыпанной гравием дорожке, ведущей в глубь парка. Вдруг откуда-то издалека, из-за стены высокого кустарника, послышался неясный шум. Прошли считанные секунды, и Эдвард уже мог различить топот копыт и звонкий женский голос. Он тут же попятился назад, чтобы сойти с тропы немного в сторону, на случай если всадница не притормозит на опушке и налетит на него по неосторожности.

Увы, Эдвард оказался не слишком расторопен. Из-за кустов на него выскочила вороная кобыла, высокая и сильная, с длинной густой гривой, переливающейся на солнце, словно отрез черного китайского шелка. Всадница не успела осадить норовистое животное, и лошадь, вся взмыленная и горячая, сбила Эдварда с ног. Он приземлился на «мягкое место» и озадаченным взглядом проводил удаляющуюся женскую фигуру верхом на прекрасной черной лошади. Отряхнувшись от пыли и отдышавшись от столь неожиданной встречи, Эдвард потер ушибленное место, но вновь услышал топот копыт. Он не стал мешкать и дожидаться, пока его опять «уложат на лопатки». Эд ускорил шаг и продолжил свой путь по парку.

Через минуту-другую конский топот раздался уже за его спиной. Обернувшись, Эдвард встретился взглядом с той же

великолепной кобылой, что чуть его не растоптала мгновения назад. Теперь эта красавица (а лошадь эта была поистине прекрасным созданием) внимательно смотрела на него своими бездонными глазами и дышала ему в лицо горячо и часто.

— Назад, Герцогиня! — скомандовала всадница. Она потянула на себя поводья, и лошадь отступила от Эдварда на два шага.

Эд немного опешил от столь близкого знакомства с этим громадным животным. Он тоже отступил на пару шагов и с интересом всмотрелся в лицо наездницы. Женщина, заметив, что незнакомый ей молодой человек слегка растерялся, заговорила с ним первой:

— Вы должны меня простить. Герцогиня сегодня не в духе. — Всадница ласково потрепала лошадь по холке. — Я так давно на ней не каталась, что она, должно быть, совсем забыла свою хозяйку. С ней такое иногда случается. Думаю, она просто хотела привлечь мое внимание.

— Не знаю, обратили ли *вы* на нее внимание, но я-то уж точно… — Эдвард попытался разрядить обстановку шуткой, но это вышло у него крайне неуклюже.

Хозяйка вороной кобылы показалась ему довольно необычной особой. В ее голосе не было ни капли фальши или притворства, она была вежлива и любезна не потому, что того требовали приличия, а потому что это было присуще ее натуре. Такое Эд подмечал в людях сразу. Улыбка незнакомки была искренней, а в ее глазах светился добрый огонек.

Эта женщина, сказав Эдварду едва ли пару фраз, заставила его проникнуться к ней доверием и симпатией.

— Мою малышку трудно не заметить, не правда ли? Полагаю, вы прежде никогда не видели такой великолепной кобылы! А если и видели, то прошу вас, не говорите! — Она тепло улыбнулась Эдварду и вновь погладила свою любимицу, чтобы выразить ей свое восхищение.

— Я не слукавлю, если скажу, что она превосходна! Правда, я совсем не разбираюсь в лошадях и не стану даже гадать, к какой породе принадлежит Герцогиня.

— А вы, значит, не ездите верхом?

— Пару раз приходилось. Но я не слишком умелый наездник, увы…

— Как жаль! — печально вздохнула незнакомка. — А ведь мы могли бы вместе покататься по этому чудесному парку! Я сегодня без компании, и, откровенно говоря, немного скучаю…

Эдвард заметно смутился, услышав такое предложение. «Ведь это было предложение, или мне показалось?» — спрашивал он себя, стараясь поскорее сообразить, что же ответить своей собеседнице, но она вовремя избавила его от этой необходимости:

— Что ж, моя Герцогиня — представительница фризской породы, уроженка Нидерландов. Быть может, вы слышали… Ее соплеменников частенько называют «черным золотом».

Сказав это, всадница с удовольствием пропустила меж

пальцами блестящую волнистую гриву лошади. Цвета вороньего крыла, она переливалась на солнце. В нескольких местах грива была заплетена в косы, украшенные голубыми лентами.

— Она у меня модница! Каждый раз, когда я гощу в Магнолия Гарденз, я придумываю ей новую прическу. И ей это, кажется, очень даже нравится. Правда, Герцогиня?

Кобыла громко заржала, соглашаясь со своей хозяйкой.

— Значит, вы не живете в поместье? — полюбопытствовал Эдвард.

— Нет, увы, я лишь гостья на этой земле…, — с притворной грустью ответила незнакомка. — А вы…

— Простите, я не представился. Мое имя Эдвард Финч.

— Миссис Брэдфорд. Аделия Брэдфорд.

— Мне очень приятно, миссис Брэдфорд. Да, и прошу простить меня за такой прямолинейный вопрос.

— Пустяки! Вы просто до сих пор в шоке от моей шустрой лошадки.

Миссис Брэдфорд ловко спешилась с Герцогини, не дождавшись помощи Эдварда. Его протянутая рука так и осталась висеть в воздухе.

— Ну что ж, мистер Финч, могу ли я узнать, с какой целью вы прибыли в Туайфорд? Полагаю, вы не из этих мест?

— Вы правы, миссис Брэдфорд. Я прибыл сюда из Лондона вчера утром.

— И чем же вы занимаетесь в Лондоне, мистер Финч?

К такому повороту в их беседе Эдвард был не готов. Он еще не решил, раскроет ли он гостям сэра Рассела свою истинную профессию, или на сей раз будет лучше о ней умолчать, чтобы не смущать изнеженных господ присутствием в их доме частного детектива. Как правило, люди, узнав о его роде деятельности, либо пускались в построение самых различных теорий и заваливали его глупыми вопросами, либо косились на него с подозрением и старались избегать его общества, словно он мог уличить их в каком-то правонарушении. Но теперь, когда вопрос был задан в лоб, первым, что пришло детективу на ум, оказалась ложь, которая, впрочем, была не так уж далека от правды.

— Я… обозреватель криминальной хроники, — немного неуверенно ответил Эдвард.

— Вот уж не ожидала! Вы больше походите на доктора или юриста…

— Мне часто это говорят. Правда, я не совсем уверен, чем именно напоминаю людям врача.

— Я полагаю, все дело в вашем взгляде. Вы смотрите так… Так…, — Аделия задумалась, пытаясь подобрать правильные слова. — Так, словно выискиваете в человеке фальшь или, быть может, какую-то болезнь. Я прежде уже встречала человека с таким же пытливым взглядом. Он оказался психиатром.

— Как занимательно…

— На самом деле не так уж и занимательно, — пожала

плечами Аделия. — Этот человек был скучным и посредственным собеседником, и наше с ним знакомство, к счастью, продлилось не больше часа. Увидела и забыла!

Миссис Брэдфорд вновь улыбнулась Эдварду своей обезоруживающей улыбкой и, взяв лошадь под уздцы, повела ее по тропинке по направлению к Магнолия Гарденз.

— Мистер Финч, вы не проводите нас с Герцогиней до поместья?

— С большим удовольствием!

По правде говоря, Эд был искреннее рад провести с Аделией Брэдфорд еще несколько лишних минут. За всю свою жизнь он не встречал похожих на нее женщин. Во взгляде ее золотисто-карих глаз явственно читался немалый ум и достоинство; волосы цвета спелой пшеницы были уложены в красивую, хотя и немного старомодную прическу. Изящная шляпка с маленьким белым пером, изумрудно-зеленый пиджак и бриджи для верховой езды сидели на ней просто идеально. Аделия была высокой, стройной, даже спортивной леди, и ступала бок о бок с Эдвардом твердой и уверенной походкой.

В Аделии Брэдфорд чувствовался дух времени, дух свободы и женской эмансипации, который в 1928 году витал в воздухе каждого большого города Европы. Но в то же время Аделия представляла собой образец старой английской аристократии, еще сохранившей прежнее воспитание и самоуважение. Нынешняя «интеллигенция» давно променяла

их на дары технического прогресса и новой рыночной экономики, продиктованной людям огромными корпорациями, жадными банкирами и продажными политиками. Теми, кто в свое время успел «переобуться» и завести новые знакомства в кругах промышленников и торгашей.

Аделия заметила, что Эдвард заинтересованно рассматривает не только Герцогиню, но и ее саму.

— Мы с моей красавицей сегодня проснулись ни свет, ни заря! — заметила она как бы между прочим. — Всю прошедшую ночь мне не спалось, и к утру у меня закончилось терпение. Какой уж тут сон, когда в поместье наконец-то объявился жених!

Сказав это, Аделия наигранно закатила глаза, словно Эдвард был в курсе их семейных дел.

— Представьте себе, что нам вчера устроила милая Одри! Сначала она радовалась, как ребенок, а потом принялась плакать и обвинять Дарена в том, что он задумал бросить ее перед свадьбой! Ну, а позже, когда все страсти улеглись, она принялась направо и налево отдавать распоряжения слугам насчет завтрашнего ужина… — Миссис Бредфорд на мгновение умолкла, а затем неуверенным тоном добавила: — Мистер Финч, вы ведь прибыли в поместье по случаю свадьбы?

Казалось, Аделия только теперь поняла в какую неловкую ситуацию она угодила.

— Боже! Я тут, как дурочка, тараторю, а вы даже не пред-

ставляете, о ком я говорю! Как глупо с моей стороны! Вы ведь сказали, что пишите какие-то статьи…

— Все верно, — кивнул Эдвард. — Но я прибыл сюда не по работе, а по случаю свадьбы мисс Рассел и мистера Клиффорда. В этом вы не ошиблись. Хотя, нельзя сказать, что я был приглашен сюда лично…

— Вот как? — удивилась Аделия. — И как же вы оказались втянуты в эту «авантюру»?

Эдвард в двух словах обрисовал ей ситуацию, при этом старательно избегая подробностей очередной смелой задумки Роберта. Миссис Брэдфорд выслушала его с нескрываемым интересом. Она пришла в настоящий восторг от того, что в их привычную компанию войдут два незнакомых молодых человека.

— Боюсь, мы будем лишними, — посетовал Эдвард. — Роберт — неплохой парень, но он частенько лезет не в свое дело и втягивает меня в свои приключения. А я, к моему стыду, все время иду у него на поводу.

— С вашей стороны очень мило думать, что вы можете нам помешать, мистер Финч, — добродушно усмехнулась Аделия. — Поверьте мне, в Магнолия Гарденз вскоре соберется такая разношерстная компания, что вы с Робертом легко вольетесь в наш небольшой круг! Я давно мечтала о том, чтобы среди нас появились новые лица, люди способные привнести разнообразие в наши беседы.

— Что ж, миссис Брэдфорд, от ваших слов мне стало чу-

точку легче…

По правде говоря, Эдварда ее обещание не слишком обнадежило. Больше всего на свете он не любил ощущать себя чужаком, тем, кто тщетно пытается вписаться в общество, где ему вовсе не рады. Но теперь отступать было поздно, тем более что знакомство с Аделией Брэдфорд оказалось весьма и весьма приятным.

Герцогиня тем временем замедлила шаг и потянулась пушистыми губами к сочной траве возле куста магонии. Аделия отпустила поводья и позволила лошади насладиться свежей зеленью.

— Не волнуйтесь, мистер Финч. Мы не кусаемся, — шутливо заметила она. — Вы вместе с вашим другом можете смело наведаться в поместье сегодня к чаю. Мы все будем очень рады вашему визиту!

— Благодарю вас за приглашение, миссис Брэдфорд. Мы обязательно прибудем к чаю. А теперь я вынужден вас покинуть. Поезд Роберта прибывает через сорок минут. Я обещал встретить его на станции.

Аделия одарила Эдварда обворожительной улыбкой и пожала ему руку так крепко, как это обычно делают его мужчины-приятели. Попрощавшись с ней, Эд отправился через парк по тропинке, ведущей вниз с холма, то и дело оглядываясь назад. Его не покидало ощущение какого-то необыкновенного тепла, которое излучала эта женщина, тепла, которое окружило его невидимой аурой спокойствия. Мысли

Эдварда теперь занимали лишь приятные вопросы и задачи: о чем они с Аделией будут говорить, как он расспросит ее о мистере Брэдфорде, если такой в ее жизни имеется, и как ему, быть может, удастся отправиться с Аделией на верховую прогулку по чудесному парку поместья Магнолия Гарденз.

Сам того не заметив, Эдвард довольно быстро добрался до станции Шофорд. Поезд из Лондона немного опаздывал, и у него оставалось время, чтобы придумать обвинительную речь для Роберта — он вовсе не собирался так просто спустить другу его очередную выходку.

Спустя пять минут пыхтящий локомотив стоял на перроне провинциальной станции графства Хэмпшир. Первой головой, которая показалась в дверях вагона купе второго класса, была голова Милтона. Чрезвычайно довольный собой, он выскочил из поезда с небольшим кожаным саквояжем в руке и быстрым шагом направился навстречу Эдварду.

— Эдди! — радостно воскликнул Роб, хлопая друга по плечу. — Я знал, что ты не подведешь! Ты верно решил остаться…

Милтон продолжил нахваливать Эдварда, и потому не сразу заметил, что тот вовсе его не слушает. Финч упорно смотрел мимо Роберта — его обеспокоенный взгляд сосредоточился на ком-то конкретном. Роб, немного ошарашенный таким холодным приветствием, а скорее полным его отсутствием, еще раз громко поздоровался с лучшим другом, чтобы обозначить свое прибытие, но и этим не смог при-

влечь его внимание. Тогда он обернулся, чтобы узнать, что или кто так заинтересовал его товарища, что тот просто застыл на месте, как заколдованный. Единственным человеком, который в этот самый момент покидал станцию, был высокий худощавый парень в черной кепке, спускавшийся с перрона примерно в шестидесяти футах от них.

Глава 6. Предчувствие

Утомленная волнениями вчерашней вечера, Одри после легкого завтрака поспешила укрыться от посторонних глаз в саду. Теперь она сидела под старым дубом на теплом шерстяном пледе, который когда-то для нее связала ее добрая нянечка Ава. Той милой веселой женщины, которая каждое утро заставляла ее одеваться в неудобные платья и заплетать ненавистные ей косички, теперь уже нет в Магнолия Гарденз.

Прошло больше пяти лет с тех пор, как Ава покинула эти места. Случилось это сразу после смерти леди Рассел, за которой сердобольная нянечка ухаживала до ее последнего вздоха. Сама Одри тогда была уже достаточно взрослой и не нуждалась в постоянном присмотре, а у Авы подрастали внуки, и она давно собиралась переехать в Корнуолл к своей дочери. Прощание было горьким. Одри и Ава рыдали долгих два дня, но все же им пришлось разлучиться. Отъезд нянечки был второй большой потерей в ее жизни. Теперь же ей предстояла новая разлука — разлука с отцом и родным домом.

Опершись о замшелый ствол дерева, Одри любовалась открывшимся перед ней видом: впереди простирались бесконечные зеленые поля и густые леса, неторопливо текли прохладные реки и ручейки; к югу от Туайфорда были высажены виноградники ее отца. Парк поместья Магнолия Гар-

денз вблизи дома переходил в гладко-выстриженные лужайки, по которым Одри не раз каталась верхом вместе с тетушкой Аделией.

Ее взгляд устремился вдаль, туда, где горизонт, залитый золотистым светом весеннего солнца, постепенно становился невидимым, сливаясь с искрящейся синевой небес. Там, вдалеке, знала Одри, бушует Атлантика. Туда лежит их с Дареном путь после прекрасного торжества. Им предстоит медовый месяц на побережье Франции — чего еще можно желать влюбленной паре? Они снимут маленький уютный коттедж с небольшим садиком подальше от городской суеты. Каждый день они будут гулять по пляжу, посещать местные кафе и рестораны, а по вечерам будут наблюдать за тем, как пылающее солнце садится в море, озаряя огненным светом бескрайнее небо. Иными словами, Одри еще совсем недавно была уверена, что никто и ничто в этом мире не помешает им с Дареном насладиться беззаботными майскими днями наедине друг с другом.

По крайне мере, так она представляла себе начало их семейной жизни все предыдущие месяцы. Но теперь ее уверенность в безоблачном будущем начала таять подобно первому осеннему снегу, выпавшему на землю раньше назначенного срока. Долгожданное прибытие ее жениха омрачило пренеприятнейшее происшествие — не прошло и часа, как Дарен вошел в дом, а ему уже позвонили из Лондона, чтобы сообщить о каком-то крайне важном деле. Он уделил этому раз-

говору почти десять минут — драгоценных десять минут, которые он мог провести с Одри! А ведь они не виделись почти пять месяцев! Она была готова простить своему непутевому жениху это маленькое прегрешение, не случись после этого еще один престранный разговор. «Какое-то нелепое недоразумение! — отчитался перед ней Дарен, проговорив по телефону чуть меньше минуты. — Я совсем не тот, кто им нужен!» Кто такие эти «они», он уточнить не пожелал. Но Одри была не из тех, кого можно вот так просто оставить в неведении. Разумеется, она поспешила допросить их дворецкого, от которого узнала, что под словом «они» Дарен подразумевал некую женщину. На все дальнейшие расспросы невесты он ограничился стандартным набором типичных «джентльменских оправданий»: Одри все выдумала, он не знаком с этой дамой, кем бы она не была, и вообще он не заинтересован в продолжении пустых споров.

Вот тогда-то и произошел первый «перелом». В ее голове созрело вполне оправданное подозрение. Ранее, снедаемая ревностью к мнимым романам Дарена, слухи о которых время от времени долетали до ее ушей, Одри все же старалась внимать голосу рассудка и, как это говорится, не мутить попусту воду. Она очень боялась спугнуть возлюбленного излишней навязчивостью и паранойей, которой частенько страдают молодые влюбленные барышни. Но на сей раз Дарен сам дал ей повод для недоверия. А в любви, как известно, нет места сомнению. И теперь глупую юношескую

горячность, которая заставляет нежные, еще не израненные сердца болеть от малейшего намека на адюльтер, сменила коварная женская ревность. Та самая ревность, которая гложет разум и душу, населяя воображение мрачными картинами измен и многочисленных предательств. Та ревность, которая проникает так глубоко, что ее корни гнездятся и укрепляются где-то в глубине подсознания, постепенно превращая влюбленного человека в озлобленного нервного преследователя.

Вчера эту перемену в себе почувствовала сама Одри. Весь вечер она то источала нежность и ласку, то смотрела на Дарена так, будто он уже собрал чемодан и завтра с утра отчалит в объятия какой-то незнакомой красотки, оставив ее саму с разбитым сердцем и разорванными в клочья надеждами. Дарен, в свою очередь, старался вести себя непринужденно, весело общаясь с родственниками своей невесты, не обделяя вниманием и ее саму. Что, опять же, лишь усилило ее подозрения, и она, встревоженная и недовольная, пол ночи провела на ногах, гоняя по дому слуг, которые уже изрядно подустали от своей взбалмошной хозяйки. Даже кухарка Барб, обычно довольно терпимая к переменам настроения Одри, ворчала и сетовала на ее поведение, недостойное молодой леди.

«Негоже вам тут бегать да указывать мне пальчиком! — негодовала Барб. — Я и сама разберусь, какой гарнир подавать к рыбе! Вы-то на кухню носа не казали поди уже как

года три! А раньше, бывало, придете к старой Барб, сядете у окошка, да вон яблочек мне начистите. Любили вы старую Барб, слушали ее истории, смеялись ее шуткам, а теперь что? Пыхтите, как паровоз, носитесь туда-сюда, а толку? Лучше вы, дорогая моя, отправляйтесь к себе в комнату да отдохните, как следует. Завтра к вам гости приедут, начнете к свадьбе готовиться, как положено. Ступайте с Богом!»

Уставшая и расстроенная, Одри провела всю ночь в мучительных раздумьях. И, как назло, за завтраком все окружающие будто не замечали нависшей над ней угрозы. Ни отец, ни тетушка Аделия, кажется, не понимали, какую опасность представляет та неизвестная особа, что разделила своим нежданным звонком ее жизнь на до и после. Любая другая на ее месте, возможно, не обратила бы внимания на это досадное недоразумение, но Одри почувствовала своим женским чутьем, что этот звонок положит начало событиям, которые непременно повлияют на их с Дареном будущее.

«Быть может, я преувеличиваю? — успокаивала она себя. — Наверняка ему звонила какая-нибудь поклонница или старая подруга… Ах, все это вздор! Просто вздор!» Устав от навязчивых мыслей, она попыталась отвлечься. Ничего так не расслабляет и не утешает измученную сомнениями душу, как незыблемость и красота дикой природы.

Одри обратила свой взгляд на верхушку старинного дуба, служащую ей своеобразным укрытием: толстые ветви этого величественного дерева, сплелись между собой в тесном, по-

чти «удушающем» объятии. Изумрудная зелень его листьев, обычно дающая ей прохладу и какой-то странный, волшебный покой, теперь отчего-то вызвала в ее душе тревогу. В ее голове вновь проскользнула мысль о недавнем падении. Как только картинка того жуткого мгновения всплыла в ее сознании, девушка поежилась, и по ее спине побежали противные мурашки.

Надо сказать, это печальное во всех смыслах событие заставило родных Одри изрядно поволноваться. Доктор, который ее осматривал, утверждал, что ей очень повезло — она упала ровно на спину, приземлившись на покрытый влажной травой грунт, что сильно смягчило удар. В паре сантиметров от ее головы лежал острый камень — Бог знает, что сталось бы с ней, ударься она о него головой. Жильцам Магнолия Гарденз оставалось только гадать, как прочные на первый взгляд веревки, на которых были подвешены качели, могли вот так ни с того, ни с сего оборваться. Садовник Расселов проверял их около трех месяцев назад, как раз после большого шторма, повалившего немало деревьев в округе. Он уверял своего нанимателя, что веревки были крепки, и, кончено же, кроме мисс Рассел на этих качелях никто не качался.

Как бы то ни было, им всем хотелось поскорее забыть об этом досадном происшествии и вновь сосредоточиться на предстоящем торжестве. Шишка на затылке Одри сошла через неделю, хотя голова у нее по-прежнему побаливала, о

чем она сама не забывала напоминать своему непослушному псу, когда тот принимался тявкать во все горло при виде белки или большого жирного голубя под окном. «Уймись, Купер! Голова у меня просто раскалывается!» — ворчала девушка, подражая голосу Авы, которая ужасно не любила, когда нерадивый пес путался у нее под ногами. Лишь изредка она мысленно возвращалась к тому поистине странному утру и про себя гадала, как повел бы себя Дарен, если бы она не смогла ходить или говорить, осталась бы инвалидом после падения. Сдержал бы он тогда свое слово? Взял бы ее в жены, зная, что она теперь никогда не будет прежней? Погибни она от удара о камень, горевал бы он по ней пару лет или нашел бы ей замену в тот же год?

Удрученная своими переживаниями, Одри поднялась на ноги и, поправив свое фиалковое платье, накинула на плечи пушистую белую шаль. Собрав с травы свой любимый плед, она начала неторопливо спускаться вниз с холма. Вдалеке показалась фигура Эйми. Девочка шести лет, одетая, словно кукла, в ярко-розовое платьице с большим белым бантом за спиной, гонялась по лужайке за Купером и громко кричала на него, требуя, чтобы он вернул ее любимого плюшевого мишку. Большой черный пес, довольный тем, что с ним играют, прыгал вокруг ребенка, словно заведенный, дразня ее и при том повизгивая от удовольствия.

Эта забавная сценка вызвала у Одри улыбку. Эйми упрямо тянула своего мишку из пасти Купера, рискуя при этом

порвать игрушку. Зная, как сильно девочка любит этого потрепанного рыжего медвежонка, подаренного ей ее покойным отцом, девушка решила приструнить пса, пока тот не изорвал игрушку на мелкие кусочки.

— Купер, брось! — строго скомандовала она. — Ну, что тебе говорят? Ко мне!

Пес, заслышав хозяйку, тут же рванул к ней, по пути выплюнув истерзанного медведя. Бедняга повалился на землю, и из его спины посыпалась белая вата.

— Мой мишка! — жалобно завопила девочка. — Купер убил его! Убил моего мишку!

— Не говори глупости, Эйми! — ласково пожурила ее Одри. — Твой мишка будет в полном порядке, как только Летти его подлатает. Да, кстати, где опять пропадает твоя непутевая нянька?

— Летти отправилась на кухню принести мне лимонад, — с важным видом объяснила девочка.

Все еще немного расстроенная, она крепко сжимала в руках своего плюшевого медведя с таким трагическим видом, будто ему нанесли смертельную рану, и теперь ей не останется ничего другого, кроме как проводить его в последний путь.

— Ах, вот ты где! — недовольно воскликнула Одри, как только молоденькая служанка вышла в сад с подносом в руках, на котором стояли пара бокалов и высокий графин с холодным лимонадом. — Ты, кажется, совсем забыла о своих

обязанностях, Летти?

— Простите меня, мисс! Эйми захотелось пить, и я отлучилась всего на минутку…

— И вот что из этого вышло. — Одри указала на порванного медвежонка в руках девочки. — Конечно же, малыш Купер сделал это не со зла — ведь он всего лишь глупый пес! Тем не менее, твоя прямая обязанность — следить за Эйми. А если бы она серьезно ушиблась, пока гонялась за ним по всему саду?

— О, мисс! Я не хотела…

Летти, смущенная и сконфуженная, не знала, что ответить. Ее лицо тут же залила краска, и она сжалась всем телом, будто приготовилась к настоящему удару.

— Ну, что ж, тогда поскорее займись медвежонком. Ему требуется неотложная помощь.

По правде говоря, Одри искренне сочувствовала нянечке Эйми, так как прекрасно знала, как с ней обращается невестка Тимоти, сварливая и самодовольная женщина — Реджина Рассел. Прожив полжизни за границей, она приехала в Англию и тут же выскочила замуж за младшего брата сэра Рассела. Всего лишь через два года их брака он трагически скончался, но миссис Рассел все же успела произвести на свет бедняжку Эйми, которая впоследствии стала для нее обузой. Несчастный ребенок на протяжении трех последних лет проводил каждую весну и лето в Магнолия Гарденз. Одри, как и ее отец, любила девочку, пусть иногда и бывала с ней чересс

чур строга. А Летти, слабая бесхарактерная особа, измученная вечными упреками хозяйки, даже здесь не могла расслабиться и забыть о нелегкой жизни в Лондоне.

Одри приказала дворецкому накормить Купера, а сама отправилась к себе в комнату, чтобы написать несколько благодарственных писем тем, кто, к несчастью, не сможет прибыть на торжество. Все они, тем не менее, очень любезно, а главное — заранее, поздравили ее и Дарена различными приятными мелочами: дорогостоящими сервизами посуды, французской парфюмерией, великолепными предметами искусства и другими «пустяками», которые принято преподносить молодоженам. Но не успела она написать и пару строк, как в дверь ее комнаты постучались. Или, лучше сказать, настойчиво затарабанили. Не было нужды гадать, кто сейчас стоит в коридоре.

— Тетушка, когда-нибудь ты ее выломаешь! — шутливо заметила Одри, впустив в комнату Аделию. — Отец будет в ярости! Эта дверь стоили ему целое состояние!

— Я ведь столько раз тебе говорила, Одри! Не называй меня тетушкой! Я ненамного старше тебя!

Девушка причмокнула языком и тихонечко захихикала. Аделия махнула на нее рукой.

— Я гожусь тебе в сестры! Мне всего-то тридцать… с хвостиком!

— Не волнуйся, тетушка! Здесь нас никто не услышит. Дебби гуляет в саду, Дарен, конечно же, снова на телефоне,

а отец, как обычно, корпит над бумагами в компании Лиззи. Боюсь, он просидит за рабочим столом всю нашу свадьбу!

— Ах, Одри! Не преувеличивай! Тимоти уже закончил свои дела и скоро присоединится к нам за чаем. А ты тут расселась и что-то пишешь! Разве ты не должна встречать своих гостей?

— Если мне не изменяет память, наша «гадюка» приедет только вечером…

— Не зови ее так, моя дорогая! — предупредила племянницу Аделия. — Если эта старая калоша когда-нибудь тебя услышит…

— Она слепая и глухая, как та дряхлая кляча, что доживает свой век в нашей конюшне, — съязвила в ответ Одри.

— Может быть, она уже не молода, но вполне способна подпортить тебе праздник, если ты ее разозлишь. К тому же, не все ваши слуги довольны твоим поведением в последнее время. Ты, мягко говоря, их вымотала. Если ты будешь разбрасываться оскорблениями в адрес леди Гарднер, кто-нибудь может подложить тебе свинью. Ты ведь не хочешь скандала перед свадьбой?

Услышав такую отповедь, Одри нахмурилась. Тем не менее, определенная доля правды в словах ее тетушки имелась.

— Признаю, что я немного перегнула палку. Но ты просто не понимаешь! Дарен…

— Дарен сейчас уже должен встречать гостей, а ты все еще здесь рассиживаешься! — перебила ее Аделия. — Иди же к

своему жениху! Твое место рядом с ним!

— О каких гостях идет речь? Его шафер прибудет только завтра…

Одри тут же поморщилась, вспомнив о неприятном дружке Дарена — Бастере Хилле. Одно лишь его лицо вызывало у нее физическое отвращение.

— Разве ты забыла? Дарен ожидает своего кузена.

Тут на Одри словно снизошло озарение: после падения с качелей память стала ее подводить. «Кажется, Дарен говорил мне о каком-то дальнем родственнике его матери. Ричард или Роберт… И еще что-то о долгах и репутации, и важных связях…»

— Кстати, сегодня в парке я случайно познакомилась с лучшим другом этого самого кузена. Его зовут Эдвард Финч. Надо признать, он оказался очень интересным молодым человеком… Я взяла на себя смелость позвать их обоих к нам на чашечку чая. Раз уж они приглашены на вашу свадьбу, то почему бы нам не познакомиться с ними заранее?

Одри очень удивил энтузиазм Аделии — прежде она не слышала от своей тетушки комплиментов в сторону современных молодых джентльменов, обычно казавшимся той скучными, напрочь лишенными фантазии субъектами.

— Думаю, нам не повредит «свежая кровь», — продолжила свою мысль Аделия. — По правде говоря, мне жутко надоели разговоры о вине и лондонских вечеринках. Что уж тут лукавить, мы все друг другу немного наскучили, ты не

находишь?

— Сдается мне, ты пригласила их не только для того, чтобы разбавить нашу пресную компанию…

Щеки Аделии зарделись, что было для нее совсем несвойственно. Она попыталась сделать вид, что не поняла намека племянницы.

— Так или иначе, твой отец в курсе моей затеи. А еще минут десять назад я видела Дарена и предупредила его об их прибытии. Кажется, он даже немного взволнован…

Аделия крепко обняла племянницу, и та поняла, что взволнован прибытием нежданных гостей явно не один Дарен.

— В любом случае, мы чудесно проведем время в отсутствии старой гадюки, как ты только что сама выразилась. Наша Дебби, как обычно, потеряла счет времени. Нужно поскорее ее отыскать. Идем же!

Одри попросила свою тетушку дать ей пару минут, чтобы переодеться. Облачившись в удобное платье из зеленой шерсти, расшитое красивым цветочным узором, она не без удовольствия взглянула на себя в зеркало. Волосы, бережно уложенные ее горничной еще этим утром, теперь немного растрепались, но все еще выглядели более или менее достойно. Помада темно-вишневого цвета выгодно оттеняла белизну кожи Одри, благодаря чему ее золотисто-карие глаза казались более яркими и выразительными. Девушка повесила

себе на шею изящный кулон из хризоберилла[5], подаренный ей отцом на последнее Рождество. Этот редкий камень в свое время он привез из Шри-Ланки, а затем заказал изготовить из него памятный подарок для дочери.

Преисполненная надежды на приятный вечер в компании новых знакомых, один из которых явно приглянулся Аделии, Одри отправилась в сад. Проходя мимо библиотеки, она заметила, что дверь в нее приоткрыта, а внутри определенно кто-то спорит, причем на повышенных тонах. Сгорая от любопытства, она тихонько приоткрыла дверь и тут же заметила черный подол платья — такие в их доме носили только служанки. А еще секретарша ее отца — Лиззи Пейдж, препротивная девица, внушающая всем скуку одним своим видом. Одетая во все черное, будто носит по кому-то траур или просто не умеет хорошо одеваться, вечно хмурая и скупая на теплые слова, Лиззи была полной противоположностью Одри, отчего они не поладили с самого первого дня знакомства. Но все точки над i были расставлены довольно быстро — несмотря на все свои недостатки, Лиззи была отличной секретаршей. И, чтобы не расстраивать отца, который уже отчаялся найти себе толкового помощника, Одри решила держаться в стороне и не выказывать мисс Пейдж своего истинного отношения.

И все бы так и продолжалось, вот только Дарен Клиффорд, самый завидный холостяк Лондона, решился наконец

[5] Хризоберилл — редкий и очень твердый драгоценный минерал.

сделать мисс Рассел предложение. С тех самых пор она все чаще ловила на себе неприязненные взгляды Лиззи. Она объясняла себе это тем, что секретарша ее отца попросту ей завидует. Такой видный молодой человек, как Дарен Клиффорд, никогда и на за что не опустился бы до простой секретарши, тем более, до такой невзрачной и банальной, как Лиззи Пейдж.

Но эта уверенность пошатнулась, как только Одри услышала голос Дарена, доносящийся из библиотеки:

— Если ты не отдашь мне его сейчас же, то очень об этом пожалеешь! Я клянусь тебе!

— А вам не кажется, что она заслужила знать правду? — с выражением полного превосходства отвечала Лиззи.

— Это не твое дело! Если ты не отдашь его мне, я…

— Что? Что вы сделаете? Убьете меня? — Лиззи издевательски рассмеялась. — Если со мной что-то случится, эти…

Девушка замолчала, потому что Одри в этот момент слишком сильно налегла на дверь, и та скрипнула так звучно, что она сама вздрогнула от неожиданности. Она тут же отступила на шаг от дверного проема и, быстро сообразив, *что* за этим последует, бегом бросилась к выходу в сад.

Выскочив наружу, Одри обвела взглядом открытую площадку перед домом, где вот-вот должны были собраться гости. Стол на восемь персон был уже накрыт: китайские фарфоровые чайники светились на солнце потрясающей белизной, а подносы со всевозможными вкусностями — сладкой

выпечкой, пудингами и фруктами — источали прекрасные ароматы. Тяжело дыша, она вертела головой в разные стороны в поисках подмоги, чей-то твердой руки, что могла бы удержать ее от неизбежного падения. В ее висках стучала кровь, а в том месте, куда пришелся недавний удар о землю, заныло с новой силой. «Где же ты, Аделия? — шептала Одри. — Куда ты запропастилась? Где Дебби? Альфред? Ну же, кто-нибудь!»

— Вам плохо, мисс? — за ее спиной послышался незнакомый мужской голос.

Она обернулась и увидела перед собой высокого мужчину, который, должно быть, все это время наблюдал за ней со стороны. Он подошел к ней довольно близко и посмотрел на нее с нескрываемым беспокойством. Протянув ей руку, незнакомец проговорил заботливым тоном:

— Думаю, будет лучше, если вы присядете, мисс. Кажется, вы вот-вот потеряете сознание…

Глава 7. Вопросы

— Вот так история! — поразился Роберт.

Он все еще не мог поверить в то, что его добрый друг Эдвард Финч уже успел впутаться в интересное дельце, и все в его отсутствие.

— Тебя нельзя оставить одного ни на минуту! — весело пошутил он. — Ты тут же находишь себе очередную головоломку!

— Ну, уж нет! На этот раз я останусь в стороне, — сердито отозвался Эдвард. — С меня хватит бестолковых журналистов!

— Это ты обо мне? — обиженно спросил Роберт.

Его проступок, разумеется, не мог остаться без последствий, и он прекрасно это понимал. С его стороны было крайне невежливо отправить друга одного в эту идиллическую деревеньку, особенно в нынешнем его настроении. Позвав его на свадьбу кузена, Роберт тем самым взял на себя ответственность за душевное состояние Эдварда, нынче пребывающего в крайне расстроенных чувствах. Молодой человек возложил на себя важнейшую миссию — привести лучшего друга в прежнее расположение духа, чего бы это ему не стоило. Но по собственной же рассеянности, Роб выпустил из рук «бразды правления», и теперь их совместный отдых грозил обернуться очередной охотой на неуловимого злодея

по имени Итан Уорд.

— Эдди, ты ведь не держишь на меня зла? Я уже все тебе объяснил! Та статья…

— Да-да, не стоит вновь пускаться в пространные объяснения, — прервал друга Эдвард. — Оставим это.

Столь чудесно начавшееся утро, которое Эд провел со своей новой знакомой — прекрасной Аделией Бредфорд — было безнадежно испорчено неудачной погоней на железнодорожной платформе. Его легкое романтичное настроение вмиг сменилось напряженными раздумьями. Роберт, заметив, что его лучший друг не слишком расположен к беседе, послушно умолк и последовал за ним по дороге, ведущей к поместью Магнолия Гарденз, где их обоих ожидали к чаю.

Великолепные пейзажи, которыми издавна славились эти места, так увлекли Роберта, что он на пару минут и думать забыл о том, что несколькими часами ранее произошло на станции. Его взгляд блуждал по нескончаемым зеленым лужайкам, пестревшим полевыми цветами, в попытках уловить малейшие признаки жизни в зарослях травы. Как и любой другой городской житель, Роб приходил в немедленный восторг при виде дикой живности, будь то куропатка, полевая мышь или маленький кролик. Птицы, пчелы, стрекозы и прочие божие твари летали над их головами, и Роберт, вовсю тараща на них глаза, впитывал в себя какую-то новую, доселе неизвестную ему жизнь — настоящую, первозданную, похожую на глоток свежего утреннего воздуха, который

врывается в комнату после душной июльской ночи. Привыкший к вечному шуму большого города, здесь Роберт словно окунулся в осязаемую тишину, нарушаемую лишь шелестом травы и криками беспокойных уток.

Ну, а Эдвард смотрел перед собой и не замечал красоты природы. Мысленно он снова и снова возвращался к рассказу непутевого журналиста. «Быть может, Питер, как и я, принял желаемое за действительное? — рассуждал он про себя. — Этот парень по описанию — вылитый Итан Уорд! И все же в деревне его знают и ни за что бы не спутали его с посторонним. Значит, тот верзила на черном Форде все-таки существует…»

— Да не переживай ты так! — вновь подал голос Роберт, увидев, что Эдвард окончательно сник. — Ну, и пусть он оказался не тем, кого ты ожидал поймать. Такое ведь часто случается? Люди могут быть очень похожи…

— Ты прав, Робби. Это всего лишь досадное недоразумение. По правде говоря, я мало что знаю об Итане Уорде. Пара незначительных деталей, которые мне поведал журналист-пропойца, да и только. Этот садовник… Стивен. Бедняга, которого мы догнали на станции. В общем, он довольно высокий парень. Вот, пожалуй, и все сходство с преступником. Мне, конечно, не стоило так на него бросаться. Не знаю, что на меня нашло!

— А я прекрасно знаю! — Роберт легко потрепал Эдварда по плечу. — Ты еще не в форме, дружище! И сейчас тебе

не стоит ввязываться во все эти расследования и разборки. Постарайся держаться подальше от этого скользкого писаки. Знаешь, у меня скверное предчувствие на его счет… Этот твой Питер впутался в очень неприятную историю! Даже если Итан Уорд всего лишь очередной бандит с большой дороги, он явно не обрадуется, когда ему на хвост сядет такой дотошный прилипала, как Чейз.

— Пожалуй, мне стоит оставить все, как есть.

— Так-то лучше! Давай наслаждаться природой, погодой и хорошей компанией! Кажется, миссис Брэдфорд произвела на тебя довольно приятное впечатление…

— Очень приятное, — чуть смутившись, согласился Эдвард.

Обсуждение личной жизни с посторонними и даже с лучшим другом не входило у него в привычку. Роберт же, напротив, любил похвалиться своими достижениями на любовном фронте. И, хотя его нельзя было назвать ловеласом или сердцеедом, он все же находил огромное удовольствие в процессе ухаживаний и обольщения, временами весьма неуклюжего и неловкого, но, тем не менее, приправленного огромным энтузиазмом.

Роберт Милтон, молодой человек двадцати семи лет, с юных лет привык к благосклонности милых дам. Он был хорош собой, ростом чуть ниже Эдварда, немного худощав, но красивая осанка и легкая, немного развязная походка придавали ему лихой вид. Роб умел расположить к себе любо-

го, мгновенно находил правильный подход к новым знакомым, производя на них впечатление остроумного и приятного собеседника. Он метко шутил, был обаятелен и приветлив, особенно когда дело касалось молодых девушек.

С другой стороны, его добрый друг Эдвард Финч не был таким же доступным и легким в общении человеком. Серьезная профессия наложила на его характер весомый отпечаток: его былой веселый нрав сменился угрюмой подозрительностью. Эдвард, без сомнения, умел втереться в доверие к собеседнику — этого у него было не отнять — но лишь тогда, когда дело касалось проведения очередного расследования.

А вот в обычной жизни отношения с дамами у него не клеились. По правде говоря, он был слишком занят частным сыском для того, чтобы заводить новые знакомства. И теперь, когда на горизонте появилась такая необыкновенная особа, как Аделия Брэдфорд, Эдвард Финч задумался о том, что в его жизни не хватает женского присутствия. Эта мысль давно его не посещала, и сейчас, после столь необычного и немного книжного знакомства, он наконец осознал, что совершенно не знает, как ему себя вести с интересующей его дамой. Проявить инициативу или дождаться момента, когда Аделия сама укажет ему правильное направление? Быть может, он истолковал ее поведение неверно, ведь ему вполне могло лишь показаться, что она с ним флиртует. К тому же, она все-таки *миссис Бредфорд*…

— Ну, так что же? — не унимался Роб. — Кажется, этой дамочке удалось разбередить твое неприступное сердце. Вот бы поскорее увидеть ее самому!

— Брось молоть чушь! — раздраженно буркнул Эдвард.

Слова Роберта вогнали его в краску. Он не хотел этого признавать, но вскоре, вполне вероятно, ему все же придется прибегнуть к его помощи.

— Будет тебе, Эдди! Мы знакомы с тобой полжизни! Я знаю тебя как облупленного. Ты так привык к одиночеству, что уже и сам не замечаешь, что в твоей жизни не осталось ничего, кроме работы. Пришло время что-то менять. Доверься мне, и я помогу тебе найти подход к прекрасной Аделии Брэдфорд!

Увлеченные обсуждением милых дам и предстоящих увеселений, двое молодых людей незаметно для себя оказались у входа в парк. Здесь, на возвышенности холма, было тепло и безветренно: деревья и кустарники росли плотно друг к другу, создавая своеобразную живую изгородь. Между ними петляли пешеходные дорожки, обильно посыпанные желтым песком. Тут и там были расставлены скамейки и мраморные поилки для птиц и мелких лесных зверьков.

Роберт непрерывно болтал, раздавая Эдварду ценные советы о том, как именно стоит начать разговор с миссис Брэдфорд, как лучше себя с ней держать, какие темы для непринужденных бесед нынче в моде, чем в эту пору увлекается прекрасный пол, что читает, что слушает, и все в этом ро-

де. Эдварда же не покидало тревожное предчувствие каждый раз, когда он представлял себе неуклюжего, коротконого Питера Чейза, следующего по пятам за опасным великаном Итаном Уордом. Он живо рисовал себе сцену, в которой ожесточенный преступник легким движением руки хватает беднягу журналиста за шкирку и вытряхивает из него остатки духа.

— И вот, когда вы останетесь наедине, — уверенно продолжал свои наставления Роберт, — ты подойдешь к ней чуть ближе и возьмешь ее за руку…

Замолчав на полуслове, он вдруг остановился посреди дорожки и уставился в одну точку.

— Почему мы остановились?

— Смотри!

Роб ткнул пальцем вправо, туда, где пышно цвела высокая магнолия. Под ее раскидистыми ветвями густой порослью произрастали кусты рододендрона, покрытые розовыми соцветиями. Среди всего этого великолепия через просветы в кустарнике виднелось женское пальто ярко-желтого цвета.

— А не думаешь ли ты, что это наша «*миссис*»?

— Может и так, — с сомнением протянул Эдвард. — Но ей, очевидно, не хочется, чтобы ее беспокоили…

— Глупости! — отмахнулся Роберт. — Мы просто обязаны выразить ей свою благодарность за то, что она так любезно пригласила нас к чаю. Не можем же мы просто пройти мимо, сделав вид, что не заметили ее? Это будет попросту

невежливо с нашей стороны!

Эдвард едва успел возразить дерзкой затее друга, как тот уже поспешил вперед по пешеходной дорожке. Эд нехотя последовал за ним.

Роберт, оказавшись лицом к лицу с незнакомкой в желтом пальто, замер на месте. Вместо того, чтобы представиться, он, как сущее дитя, растерянный и потрясенный, во все глаза смотрел на миловидную юную барышню, сидящую на скамейке с книгой в руках. Девушка, увидев незнакомого джентльмена, оробела не меньше его самого. Оба глядели друг на друга округлившимися глазами, когда Эдвард подошел к ним.

— Простите нас за беспокойство, мисс. Мы не хотели вас напугать…

— О, нет! Ничего страшного! — смущенно промолвила девушка.

Она попыталась привстать со скамьи, но подол ее платья зацепился за неровную поверхность древесины, и она осталась сидеть «прикованной» к своему месту. Роберт наконец очнулся от своего внезапного оцепенения и сделал уверенный шаг вперед, чтобы выручить прекрасную даму из беды.

— Позвольте мне…

Сцена, которая развернулась перед Эдвардом в следующую минуту, была поистине комичной, и в то же время невероятно очаровательной. Двое молодых людей смущенно улыбались и извинялись друг перед другом, стараясь

«спасти» платье. Лицо девушки раскраснелось, будто спелое яблоко, как, впрочем, и лицо Роберта. Таким его Эдвард прежде не видел. От той безупречной уверенности и бравады, которыми Милтон щеголял перед молодыми и неискушенными девушками, не осталось и следа. Он вмиг стал похож на глупого наивного мальчишку, который впервые подошел ближе, чем на полметра, к представительнице противоположного пола. На лбу у него выступили капельки пота, щеки горели огнем. Роб улыбался странной извиняющейся улыбкой и едва касался прелестной незнакомки.

Но самым необычным в этой ситуации была не внезапная перемена в поведении Роберта, а сама девушка. Эдвард знал, что его друг предпочитает компанию ярких и чрезмерно свободных красавиц, способных нарушать устои и правила недавнего прошлого, которое все еще довлело над современной молодежью. Он был поражен тем, что Роберта Милтона «разоружила» юная барышня, похожая на девушку с одной из картин Габриэля Феррье[6]: бледная, почти прозрачная кожа, ярко-рыжие вьющиеся волосы, уложенные на старомодный манер, круглые испуганные глаза, маленький курносый нос и кукольные губки. Незнакомка была одета в короткое желтое пальто, из-под которого виднелся подол шелкового платья того же цвета. Эта юная леди (а она без сомнения принадлежала к высшему обществу) показалась Эдварду

---

[6] Габриэль Жозеф-Мари-Огюстен Феррье — французский художник—портретист (1847—1914 гг.)

сущим ребенком: такая хрупкая маленькая фигурка, по его мнению, могла принадлежать девочке четырнадцати-пятнадцати лет. И оттого он посчитал необходимым прервать этот странный «танец» взаимных извинений и неловкостей.

Он легким движением высвободил шёлковую ткань платья.

— Ну, вот, так-то лучше!

Девушка растерянно поблагодарила своего спасителя, не отрывая взгляда от лица Роберта — молодой человек так и продолжал в упор глядеть на предмет своего восхищения. Он тут же прошипел другу в ухо недовольное — «Молодец!». Эдвард так некстати украл его заслуженный триумф! Возможно, эти двое так и продолжили бы стоять друг против друга, не находя, что сказать, если бы Финч первым не прервал неловкого молчания:

— Позвольте представиться, мисс… Мое имя Эдвард Финч. А это мой лучший друг — Роберт Милтон. В Магнолия Гарденз нас ожидают к чаю.

— Роберт. Кхм-кхм… Милтон, — назвал Роб свое имя каким-то чужим голосом. — Кузен Дарена Клиффорда. К вашим услугам, мисс…

Девушка вновь зарделась и осторожно подала Роберту руку для знакомства. Он тут же поднес ее к губам так театрально, как это делали во времена короля Георга Третьего. От неожиданности девушка тихонько засмеялась.

— Дебби Гарднер, — представилась она. — Лучшая по-

друга Одри Рассел.

— Как замечательно! — радостно воскликнул Роберт. — Значит, вы тоже прибыли на свадьбу?

— Ну, разумеется! Мы с Одри дружим с детства! — Мисс Гарднер печально вдохнула. — Мне трудно представить, что я стану делать, когда Одри уедет отсюда. От этих мыслей мне становится так тоскливо…

Лицо Роберта озарила улыбка.

— О, ну что вы! Не стоит так огорчаться! Кто знает, что готовит нам будущее… Быть может, в скором времени вы встретите того, кто поможет вам пережить это мучительное расставание…

— Вы действительно так думаете? — не уловив его очевидного намека, спросила Дебби.

— Не сомневаюсь в этом ни секунды!

Минутное замешательство покинуло Роберта Милтона. Милашка Дебби Гарднер полностью завладела его вниманием — сейчас он и думать забыл, зачем они с Эдвардом прибыли в Магнолия Гарденз. Все, что теперь имело для Роберта значение, так это возможность быть рядом с Дебби. Он, очевидно, более не нуждался в компании лучшего друга. Уловив во взгляде Эдварда явное осуждение, Роберт поспешил сделать вид, что ничего не заметил. «Неподходящий момент для споров, — сказал он себе. — Такой шанс выпадает раз в жизни!»

— Эдди, ты, кажется, собирался поторопиться? Миссис

Брэдфорд, должно быть, уже тебя заждалась…

— Вы знакомы с Аделией? — удивилась Дебби.

Финч с силой сжал плечо Роберта, чтобы дать ему понять, как он им недоволен. Отчитать его в присутствии мисс Гарднер не представлялось возможным.

— Мы познакомились сегодня утром, — ответил он Дебби. — Что ж, пожалуй, ты прав, друг мой. Я пройдусь до поместья быстрым шагом.

— Вот и отличненько! — обрадовался Роберт. — Мисс Гарднер, я почту за честь, если вы согласитесь составить мне компанию. Я в этих местах впервые и вполне могу заблудиться. Этот парк просто огромен!

— Вы правы! — закивала Дебби. — Я сама иногда часами блуждаю по этим дорожкам. Тут расставлены указатели, чтобы было легче выйти к дому…

Роберт учтиво подставил девушке свой локоть, и она, взяв его под руку, застенчиво улыбнулась. Дебби Гарднер, определенно, прежде не встречались такие парни, как Роберт Милтон. Эдвард сомневался, что ей вообще приходилось принимать ухаживания от молодых людей.

— Не переусердствуй! — сердито шепнул он другу на ухо. — И ни слова о моей работе!

В ответ Роберт лишь молча кивнул и вновь переключил свое внимание на мисс Гарднер.

Эдвард оставил воркующих голубков и прибавил шагу. Оказавшись перед воротами поместья, он остановился, что-

бы перевести дух и оценить масштаб строения, которым так восхищались жители Туайфорда. Дом сэра Рассела выглядел величественно и изысканно. Он являл собой классический образец георгианской эпохи в английской архитектуре — прекрасно сохранившийся трехэтажный особняк, построенный из камня серого цвета, строгой прямоугольной формы, с покатой крышей, по периметру обнесенной высокой балюстрадой. Парадную дверь из светлого дерева обрамляла узорная арка; высокие французские окна располагались регулярно по всему фасаду, таким образом создавая симметричный ансамбль, придававший дому одновременно шарм и простоту.

Вокруг самого особняка был высажен великолепной красоты цветник, в котором повсюду росли цветущие магнолии. Трава здесь была усыпана розовыми и белыми лепестками, отчего она напоминала собой разноцветный ковер. К парадному входу вела широкая, покрытая мелким гравием дорога, по которой к поместью подъезжали машины, а в прежние времена экипажи, запряженные лошадьми. Эдвард мог с легкостью себе представить, как когда-то давно здесь устраивались пышные приемы и балы, а в уединенных уголках сада тайком встречались влюбленные парочки. Он решил пренебречь парадным входом, чтобы тайком обойти дом и немного осмотреться.

В сад от главной дороги вели две аллеи. Эд свернул направо, но едва ли сделал и десять шагов, как услышал чьи-то

взволнованные голоса: спорили мужчина и женщина. Пройдя вперед, он увидел высокого парня, а рядом с ним девушку в черном платье — вероятно, служанку или гувернантку. Она стояла к Эдварду спиной, держа в руках простой белый конверт. Молодой человек был невероятно раздосадован — в его глазах плясали искорки гнева.

— Не суй свой нос в мои дела! — грубо потребовал он от девушки. — Ты рискуешь нажить себе серьезного врага!

В ответ его собеседница издала лишь приглушенный смешок. Молодой человек пока еще не заметил присутствия постороннего, и потому не стал сдерживать своих эмоций. Грубо ухватив девушку за руку, он хорошенько ее тряхнул.

— Ты думаешь я стану с тобой шутить? — злобно прошипел он ей в лицо.

Девушка резко оттолкнула его от себя и выставила вперед указательный палец.

— Не мне, а тебе стоит бояться! — огрызнулась она в ответ. — В моих руках доказательства! Не думай, что я побоюсь ими воспользоваться!

В то же мгновение лицо парня исказила неподдельная ярость. Эдвард еще ни разу в жизни не видел, чтобы такое красивое лицо так невыгодно преобразилось: жуткий гнев, смешанный с презрением, придал ему какое-то неестественное звериное выражение. Молодой человек оскалил зубы, словно едва сдерживался от того, чтобы не наброситься на девушку, посмевшую бросить ему вызов.

Опасаясь, что он не сдержит своего порыва, Эдвард нарочито громко ступил на гравий. Парень тут же повернул голову в его сторону. Краска сошла с его лица, и он наконец осознал, что у их «разговора» появился случайный свидетель. Он тут же отступил на шаг от девушки, а та, в свою очередь, не оборачиваясь, поспешно скрылась за ближайшей створкой французского окна, ведущего в дом. Молодой человек откинул со лба прядь выбившихся из прически волос и расстегнул верхнюю пуговицу пиджака, тем самым придав себе непринужденный вид.

— Простите. Вышло небольшое… недоразумение, — извинился он перед Эдвардом чуть дрожащим голосом. — Прислуга! Что с нее взять? Вечно что-то путают…

— Понимаю, — холодно отозвался Финч. — Хотя мне редко приходится кому-то указывать на их место.

Молодой человек с некоторым недоверием воззрился на незваного гостя.

— Когда владеешь таким большим домом, как Магнолия Гарденз, ничего иного не остается, знаете ли. Для того, чтобы поддерживать все в должном порядке, требуется немалый штат прислуги. Поэтому порой случаются разного рода… конфузы.

— Очень вероятно, — тем же безразличным тоном сказал Эдвард.

Выслушав эту надменную речь, он уверился в своей догадке. Перед ним стоял никто иной, как Дарен Клиффорд, бога-

тей и ловелас, похититель женских сердец, знаменитый лондонский повеса и по совместительству будущий муж Одри Рассел. Мистер Клиффорд выглядел точь-в-точь, как его фотография, не раз украшавшая страницы «Дейли Миррор»[7]: мужественная челюсть, прямой римский нос, выразительные зеленые глаза; черные, как смоль, и слегка вьющиеся волосы, и необычайно длинные ресницы. Совсем как у Герцогини, кобылицы Аделии Бредфорд. Эта забавная мысль вызвала у Эдварда невольную улыбку.

Дарен Клиффорд оглядел Финча с ног до головы и сразу же сделал вывод, что тот и в подметки ему не годится. Он сам был на пол головы ниже Эдварда и у́же в плечах, но его руки были более натренированные и мощные, осанка прямая, как у атлета. Пиджак, сшитый строго по фигуре, сидел на нем идеально, облегая тугие мышцы. Превосходство над окружающими читалось не только во взгляде Дарена, но и в его манере держать себя: то, как он стоял — чуть расслабленно, небрежно сунув руки в карманы — как высоко он держал голову, и как оценивающе глядел он на своего собеседника.

Резкие ответы Эдварда пришлись не по душе мистеру Клиффорду, но в сложившихся обстоятельствах он не мог позволить себе грубости или недовольства, поэтому он поспешил разрядить обстановку. Дарен вернулся в свое прежнее амплуа — негласного хозяина дома (по крайней мере в

---

[7] «Дейли Миррор» (с англ. The Daily Mirror) — известный британский таблоид, основанный в 1903 г.

обозримом будущем), и заговорил твердо и уверенно:

— Пожалуй, начнем сначала. Приветствую вас в Магнолия Гарденз! Дарен Клиффорд, — молодой человек протянул детективу руку.

— Эдвард Финч. Лучший друг Роберта Милтона, — без раздумий ответил Эдвард.

— Ах, ну конечно же! Роберт! А я-то было подумал… — Дарен нервно засмеялся и тут же ощутимо расслабился. В его взгляде промелькнуло явное облегчение. — Что ж, милости просим, мистер Финч! Полагаю, вы сопровождаете его на свадьбу? — В голосе парня послышалась недобрая насмешка. Скорее презрительная, чем веселая. — Ох, Роберт! Я не перестаю ему удивляться!

Эдвард бесстрастно взирал на Дарена Клиффорда, представляя себе, как было бы сейчас замечательно хорошенько врезать этому негодяю по лицу.

— Понимаете, мистер Финч, Роб заверил меня, что приедет с матушкой, — объяснил Дарен, заметив, как помрачнел Эдвард. — Я тогда подумал, что это очень мило, но все же странно. Как-то по-детски, что ли… Но я всегда *за* то, чтобы уважать своих предков.

— Миссис Милтон не здоровится, — кратко объяснил Эд. — Она очень сожалеет, что ей не удалось приехать к торжеству.

— Конечно-конечно! Значит, вы заменяете Роберту мать?

На лице Эдварда разом отразились чувства, вызванные

знакомством с этим отвратительным субъектом. Мистер Клиффорд был невоспитанным и нахальным, но точно не глупым. Он поспешил себя поправить:

— Не обращайте внимания, мистер Финч. Я просто дурачусь! День начался с не самых приятных новостей. — Дарен взглянул на наручные часы. — Совсем скоро подадут чай. Вы к нам, разумеется, присоединитесь?

— Миссис Бредфорд очень любезно меня пригласила, — не без гордости заявил Эдвард.

— Ну, разумеется! Аделия, как всегда, в своем репертуаре! — съехидничал Дарен. — А где же Роб? Неужели заблудился в парке?

— По дороге к поместью мы встретились с мисс Дебби Гарднер, — объяснил ему Финч. — Роберт изъявил желание ее проводить…

— Можете не продолжать! Тут и так все ясно. Бедный Роберт еще не знает, в какую ловушку он угодил! Его ждет не самый приятный сюрприз… — Дарен лукаво улыбнулся тому, что знал только он сам. — Мистер Финч, вы должны меня простить. — Он бросил обеспокоенный взгляд на французское окно, за которым ранее скрылась девушка в черном платье. — Увы, сейчас я не смогу составить вам компанию. Ровно через пять минут я должен связаться с нашим офисом в Париже. Как только я улажу все проблемы, я присоединюсь к вам в саду. Полагаю, все остальные уже очень скоро там соберутся…

Легким кивком головы Дарен простился с Эдвардом и поспешно вошел в дом. Раздосадованный этой не слишком приятной беседой, Эд проследовал туда, куда указал ему Клиффорд. Возле небольшой беседки, увитой диким виноградом, он увидел круглый стол, на котором красовался великолепный фарфоровый сервиз на восемь персон. Слуги уже вынесли сладости и бутерброды, оставалось лишь разлить чай. Горничная, показавшаяся в дверях террасы, предложила Эдварду присесть и дождаться хозяев, которые, по всей видимости, все еще были чем-то заняты. Он поблагодарил ее, но сам предпочел немного пройтись по саду — минут пять или десять он ходил взад-вперед, разглядывая цветы и кустарники, и пытался представить себе, как долго может продлиться чаепитие, и как скоро он сумеет остаться наедине с Аделией Брэдфорд. Сомнений в том, что его лучший друг уже не нуждается в его компании, у Эдварда не осталось. Мисс Гарднер отныне занимала все чаяния и помыслы Роберта. Парнем он был ветреным, влюбчивым и непостоянным, и это непостоянство, увы, распространялось на всех, включая его лучшего друга. Поэтому Эдварду не оставалось ничего другого, как только принять Роберта таким, каков он есть.

Финч остановился возле беседки. Прислонившись головой к прохладной зелени виноградных листьев, он закрыл глаза и сделал глубокий вдох. И тут до его ушей долетел звук торопливых шагов. В сад выбежала симпатичная девушка с

растрепанными вьющимися волосами. Она была явно чем-то напугана или взволнованна: ее грудь высоко вздымалась, лицо выглядело очень бледным, а взгляд метался из стороны в сторону в поисках кого-то знакомого. В глазах у нее стояли слезы. Сейчас, кроме них двоих, в саду не было ни души, и Эд посчитал своим долгом прийти ей на помощь. Боясь спугнуть ее, он осторожно приблизился к ней, но девушка словно и вовсе его не замечала. Она обернулась и вгляделась в дверной проем, будто ожидая, что оттуда вот-вот кто-то выскочит. Эдвард громко прокашлялся, чтобы обозначить свое присутствие, и очень ласковым и спокойным тоном спросил:

— Вам плохо, мисс?

Девушка вздрогнула всем телом и посмотрела на него круглыми от страха глазами. На ее лице отразился целый букет эмоций — испуг, смятение, а затем вдруг некоторое… облегчение. В этот самый момент Эдварду показалось, что она с трудом держится на ногах. Он протянул ей руку и предложил присесть. К его огромному удивлению, девушка схватила его за рукав пиджака так крепко, словно он был единственным человеком, кто мог удержать ее на этой земле.

Глава 8. Гостья

Одри приняла помощь Эдварда, но объяснений о том, что с ней случилось, и отчего она так встревожена, он от нее так и не получил. Через пару минут на террасе появился сэр Рассел в компании своих гостей. Одри быстро взяла себя в руки — она как ни в чем не бывало стала общаться с родными и друзьями, стараясь избегать взгляда Эдварда. Он же предпочел остаться в стороне, уступив «первенство» Роберту, который с радостью вступил в разговор, поддакивая всем вокруг и делая остроумные, по его мнению, замечания при каждом удобном случае.

Сэру Расселу на вид можно было дать лет пятьдесят. Он был невысоким и полноватым мужчиной. Его заметное увечье делало его фигуру немного неказистой; вьющиеся седые волосы на довольно крупной голове были редкими и тонкими, а на лбу у него уже залегли глубокие морщины. По мнению Эдварда, главным «козырем» Тимоти Рассела были его залихватски завитые усы, похожие на те, что носили джентльмены в начале двадцатого века.

Во время чаепития сэр Рассел не вставал со стула и то и дело растирал свою искалеченную ногу, морщась от боли. Тем не менее, он был рад рассказать Эдварду о своей семье и о предстоящем торжестве. Если поначалу Эд никак не мог понять, отчего еще совсем юная Одри Рассел собирается за-

муж за такого ненадежного и бессовестного ферлакура[8], как Дарен Клиффорд, то после рассказа сэра Рассела все встало на свои места.

Семьи Расселов и Клиффордов дружили вот уже не одно поколение. Брак Одри и Дарена должен был окончательно скрепить их союз. Отец Дарена, сэр Алистер Клиффорд, являлся крупнейшим производителем и экспортером шерсти в Великобритании. Он имел большое влияние в политических кругах и готовил своего старшего сына Алекса к блестящей карьере в правительстве. Его младший сын Дарен должен был занять место главы семейного бизнеса после того, как его отец уйдет на покой. Разумеется, о таком перспективном женихе, как мистер Клиффорд, можно было только мечтать! Но Тимоти Рассела волновало лишь счастье его любимой дочери. Долгая дружба с Клиффордами давала ему уверенность в том, что Дарен сумеет позаботиться об Одри — они знали друг друга с детства, и вот уже много лет их брак был делом решенным.

«Моя дочь — пылкая и импульсивная натура, — рассказывал Эдварду Тимоти. — Она полюбила Дарена, будучи еще совсем девчушкой. В ту пору Дарен, увы, не замечал ее, как это порой бывает у мальчишек. Он проводил в наших краях все лето, и между ним и Одри постепенно завязалась дружба, а затем вспыхнули и настоящие чувства. Одри так долго ждала дня своей свадьбы! Очень жаль, что нам при-

[8] ферлакур — faire la cour (с франц.) — волокита, ловелас

шлось ее дважды откладывать».

«Как можно быть таким слепцом?» — поражался Эдвард, наблюдая за тем, с какой искренней радостью сэр Рассел смотрит на будущих супругов. В его фантазиях Дарен Клиффорд был принцем на белом коне, а Одри — прекрасной одинокой девой, ожидающей свою любовь под сенью цветущих магнолий. Окружающим их будущий брак казался сказкой, но Эдвард очень сомневался, что у этой сказки будет счастливый конец.

Сцена в саду, случайным свидетелем которой он стал, поразила его — Дарен Клиффорд без колебаний применил силу к девушке, и, если бы Эдвард не вмешался, кто знает, чем бы все это закончилось. Необычайная жестокость и свирепость, с которой мистер Клиффорд на нее смотрел, ярко контрастировала с его образом обаятельного и обходительного молодого джентльмена.

Остаться в стороне в такой ситуации было равнозначно преступлению. По крайне мере, Эдвард мог предупредить мисс Рассел о возможной опасности. Но для того, чтобы поговорить с ней об этом, нужен был веский повод. В противном случае, Эдвард рисковал стать причиной большого скандала. Ему было необходимо найти надежного посредника, заинтересованного в судьбе мисс Рассел. Кого-то, кто мог взглянуть на ситуацию под другим углом. Аделия Брэдфорд была той единственной, кто мог выслушать и понять Эдварда.

Чаепитие продлилось почти два часа. Роберт Милтон заслуженно стал центром всеобщего внимания — он был готов говорить на любые темы, лишь бы Дебби Гарднер не скучала и не сводила с него глаз. Рядом с ним девушка просто светилась — она застенчиво улыбалась и смеялась, легко касаясь его руки или предлагая ему очередную сладость со стола. Роберт порядком осмелел и больше не заливался краской каждый раз, когда мисс Гарднер глядела в его восхищенные глаза.

Этот весьма нелепый обмен любезностями сильно раздражал Одри, и она в один момент прекратила его. Схватив Дебби за рукав, она призвала подругу «к порядку». Мисс Гарднер крайне смутилась. Она неловко извинилась перед остальными и вышла из-за стола. Вернувшись минут через десять, она села на прежнее место, но теперь все попытки Роберта вовлечь ее в разговор оказались неудачными. Дебби переключила свое внимание на Дарена Клиффорда, который в этот момент рассказывал присутствующим о своем визите в парижскую Гранд-Опера́. Верный себе, Дарен всем своим видом источал уверенность, шутил и делал комплименты дамам, и даже Аделия смеялась его шуткам.

Эдвард убедился в своей первоначальной догадке: Дебби Гарднер, милая и прелестная девушка, была неопытна во всех сферах жизни. Любой, кто был дорог ей, имел на нее огромное влияние. Вот и теперь лучшая подруга все решила

за нее, а бедняга Роберт, осознав свою неудачу, мгновенно потерял всякий интерес к жизни — как он не старался, он так и не смог возбудить в Дебби Гарднер прежнюю увлеченность их беседой.

В какой-то момент сэр Рассел обмолвился о том, что Одри в последнее время стала не похожа на саму себя. Аделия тут же подхватила эту тему, и они вдвоем принялись обсуждать, какие развлечения и занятия пошли бы Одри на пользу. Рассуждая о будущей неделе, предшествующей торжеству, они планировали веселые, активные мероприятия: катание на лошадях, рыбалку, теннис, крикет, музыкальные вечера и прочие увеселения. Судя по всему, бедняжка мисс Рассел не имела подруг, кроме Дебби, и потому компанию ей должны были составить джентльмены — Дарен, его лучший друг и шафер Бастер Хилл, и, конечно же, Эдвард и Роберт. Так что их обоих очень любезно пригласили остаться на ужин, чтобы продолжить приятное знакомство.

Тимоти Рассел первым покинул гостей, сославшись на усталость. Дарен, весьма довольный своим «дебютом» за столом, предложил Одри пройтись по парку, на что она ответила достаточно холодно: «Не сегодня!», и отправилась в свою спальню в сопровождении Дебби. Несчастный Роберт погоревал с минуту, но тут же оживился, когда Дарен предложил ему и Эдварду осмотреть библиотеку, и по совместительству небольшой выставочный зал сэра Тимоти, в котором тот хранил свои охотничьи трофеи. Если бы не Аделия,

Эдварду непременно пришлось бы составить им компанию. Но миссис Бредфорд была непреклонна: ей хотелось сделать кружок-другой вокруг поместья, и для этого ей требовался спутник.

— Вы были очень молчаливы за чаем, мистер Финч, — отметила Аделия, когда они с Эдвардом свернули с главной дороги на узкую аллею, ведущую в парк. — Вас что-то беспокоит?

— Прошу вас, зовите меня Эдвард.

— Эдвард, поделитесь со мной. Я вижу тревогу в ваших глазах. Или мое чутье меня обманывает?

— Вы очень проницательны, миссис Бредфорд.

— Аделия. Для вас просто Аделия.

— Ну, что ж… Аделия, меня и вправду кое-что беспокоит. Но поверьте, это сущий пустяк. В такой дивный вечер грех обсуждать житейские проблемы и прочие мелочи, вы не находите?

— Звучит как готовый ответ, — с некоторым разочарованием заметила Аделия. — Если вы не хотите говорить о себе, я не стану настаивать. И все же, вам я немного удивляюсь…

— Отчего же?

— Мне всегда казалось, что журналисты — народ разговорчивый. Быть может, я отношусь к этой профессии предвзято… Знаете, я наблюдала за вашим другом, мистером Милтоном. Он очень приятный молодой человек, этого у

него не отнять. И все же его излишняя говорливость не прибавляет ему очарования в моих глазах. Конечно, такую юную и несмышленую девушку, как Дебби, не составит труда увлечь пустой болтовней. В их возрасте это естественно. Они щебечут о том, о сем, а их мысли витают совсем в других измерениях. Думаю, вы понимаете, о чем я…

— Конечно. Мисс Гарднер еще очень молода. Роберт же только выглядит взрослым мужчиной. В душе он по-прежнему пятнадцатилетний мальчишка. Роб доверчив, как ребенок, и порой относится к жизни, как к игре. И все же он хороший парень. Он пытается выбиться в люди, питает надежды на светлое безбедное будущее…

— Поэтому он решил приударить за нашей Дебби?!

— Ну, разумеется, нет! Это совсем не в его натуре! Роб действительно мечтает разбогатеть, но отнюдь не за счет состоятельной невесты. Так высоко он метить не решится. Если он и обратил свое внимание на мисс Гарднер, то только по причине своего искреннего интереса. Он увидел ее и… «пропал»!

— Как интересно…, — мечтательно протянула Аделия. — Я и не думала, что в нашем жестоком мире осталось место для таких чувств, как любовь с первого взгляда.

По правде говоря, Эдвард тоже не верил в подобные вещи. Любовь придумали поэты и музыканты, чтобы им было о чем писать свои стихи и песни — именно так он всегда считал. Его прежние романтические отношения не смогли вско-

лыхнуть в нем настоящее, не поддающееся логике чувство, которое заставляет простых смертных терять рассудок, бросаться в омут с головой, оставляя за бортом все трезвые мысли и доводы разума. Нет, Эдвард пока не успел переболеть этой неизлечимой болезнью, этой бессмертной «чумой», которая поражает умы и тела людей с момента сотворения мира. Если бы в наше время ученые взялись сосчитать, скольких несчастных на этой земле погубила любовь, сколько бедолаг по ее вине простились с жизнью, их число поразило бы все человечество. И все же люди продолжают мечтать о любви: мужчины и женщины, молодые и старые, богатые и бедные, все стремятся окунуться в нее с головой, но, к несчастью, истинную любовь дано испытать далеко не каждому.

— Аделия, я хочу, чтобы вы знали одно, — вновь заговорил Эдвард, — Роберт никогда не причинит боль мисс Гарднер. Я за него ручаюсь.

— Думаю, этого вовсе не потребуется. Я вижу, что мистер Милтон — неплохой парень. Он мил и обходителен, хорошо воспитан, что очень несвойственно для его профессии. Я даже могу допустить, что у него имеются неплохие перспективы на будущее. И все же…

— Роберт из простой семьи, — закончил ее мысль Эдвард.

— Ах, поймите же! Дело не только в этом! Наша Дебби… В общем, у нее есть тетушка. Летиция Гарднер. Она приходится Тимоти двоюродной сестрой. Леди Гарднер крайне сложная в общении женщина. Да что уж тут лукавить, она

самая настоящая змея! Мы все ее терпеть не можем! Завтра она прибудет в Магнолия Гарденз, и вы сами ее увидите. Летиция воспитала Дебби. У нее самой детей никогда не было, она рано овдовела и пол жизни провела в поездках по Европе. Когда же ей наскучила такая праздная жизнь, она отыскала своих дальних родственников, которые в тот момент прозябали в некоторой нужде, и угрозами или уговорами выманила у них Дебби. Девочке тогда было неполных десять лет. С тех пор она большую часть времени проводила со своей теткой. Ума не приложу, как бедняжке Дебби удалось сохранить добрый нрав и чистоту сердца, живя в компании старой гадюки! Вопреки всему она выросла прекрасной юной леди, пусть и чересчур податливой, что совсем неудивительно, учитывая характер ее тетки. Сами можете представить, какое будущее уготовила бедняжке эта мерзкая сварливая карга!

— Такое, в котором нет места простому журналисту Роберту Милтону, — догадался Эдвард.

— Увы…

Эта тема явно задела Аделию за живое, и потому Эд решил задать вопрос, который волновал его больше всего.

— Не хочу показаться бестактным, но я так и не спросил вас о мистере Брэдфорде…

Аделия вдруг остановилась. Она повернулась к нему и весело засмеялась.

— О, Эдвард! Я уже думала, вы никогда меня об этом не спросите! Я не замужем, и уже очень давно. Точнее, я уже

десять лет, как овдовела.

— Мне… жаль, — растерянно проговорил в ответ Эдвард.

Миссис Бредфорд вновь зашагала по узкой тропинке, жестом поманив его за собой.

— Мой супруг, Лоуренс Бредфорд, скончался от старости. Да-да, представляю, как вы сейчас удивлены…

Действительно, Эдвард пришел в некоторое недоумение от такого признания. Он полагал, что Аделии может быть самое большее около сорока лет. Ему отчего-то казалось, что такая женщина, как она способна выйти замуж, лишь руководствуясь искренним и сильным чувством, но никак не по договоренности.

Миссис Бредфорд предложила Эдварду подняться к большому старому дубу, растущему на холме, откуда открывался прекрасный вид на окрестности. Добравшись до его вершины, Аделия и Эдвард несколько минут хранили молчание, наблюдая за тем, как вдали зажигаются огоньки в окнах домов близлежащих деревень. Небо, еще не до конца поглощенное сумрачной пеленой, рдело на горизонте красными и багряными всполохами в последних лучах закатного солнца. Природа засыпала — вечерняя прохлада уже ощущалась в воздухе. В траве возле дуба звонко застрекотал сверчок.

— Вы не обязаны раскрывать мне подробности вашего прошлого, — сказал Аделии Эдвард, первым нарушив неловкое молчание.

— Отнюдь, мне вдруг захотелось быть с вами предельно

откровенной! Поверьте, такое со мной случается нечасто. Я не привыкла делиться личными переживаниями с посторонними людьми. Но вы, Эдвард, кажетесь мне человеком достойным доверия. Поэтому я не опасаюсь вашего осуждения.

— Я бы никогда не стал вас осуждать, Аделия!

Миссис Брэдфорд отвернулась от него, чтобы скрыть нахлынувшее на нее волнение.

— Тут прекрасно, не правда ли? — спросила она, вглядываясь в горизонт. — Я так скучала по этим свежим весенним вечерам! В Италии, где я провела годы своего замужества, мне очень не хватало английской прохлады. И все же Тоскана стала мне вторым домом. Именно там я и познакомилась с Лоуренсом. Или Лоренцо, как называли его итальянцы. Мне только-только исполнилось восемнадцать, когда я впервые покинула отчий дом без сопровождения родителей. Моя старшая сестра Розалин, мать Одри, к тому времени уже вышла замуж за Джонатана. Так что мои отец и мать, зная мой строптивый характер, оставили попытки выдать меня за какого-нибудь бравого генерала или влиятельного дипломата. Я с раннего детства не вписывалась в их общество — точь-в-точь, как Одри. Я отвергала всех претендентов на мою руку, и, в конце концов, меня оставили в покое. Мне позволили отправиться в Европу в одиночку, чтобы набраться жизненного опыта. Прожив пару лет во Франции и Испании, я переехала в Италию, где и встретила своего супруга.

— Вы любили его? — неожиданно для самого себя спросил Эдвард.

— Я восхищалась Лоренцо. До меня он не был женат, да и вообще не собирался жениться. Но я перевернула его привычное существование с ног на голову, это уж точно… Ему было шестьдесят, когда мы поженились. Он покорил меня своей любовью к жизни, к искусству и поэзии, ко всему прекрасному в этом мире. Лоренцо научил меня понимать людей, видеть в них то хорошее, чего они сами порой не замечают. Он был талантливым художником-портретистом, писал разных и необычных людей. Совсем не тех, что мы привыкли видеть на известных картинах. Лоренцо не писал обнаженных красавиц или богачей, которые всегда стремятся приукрасить себя на фамильном портрете. Он выбирал своих моделей сам — на улице, на рынке, во время частых путешествий по Италии. Простых работяг, мамочек с детьми, фермеров, рыбаков и лавочников. Лоренцо писал не просто портеры, он пытался запечатлеть историю поколений, настоящую душу Италии! Лоренцо писал саму жизнь!

Эдвард слышал в голосе Аделии истинное восхищение этим выдающимся человеком и гадал, сможет ли он когда-то пробудить в ней подобное чувство.

— Я была околдована его талантом и его жизненной философией, — продолжала свой рассказ Аделия. — Лоренцо поражал меня глубиной своих мыслей и чувств. Была ли это любовь в том понимании, в котором о ней поется в балла-

дах? Наверное, нет… Но все же это была любовь. То уважение и восхищение, что внушал мне Лоренцо, я ни за что не променяла бы на страсть и вожделение, которыми упиваются влюбленные. Наш с ним брак был построен на абсолютной гармонии двух родственных душ. И я до конца своих дней сохраню о нем самые теплые воспоминания!

— Поэтому вы решили более не выходить замуж? — осмелился спросить Эдвард.

— После ухода Лоренцо из жизни я пообещала себе, что никогда не опущусь до брака по необходимости. Никакие обещания о заботе и безбедной жизни не заставят меня связать свою судьбу с другим мужчиной. Лишь настоящее духовное единение, крепкая дружба и безусловное доверие — вот чего я ищу. Но пока безуспешно…

— На вашем месте, я бы тоже не согласился на меньшее.

— А вы хитрец, Эдвард! — Аделия шутливо толкнула его локтем. — Вы решили, что, соглашаясь со мной во всем, заработаете себе очки?

— Ни в коем случае! Я действительно с вами согласен. И потому я прошу вас ответить мне искренне. Вы действительно одобряете выбор вашей племянницы?

Услышав этот неожиданный вопрос, Аделия сердито уставилась на Эдварда, и он тут же горько пожалел о своей прямоте.

— Я правильно вас поняла? Вы спрашиваете меня, довольна ли я выбором Одри? То есть, согласна ли я с тем, что

она собирается замуж за Дарена Клиффорда?

— Да, — уже без прежней уверенности ответил Эдвард.

Миссис Бредфорд какое-то время хранила молчание, обдумывая его вопрос. Она внимательно всматривалась в его лицо, отчего Эдварду стало немного не по себе. Он уже готовился смиренно принять ее праведный гнев, но тут она спросила:

— Мы все иногда ошибаемся, не так ли?

— И порой очень крупно…

Аделия заметно помрачнела.

— Да, но все же, после этого мы должны вынести из наших ошибок какой-то урок… Знайте, Эдвард, моя племянница не любит, когда ей указывают. Вы очень скоро поймете это сами. Детство Одри прошло при странных обстоятельствах. Ее родной отец умер очень рано, а при жизни он довольно редко проводил время с семьей. Джонатан служил в королевских войсках в Восточной Индии — там он и погиб, подавляя очередное восстание. Тимоти, полжизни безответно любивший мою сестру, не упустил своего шанса и женился на Розалин, удочерив при этом малышку Одри. Ее бабушка с дедушкой по отцу к тому моменту уже скончались, поэтому никто не возражал, чтобы Одри взяла фамилию отчима.

Так уж вышло, что моя племянница не знала другой любви, кроме как любви Тимоти к Розалин. Отчаянной и безграничной любви, возведенной в ранг обожания. Сам Тимоти не слишком красив и мужественен, в отличие от полковника

Шарпа, родного отца Одри. Розалин же была обворожительной женщиной, за которой в свое время ходили толпы поклонников. Тем не менее, после кончины супруга она выбрала Тимоти, хотя вполне могла найти себе более достойную партию. Любила ли она его, утверждать я не берусь. Скорее, позволяла себя любить… Теперь вы начинаете понимать?

Эдварду стало ясно, чью историю повторяла юная Одри. С малых лет мисс Рассел наблюдала, как ее отчим возносит на пьедестал женщину, которая никогда по-настоящему не отвечала ему взаимностью. Следуя примеру отчима, Одри нарисовала себе нереальный образ Дарена и с большой охотой в него поверила. Образ идеального молодого человека — красивого, успешного, а главное, готового взять ее в жены.

— Одри никогда в полной мере не отвечала женским канонам красоты, — печально заметила Аделия. — Признаюсь вам честно, я очень боялась, что, повзрослев, она не сможет найти себе пару. Внешность — пустая оболочка, увядает и теряет всякую значимость вместе с тем, как мы начинаем стареть, и тогда истинное значение приобретают другие качества. Но, к сожалению, при выборе пары мы опираемся лишь на то, что в скором будущем перестанет быть для нас важным.

— Хотите сказать, что теперь, когда мисс Рассел не грозит одинокая жизнь старой девы, вы более не беспокоитесь за ее будущее?

— Ах, Эдвард, вы же понимаете, что это не так! Я ничуть

не обманываюсь! Ни капельки! Я знаю, какие в Лондоне ходят слухи о Дарене. И пусть не мне его судить, но его поступки заслуживают порицания. Бог мне свидетель — если я узнаю, что он продолжил свои похождения после их бракосочетания, я заставлю его заплатить за каждую пролитую Одри слезинку! Но, как сказано в Писании — «Не судите, и не будете судимы». Если союз с Дареном принесет Одри счастье, каким бы «слепым» и «глухим» оно ни было, я не встану на их пути!

Надо сказать, Эдвард ожидал от Аделии большей проницательности. Увы, она не видела сцены в саду, которая проявила худшее в Дарене Клиффорде. Эдвард мог бы рассказать ей об этом сейчас, но момент показался ему неподходящим. Он прекрасно понимал, что родные и друзья Одри боятся стать причиной ее несчастья. Они все предпочли наблюдать со стороны, как ее пылкое, жаждущее взаимной любви сердце рвется навстречу неминуемой гибели. Каждый из них по-своему защищал самого себя — открой один из них ей глаза на истинную натуру ее возлюбленного, он тут же поставил бы себя под удар, вызвав на свою голову неудовольствие мисс Рассел. Ну, а Дарен по-прежнему оставался бы тем, кого так упорно рисовала себе в своих фантазиях его юная невеста. Ни слова Аделии, ни, тем более, слова такого чужака, как Эдвард Финч, не заставили бы ее отказаться от возможного счастливого будущего с мистером Клиффордом.

Миновав парк, Аделия и Эдвард наконец добрались до поместья. Прямо у ворот по главной дороге мимо них проехал черный автомобиль, который, по всей видимости, только что привез в Магнолия Гарденз кого-то из гостей сэра Рассела.

— Как странно, — заметила миссис Брэдфорд. — Леди Гарднер и Бастер Хилл обещали прибыть только завтра. Что ж, наверняка это Бастер… Этот противный мальчишка всегда ведет себя так, как ему вздумается. Бедняжка Одри все бы отдала, лишь бы не видеть его на своей свадьбе!

Эдвард проследовал за Аделией в дом. В холле у парадных дверей он заметил два громоздких чемодана и несколько круглых коробок для шляп.

— С мистером Хиллом вы не угадали. Должно быть, леди Гарднер прибыла раньше назначенного срока.

— А вот это вряд ли. Если бы в поместье прибыла наша гадюка, то двумя чемоданами дело бы не ограничилось. У нее гардероб, как у какой-нибудь королевской особы! Летиция тратит баснословные деньги на наряды и украшения.

Пройдя из холла в малую гостиную, в которой обычно располагались только что прибывшие гости, Эдвард и Аделия наткнулись на незнакомую молодую особу — красивую блондинку в бежевом пальто и изящных черных туфельках. Губы девушки были накрашены ярко-алой помадой, что придавало ей чуточку хищный вид. Она улыбнулась им и тепло их поприветствовала. Эдвард отметил про себя, что незнакомка говорила с легким акцентом.

В этот же момент в комнату вошел дворецкий, чтобы поинтересоваться, не желает ли гостья сэра Рассела чего-нибудь выпить.

— Если вас не затруднит, стакан воды, пожалуйста, — вновь мило улыбнувшись, сказала девушка. — Вы уже доложили о моем приезде сэру Расселу?

— Конечно. Сэр Рассел сейчас…

— Отдыхает, — раздался в гостиной властный голос Одри.

Она остановилась в дверном проеме, скрестив руки на груди. Ее пытливый взгляд вперился в лицо незнакомки.

— Что вам от него нужно? — требовательным тоном спросила Одри. Она твердым шагом подошла к девушке. — Вы, кажется, не представились?

— Я все же хотела бы поговорить с сэром Расселом, — уклончиво ответила незнакомка. Она вновь обратилась к дворецкому: — Прошу вас, передайте ему, что это срочно…

— Как вас зовут? — чуть громче спросила Одри. В ее голосе засквозила угроза.

— Дорогая, откуда столько злости? — В гостиную привычно уверенной походкой вошел Дарен Клиффорд. За его спиной показался Роберт.

— Разве так разговаривают с гостями? — шутливым тоном пожурил невесту Дарен.

На его лице заиграла привычная лукавая улыбка. Он протянул незнакомке руку.

— Позвольте представиться, Дарен Клиффорд. А вы…

— Она не желает называть свое имя! — раздраженно сказала Одри. — И нам всем очень хочется знать *почему*!

— Одри, повежливей! — зашипел на нее Дарен. — Что это на тебя нашло?

— Я бы хотела увидеть сэра Рассела, — повторила незнакомка тем же спокойным тоном. — Это очень важно…

— Ох, прекратите же этот нелепый спектакль! — наконец вмешалась в их разговор Аделия. — Ума не приложу, что здесь происходит, и почему вы все пререкаетесь. Вы, моя милая, очевидно, устали с дороги, — обратилась она к гостье. — И, судя по вашему багажу, дорога была дальняя.

— Это ничего не объясняет! — топнула ногой Одри. — Что вам нужно от моего отца?!

Эдвард молча наблюдал за этой своеобразной перепалкой. Он уже отметил для себя резкое и необычное преображение юной мисс Рассел. Из испуганной и подавленной девушки она превратилась во властную и разгневанную хозяйку собственного дома. Эта внезапная перемена не укрылась и от Дарена. Он тщетно пытался подобрать правильные слова, чтобы приструнить будущую жену. Молодой человек неожиданно для себя осознал, что прежде недооценивал силу характера своей второй половинки.

Аделия быстро пересекла гостиную и встала между своей племянницей и вновь прибывшей гостьей.

— Одри, какая муха тебя укусила? — спросила она шут-

ливо. — Давайте-ка прекратим этот спор, и все вместе отправимся в столовую. Ужин вот-вот подадут. Тимоти обязательно к нам присоединиться…

— Господи! — из коридора послышался сдавленный мужской голос.

Сэр Рассел, хромая, вошел в гостиную. Справа от него, поддерживая его под руку, шла девушка, одетая в скромное черное платье. Именно ее видел Эдвард в саду в компании мистера Клиффорда.

— Неужели это… *ты*? — чуть слышно спросил Тимоти Рассел.

— Да, это я, — с какой-то странной грустью в голосе ответила незнакомка.

Эдварду даже показалось, что она вот-вот заплачет.

— Я не верю… Это действительно ты?

В то же мгновение лицо мисс Рассел сделалось бледным, словно вся кровь разом отлила от ее кожи. Она посмотрела на незваную гостью неверящим взглядом и что-то забормотала себе под нос. Девушка заметила, что Одри изменилась в лице, и это ее испугало. Она машинально попятилась назад, словно Одри могла на нее наброситься.

Эти краткие мгновения неопределенности заставили всех в гостиной задаться одним простым вопросом: «Что тут вообще происходит?» Единственным, кому хватило смелости (или, скорее, глупости) спросить об этом, оказался Роберт. Он будто и вовсе не уловил возникшего в комнате напряже-

ния.

— Вы, наверное, дальняя родственница сэра Рассела? — высказал он довольно громко логичное предположение.

Тревожная тишина продлилась недолго.

— *Дочь*! — наконец вымолвила Одри, сделав шаг назад. — Она его *дочь*!

Глава 9. Посторонние

Аделия и Эдвард подошли к главным воротам поместья.

— Никто не ожидал такого поворота событий! — сокрушалась миссис Брэдфорд. — Мне жаль, что все вышло так… неловко. Вы были приглашены на ужин, а теперь… Я даже не представляю, что теперь будет!

— Я уверен, кем бы ни была эта девушка, ее присутствие в Магнолия Гарденз не нарушит ваших планов, — отозвался Эдвард.

— Полагаю, эта нелепая ситуация вскоре прояснится, — согласилась Аделия. — Тимоти просто обязан нам все объяснить, и как можно скорее! А свадьба… Что ж, свадьба безусловно состоится. Все приготовления почти закончены, и мы не можем вот так взять и все отменить! Да и с чего бы? — Она взглянула на Эдварда в поисках поддержки, но, уловив в его взгляде сомнение, тут же добавила: — Я видела выражение лица бедняжки Одри. Боже, мне на миг почудилось, что она вот-вот упадет в обморок или кинется на ту девушку и расцарапает ей лицо!

— Да уж, день у мисс Рассел выдался крайне неудачный…

Позади них вдруг раздались шаги. Роберт беззаботной походкой приблизился к «влюбленной парочке» — так он уже успел окрестить Аделию и Эдварда.

— Вот ты где, Эдди! Я попрощался с мисс Гарднер, и те-

перь мы можем отправляться в путь.

Роберт явно пребывал в приподнятом настроении, несмотря на все случившееся. Казалось, этого неисправимого оптимиста ничем нельзя вывести из равновесия.

— Миссис Брэдфорд, мы с Робертом очень признательны вам за гостеприимство. — Эдвард постарался придать своему голосу сдержанности — ему вовсе не хотелось выслушивать двусмысленные шуточки Милтона на свой счет по пути в гостиницу.

— Мы с Эдди так счастливы быть здесь! — заверил Аделию Роберт. Все его мысли были заняты лишь скорым свиданием с милашкой Дебби Гарднер. — Я уверен, миссис Брэдфорд, свадьба Одри и Дарена будет потрясающей!

— Может, вы все-таки согласитесь взять автомобиль? — предложила Аделия. — Дорога освещена лишь частично. В парке кое-где зажигают светильники, а дальше по пути в деревню — кромешная тьма.

— Думаю, мы не заблудимся. Правда, Роберт?

Милтон, определенно, не разделял уверенность друга. Он был не большим поклонником ночных прогулок по сельской местности в отсутствии всяких ориентиров. Будь его воля, он напросился бы на ночлег. Но его небольшой багаж остался в номере Эдварда. «Пора и честь знать», — красноречиво говорил взгляд Финча, и Роберт был вынужден с ним согласиться.

— Я надеюсь, что все наши планы останутся в силе, — с

легким разочарованием в голосе сказала Аделия. — Во всяком случае, я сделаю все от меня зависящее, чтобы ничто не омрачило праздник Одри. И я рассчитываю, что вы, молодые люди, мне в этом поможете. Поэтому я прошу вас без лишних отговорок и стеснения прибыть завтра к нам на ужин к семи часам.

Милтон тут же просиял и рассыпался в благодарностях. Эдвард же, глядя в погрустневшие глаза Аделии, пытался представить себе какие еще сюрпризы ждут их завтра в Магнолия Гарденз.

Тепло попрощавшись с миссис Брэдфорд, друзья пешком отправились по главной аллее через парк к подножию холма, а оттуда по дороге в Туайфорд. Нынешний вечер выдался довольно светлым, и потому они без труда добрались до гостиницы. К удаче Роберта, в «Кингз Армз» для него нашелся свободный номер. Разложив свои немногочисленные вещи, Роб присоединился к Эдварду в таверне, где им был предложен чай и горячий пирог с рыбой. За этим скромным ужином друзья обсудили прошедший день, главным событием которого стало появление в поместье таинственной незнакомки, которая, вполне вероятно, была родной дочерью сэра Рассела.

Именно так Эдвард понял слова бедняжки Одри. Девушка, осознав ужасную правду, словно ошпаренная, выскочила из гостиной. Ни один из присутствующих не осмелился ее остановить. Ситуация сложилась крайне неловкая, как для

гостей, так и для жильцов дома. Видя, как неуютно чувствуют себя все окружающие, Эдвард предпочел ретироваться, прихватив с собой Роберта. Правда, тот все же сумел улучить момент, чтобы попрощаться с Дебби и заодно договориться с ней о встрече следующим же утром.

Эдвард понял, что настал тот самый момент, когда ему придется разрушить мечты Роберта — рано или поздно (а скорее именно рано) Милтону придется столкнуться с тетушкой Дебби, и уж лучше пусть он перестанет тешить себя напрасными надеждами сейчас. Поэтому Эд, как можно подробнее, изложил другу сомнительные перспективы его будущего с мисс Гарднер. Он не мог допустить, чтобы Роберт попался на удочку девичьего очарования Дебби, за которым крылись лишь ее неопытность и инертность. За хрупкой фигуркой этой миловидной девушки стояла фигура ее властной и нетерпимой тетки, которая никогда и ни за что в жизни не позволила бы своей протеже опуститься до брака с простым и никому не известным журналистом. Но, как бы ярко и подробно Эдвард не рисовал своему другу картину этой неравной и заранее проигрышной партии, Роберт был настроен вполне серьезно.

— И откуда такая настойчивость? — спрашивал его Эдвард. — Таких девушек, как Дебби, в Лондоне пруд пруди! Симпатичная — да, не спорю! Хорошие манеры, довольна мила и не глупа, но вот и все ее достоинства. А что касается денег… Если все дело в этом…

Милтон оскорбился таким предположением и уже собрался было встать из-за стола, чтобы уйти, но Эдвард его остановил.

— Я знаю, Робби, что ты не из *таких*. И все же я ума не приложу, почему ты так уперся? Я сомневаюсь, что в присутствии этой дамы, или лучше сказать надзирательницы, тебе удастся продолжить свои ухаживания. Да и к чему они приведут? Разве только ты решил немного поразвлечься и устроить себе небольшую проверку на прочность?

Но Роберт оставался непреклонен и не хотел ничего слышать.

— Меня не пугает присутствие какой-то вредной старушенции в Магнолия Гарденз! — заявил он Эдварду. — И не с такими особами мне приходилось иметь дело! Я готов поставить двадцать фунтов на то, что сумею очаровать тетку Дебби, и к концу этой недели у нее не останется ни единого аргумента против моей кандидатуры. Ну, может быть, только мое положение в обществе…

Эдвард сдался, предоставив Роберту самому выпутываться из его собственной, заранее обреченной на провал затеи. Перед тем, как отправиться спать, он осведомился у администратора, не выехал ли из гостиницы Питер Чейз.

— За мистером Чейзом все еще числится четвертый номер, — ответил ему консьерж.

— А вы сами видели его этим вечером?

— Нет, сэр, я видел его вчера около полуночи. Мистер

Чейз возвращался из таверны…

Эдвард явственно представил себе *в каком* Питер был состоянии.

— И с тех пор вы его не видели?

— Нет, сэр, но я работаю только по ночам. Полагаю, мистер Чейз вернется в гостиницу позже.

Неудовлетворенный таким ответом, Эдвард решил наведаться к Питеру в номер, но на стук в дверь так никто не ответил.

Утро следующего дня прошло довольно спокойно. Роберт, счастливый и окрыленный, выпорхнул из гостиницы в десять часов утра, стремясь навстречу даме своего сердца. Но прежде он наведался к Эдварду и очень эмоционально потребовал у него «что-нибудь подходящее случаю». «Чем-нибудь подходящим» оказался новый шерстяной пиджак Финча в синюю и зеленую клетку, который он приобрел в прошлом году. Он сам успел надеть его всего лишь раз на рождественскую вечеринку, а теперь планировал «выгулять» пиджак во время своего пребывания в гостях у Расселов. Но этим планам, увы, было не суждено сбыться. Умоляющий взгляд друга заставил его сдаться, и пиджак был отдан в безвозмездное пользование господину Милтону.

Эдвард провел первую половину дня за чтением книги, которую очень любезно одолжил ему Эрнест. Кроме того, он оповестил Финча о прибытии мистера Чейза. Очевидно,

журналист засиживался допоздна в местном пабе или таверне, и всегда возвращался в «Кингз Армз» крайне поздно. Сегодняшним утром мистер Чейз отбыл в неизвестном направлении, несмотря на изрядное похмелье. Эдвард, разумеется, догадался, что Питер уже приступил к поискам Итана Уорда. Любопытство снедало его, и все же он решил сдержать данное себе обещание не лезть в дела журналиста. Впереди его ждала радостная встреча с Аделией Брэдфорд.

После обеда в гостиницу возвратился Роберт. По его виду трудно было сказать, удалось ли его свидание с Дебби Гарднер. Так или иначе, его визит в Магнолия Гарденз явно затянулся, и Эдварду не терпелось узнать причину. Заказав в таверне по бокалу холодного пива себе и другу, Роберт начал свой рассказ:

— Сегодня Дебби выглядела просто волшебно! Будто настоящая фея! Ну, знаешь, таких еще рисуют в детских книжках… Голубое платьице, серое пальто с красивой вышивкой по вороту, а в волосах цветы вишни, представляешь? А ножки! Ножки у нее просто кукольные! Туфельки такие крохотные!

— Я вижу, ты в полном восторге от мисс Гарднер, — отозвался Эдвард. — Но меня интересует другое. Ты был в самом поместье, Робби?

— А как же!

— И как обстановка в доме? Ты видел остальных гостей? И что на счет той незнакомки, которая вчера взбудоражила

всех своим появлением?

— Ну, давай обо всем по порядку. Если хочешь знать, мы с Дебби прекрасно провели время. Я рассказал ей о себе, о том, где живу и с кем общаюсь, а также немного о своей работе. Знаешь, Дебби очень простая девушка, несмотря на то, в каком обществе она вращается, и кто ее воспитывал.

— Вот об этом поподробнее. Мисс Гарднер не предупредила тебя о возможных… трудностях, которые ждут вас впереди?

— Дебби упомянула нелегкий нрав своей тетушки, — нехотя признал Роб.

— Нелегкий нрав! Она очень деликатна, твоя мисс Гарднер…

— Как может быть иначе? Я и не сомневался, что Дебби сама все прекрасно понимает. И все же леди Гарднер ее вырастила, дала ей образование и свою фамилию — Дебби есть за что быть благодарной своей тетушке.

— Быть может, и так, но вот для тебя это не сулит ничего хорошего.

— Могу тебя немного успокоить: я успел мельком увидеть леди Летицию, — сказал Милтон. — Она прибыла в Магнолия Гарденз как раз в тот момент, когда мы подходили к дому. Дебби сразу занервничала и побежала вперед, попросив меня немного задержаться. Я повиновался и остался стоять у ворот. Издалека леди Гарднер показалась мне довольно безобидной старушкой. Очень худая, одета в длинное черное

платье, на плечах меховое манто. В общем, дама из высшего общества — ничего нового или удивительного.

— Ты успел познакомиться с ней поближе?

— К сожалению, нет. Леди Гарднер так устала с дороги, что предпочла отобедать у себя в комнате.

— Так ты остался у Расселов на обед? — удивился этой новости Эдвард. — Ну, наглости тебе не занимать!

— Не будь со мной так суров, Эдди, — обиделся Милтон. — Дарен настоял на том, чтобы я остался. Я просто не мог отказаться! Это было бы попросту невежливо с моей стороны.

— И что же? Никаких скандалов? Все спокойно?

— Какие еще скандалы? А-а, ты об этой молодой леди… Кстати, она показалась мне весьма обворожительной особой. Маргарет Келли, так ее зовут. Она приехала из Австралии, чтобы навестить отца. Как рассказал мне Дарен, а мне только с ним и удалось нормально поговорить, сэр Рассел никогда не видел родную дочь. Все в доме изрядно удивились, узнав, что у него когда-то были романтические отношения с некой Ребеккой Келли, которая и произвела на свет его единственное кровное дитя. Думаю, тебе не составит труда представить, в каком шоке от этих новостей нынче находится бедняжка Одри.

— Ты видел ее за обедом?

— Нет, к нам Одри так и не вышла. Впрочем, никто этого от нее и не ждал. Дарен сказал мне, что она с прошлого

вечера закрылась у себя в комнате и согласилась пустить к себе лишь Аделию. Отца она видеть не хочет, что лично мне вполне понятно. Честно говоря, я сомневаюсь, что Одри захочет присутствовать на сегодняшнем ужине. Появление в доме мисс Келли изрядно подпортило ей предсвадебное настроение. По словам Дебби, она может и вовсе не оправиться от такого удара. Состояние ее нервов в последнее время оставляет желать лучшего…

«Ничего удивительного, — подумал Эдвард. — С такой-то семейкой! Сначала жених, а теперь и отец… Мисс Рассел „окружили“ со всех сторон».

— Значит, обед прошел спокойно?

— Вполне. Мы с Дебби были неразлучны. Дарен что-то втолковывал своему шаферу — Бастеру Хиллу. Он прибыл в поместье сегодня утром. Знаешь, этот тип мне очень не понравился! Посматривал на меня, словно кот на добычу. Таким хищным презрительным взглядом… Знаю я таких, как он! — сердито буркнул Роберт. — Вцепятся в тебя и не отпустят, пока все соки не выпьют! Стоило бы предупредить Дарена…

— Полагаю, мистер Клиффорд прекрасно осведомлен о натуре своего лучшего друга, — холодно заметил Эдвард. — К тому же, это многое говорит о нем самом, ты не находишь? Выбрать себе в шаферы такого человека, как Бастер Хилл.

— И снова ты за свое, Эдди! — всплеснул руками Милтон. — Оставь Дарена в покое! Он, может быть, не ангел бо-

жий и не такой умный и честный человек, как ты, но и у него есть свои достоинства.

— Например, большой кошелек, — съязвил Эдвард. — Да-да, и можешь со мной не спорить, Робби. Впрочем, мистер Клиффорд волнует меня в последнюю очередь. Лучше скажи мне, как сегодня чувствует себя миссис Бредфорд?

— Твоя прекрасная Аделия была на высоте! Вежливая, тактичная, она старалась говорить только о приятном и избегать любых щекотливых тем. Она то и дело расспрашивала Маргарет об Австралии, о том, как ей понравилась Англия, ну, и обо всяких подобных пустяках. А затем она принялась нахваливать игру своей подруги Елены Росси…

— Что за Елена Росси? — удивился Эдвард.

— Ах, да! Я совсем о ней забыл! Елена Росси — красавица-итальянка, известная в Европе актриса театра и вроде бы неплохая певица. Приехала этим утром вместе с Бастером Хиллом из Лондона.

— Под «приехала вместе» ты подразумеваешь…

— Нет, они не пара. Как сказала сама сеньора Росси, «им с Бастером просто было по пути». Елена и Аделия — давние подруги. Как я понял, сеньора — частая гостья в доме Расселов. Нынче она прибыла в Лондон с гастролями. Свадьба Одри и Дарена — отличный повод, чтобы навестить старых друзей, так она нам сказала.

Эдвард заметил хитрую ухмылку друга.

— Выкладывай, Робби, чего еще ты не договариваешь?

— Если хочешь знать мое мнение, Эдди, то я думаю, что Елена имеет другую, более вескую причину для этого визита. Готов поспорить, что она очень заинтересована в сэре Расселе. Он, конечно, уже не молод, да и к тому же немощен. Но, как по мне, его положение в обществе вкупе с большим кошельком пока не потеряли былую привлекательность. Уверен, в таких вопросах Елена Росси разбирается ох как неплохо!

Эдвард живо представил себе, как красавица-итальянка увивается за сэром Расселом.

— Бедняжке Одри не хватало только мачехи! — добавил Роб. — Боюсь, что такого поворота событий ее психика просто не выдержит!

Казалось, все обратились против Одри Рассел — ее родные, ее гости и даже сами обстоятельства. О том, чтобы отговорить ее от свадьбы с Дареном, теперь и речи быть не могло. Все, что отныне оставалось Эдварду, так это молча наблюдать за тем, как разворачиваются события. Он не сомневался, что предстоящая неделя будет насыщена всевозможными сюрпризами: семейными разборками, интригами и не самыми приятными открытиями. И только они с Робертом были посторонними в этой «драматической постановке», где им, тем не менее, уже были отведены свои роли.

Глава 10. Решение

Как же Одри хотелось, чтобы вчерашний вечер оказался всего лишь кошмарным сном! В какие-то считанные мгновения ее жизнь безвозвратно переменилась. Весь ее мир, столь тщательно оберегаемый ее родными от любых невзгод и волнений, рушился на глазах. Как долго она ждала этой недели! Недели, которую она посвятит приготовлениям к самому счастливому моменту в ее жизни.

«Все должно было пойти не так! — сокрушалась она про себя. — *Я* должна была стать центром всеобщего внимания, а не эта паршивая самозванка!» Будущая жена Дарена Клиффорда, любимая дочь Тимоти Рассела — вот кем была Одри. По крайней мере до вчерашнего вечера… Но теперь на ее место претендовала другая — незваная гостья в ее собственном доме! «Как же так случилось, что все, кому я верила, в одно ужасное мгновение оказались обманщиками и предателями?»

Маргарет Келли теперь стала единственным предметом всеобщего интереса. Разве заурядная светская свадьба сможет затмить приезд утраченной, а главное, *родной* дочери сэра Рассела? Естественно, все взгляды будут прикованы только к ней! В худшем же случае разразится скандал. А еще Дарен… Дарен и его вечные тайны! Тайны и тайные связи! «Как он посмел связаться с этой грубой и вертлявой девицей

— Лиззи Пейдж? — возмущалась Одри. — Да ведь она простая секретарша! Ни умом, ни красотой не блещет, держится со всеми надменно, ведет себя так, как будто ей каждый что-то должен!» Она просто отказывалась верить в то, что у Дарена и Лиззи может быть что-то общее. Она твердо решила, что спросит его об этом напрямую. Но Дарен, скорее всего, вновь ответит ей, что у нее просто разыгралось воображение, или шалят нервы. «Нет, я должна действовать скрытно, — наконец поняла Одри. — Я должна сама выяснить, что связывает его с Лиззи, а иначе я просто сойду с ума!

Голова у нее невыносимо болела. Она никак не могла к этому привыкнуть. Лекарства снова не помогали. Оставалось лишь ждать, пока боль утихнет сама, как это уже бывало прежде. С трудом поднявшись с кровати, Одри посмотрела по сторонам, но сейчас обстановка в комнате показалась ей незнакомой и какой-то… чужой. Нежно-голубые обои в цветочек теперь выглядели серыми и бесцветными, портьеры на окнах были задернуты неплотно, и в спальню едва-едва проступал холодный утренний свет, такой, какой обычно бывает хмурым, пасмурным днем. Небо заволокло белесыми облаками, не имеющими особой формы и сливавшимися воедино. Вчерашний солнечный день оставил о себе лишь мимолетное воспоминание. Ярко-желтые магонии, растущие под окном комнаты Одри, сейчас показались ей увядшими и безжизненным, такими же, как и она сама.

Взглянув на себя в зеркало, она невольно поморщилась. И

без того непослушные волосы спутались и торчали в разные стороны, веки опухли от слез, а глаза казались воспаленными и уставшими. «Великолепно! И вот такой я предстану перед остальными за завтраком! — с ужасом подумала Одри. — И вообще, который сейчас час?» Она взглянула на старинные часы, висевшие над камином, и тяжело вздохнула. «Думаю, завтрак прошел без меня. Наверное, так даже лучше…» Одиннадцать часов, а ее никто не пришел разбудить. Значит, все о ней забыли… И чему тут удивляться? Ведь у них появилась новая забота — развлекать вновь прибывшую гостью! «Представляю, как отец рад ее появлению! Он почти что лишился дара речи, увидев эту девицу в гостиной! А тетушка Аделия… Что ж, уверена она без труда найдет с ней общий язык. Это ее особый талант — проявлять невиданную дипломатию в самых неоднозначных ситуациях. Ну, а Дарен…»

Ладони девушки сжались в кулаки, как только она вспомнила, *как* ее возлюбленный смотрел на Маргарет — полным восхищения взглядом, граничащим с вожделением. Этот быстрый, но красноречивый взгляд больно резанул Одри по сердцу. Ей вдруг подумалось, что Дарен еще никогда не смотрел *так* на нее саму.

Ах, эта безжалостная и беспощадная любовь! Как глубоко она заставляет нас обманываться в себе самих и в тех, кого мы превозносим до небес в безудержном порыве чувств!

«Пусть он смотрит на нее, пусть глазеет!» — злилась на

жениха Одри. Да, Маргарет, несомненно, хороша собой: правильные черты лица, идеальная прическа, шикарный цвет волос, голубые глаза, а главное — женственная фигура, которой ей самой, увы, никогда не обзавестись. Но не Маргарет Келли и не Лиззи Пейдж выходят замуж за Дарена Клиффорда, а мисс Одри Рассел, единственная законная дочь и наследница сэра Рассела. И ни одной из этих пронырливых девиц не удастся отнять у нее того, что принадлежит ей по праву!

Утро тянулось для Одри бесконечно долго. Ее сознание было окутано каким-то туманом, который никак не желал рассеиваться. Ей чудилось, что в саду за окном вновь наступила осень. Ветер нещадно трепал верхушки деревьев, клоня их то вправо, то влево. Сочная зелень газона теперь выглядела сырой и пожухлой, а яркие краски цветника утратили былую сочность. Она сидела на кушетке возле окна, закутавшись в теплую шерстяную шаль, и наблюдала за тем, как ее верный пес Купер носится по аллее перед домом с огромной веткой в зубах. «Видимо, Дарен вышел с ним поиграть», — догадалась Одри, но тут же поняла, что ошиблась. Вместо Дарена по дорожке прошла Маргарет Келли. Сердце девушки сжалось от тоски и обиды. «Даже глупая псина променяла меня на эту самозванку!»

Поплотнее задернув шторы, Одри вновь улеглась в постель. В дверь ее спальни несколько раз постучали, но она

не открыла и приказала ее не беспокоить. Прошло не больше получаса, когда за ее окном послышался шелест гравия под колесами автомобиля. Она сразу решила, что это, должно быть, прибыл Бастер Хилл — бессменный дружок Дарена и по совместительству его напарник во всех его приключениях и авантюрах.

«Как же я ненавижу этого мерзавца! Была б моя воля, ноги бы его здесь не было! Как только мы поженимся, я поставлю Дарена перед фактом…» Что ж, у Одри Рассел было такое право — требовать к себе уважения, а как раз уважение Бастер Хилл ей никогда не выказывал. Его льстивые, притворные комплименты и глупые вопросы, которые обычно задают пустоголовым кокеткам, выводили Одри из себя. Она прекрасно понимала, что Бастер хорошо знает Дарена и умело им вертит. Он играет на его самолюбии, умеет добиться его благосклонности и расположения, и всегда за счет кого-то другого. Она уже не раз видела его «мастерство» в действии. Бастер Хилл — последний в мире человек, которому она доверила бы хоть малейшую тайну. А Дарен, обманутый его лицемерием и заискиванием, делился с лучшим другом весьма конфиденциальной информацией.

Одри выглянула в окно, но из машины вышел вовсе не Бастер Хилл. В поместье прибыла старая гадюка собственной персоной. «Моя бедная Дебби! Она никогда не найдет себе пару, пока жива эта мерзкая старуха! Роберт кажется милым и порядочным парнем. Но куда уж ему до такой важной пер-

соны, как леди Гарднер! Она мнит себя особой королевских кровей, не меньше. Ах, как же это несправедливо! Дебби заслуживает счастья больше нас всех!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.